

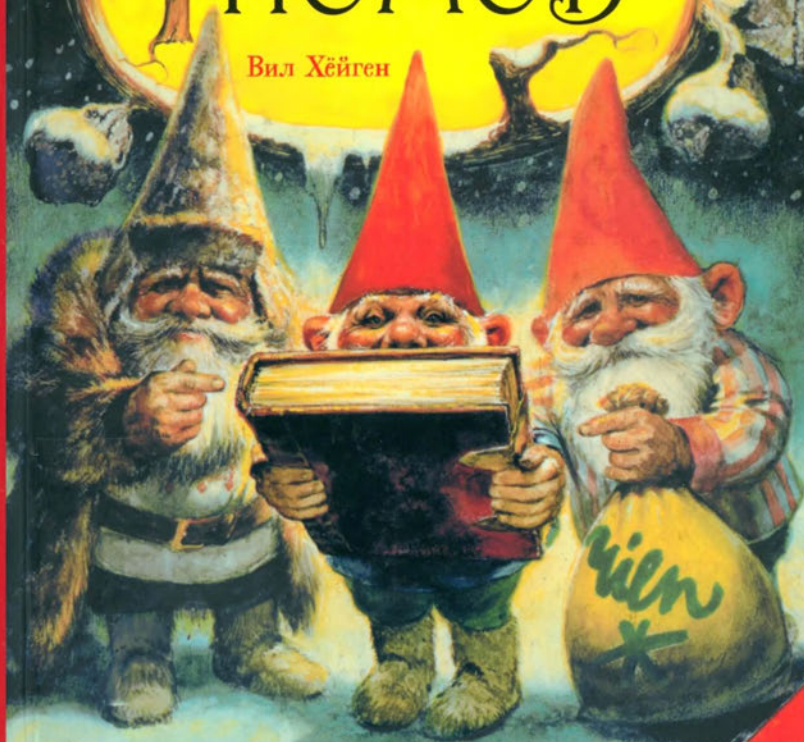

Тайны ГНОМОВ

Вил Хейген

Тайны ГНОМОВ

Вил Хейген

Иллюстрации Рин Поортфлит

Гномы не чужды красоты, но одеваться предпочитают в первую очередь удобно. Чего только стоят их колпачки! В них так удобно гулять по лесу, где на голову так и сыплются всевозможные семечки и тяжёлые шишки.

В «Книге тайн» открываются не только секреты гномов, но и секреты всего нашего огромного мира. Вот только жаль, что без посторонней помощи се будет тяжело читать.

Гномы живут в гармонии с окружающим миром, никогда не скрывают свои чувства и считают, что на свете нет ничего лучше, чем крепкие объятия.

Итак, гномы пустились в путь, туда, где раскинулись суровые, ледяные земли Севера. Им предстоит полетать на воздушном шаре, переночевать под снегом под крылом глухаря, спасти из снежного плена медведя и даже построить иглу. Они познакомятся с местным народцем – низкорослыми гномами, а также с добрым троллем и таинственным йети...

РИПОЛ
КЛАССИК

ISBN 978-5-386-05171-6

9 785386 051716

Риол
Классик

Вил Хейген Тайны ГНОМОВ

Тайны
ГНОМОВ

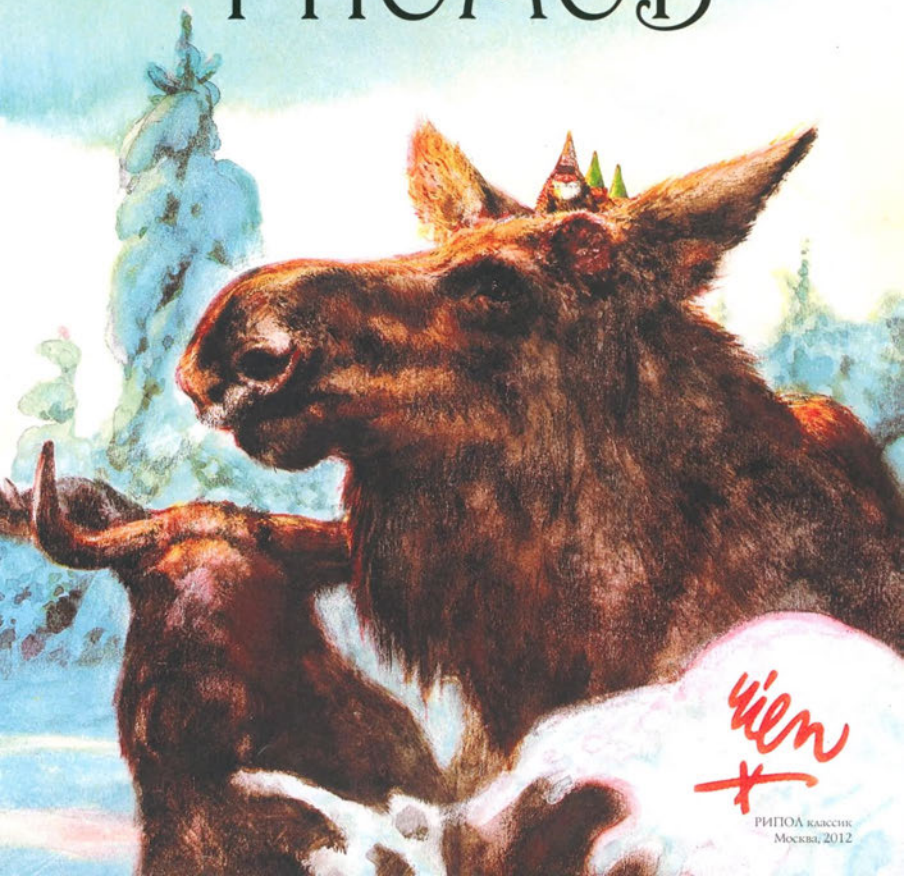
Иллюстрации:
Рин Поортфлит

Вил Хёйген

Та́йны ГНОМОВ

Чел
*

РИПОЛ КЛАССИК
Москва, 2012

Прошло уже без малого пять лет с тех пор, как мы впервые отважились на путешествие в мир гномов, и вот нам представилась еще одна возможность. На сей раз мы отправились в путь, следуя зову самих гномов. Сдается, в нашей первой книге, что скромно называлась «Гномы», мы допустили ряд поверхностных суждений, даром что сами гномы приглашали за нашей работой и даже дали согласие на публикацию нашего труда.

Как бы то ни было, гномы пожелали встретиться с нами вдали от нашего дома, возможно, для того, чтобы пристальнее приглядеться к нам или даже испытать. И вновь... чем ближе мы узнавали их, тем яснее становилось нам, что сравнение не в нашу пользу. Тот мир, в котором живут гномы, древнее и справедливее нашего, и внемлют они голосам, что нам и слышать-то не дано. В своем познании природы, или в том, что у нас называется природоведением, они оставили нас удручающе

далеко позади, достигнув таких глубин, какие недоступны людскому воображению; нам остается лишь строить догадки о подлинной сущности вещей в столь дремучей и таинственной области, как сказка.

Поначалу со свойственной им врожденной деликатностью гномы попытались было заняться нашим просвещением, постепенно приподымая невидимый покров неведомого. Но затем ход событий ускорился настолько, что нас попросили передать срочное послание, которое и

будет изложено в этой книге. По совету Мирко, что приютил нас в Лапландии и даже позволил взглянуть на некоторые главы «Книги тайн», мы все тщательно зарисовали, хотя и не всегда представлялось возможным сделать невидимое видимым с помощью ручки или кисточки.

Мы надеемся, что нам удалось восполнить пробел в наших знаниях о гномах. Предположение это, возможно, вызовет у них реакцию, которую оно, собственно, и заслуживает, — улыбку.

Чен
X

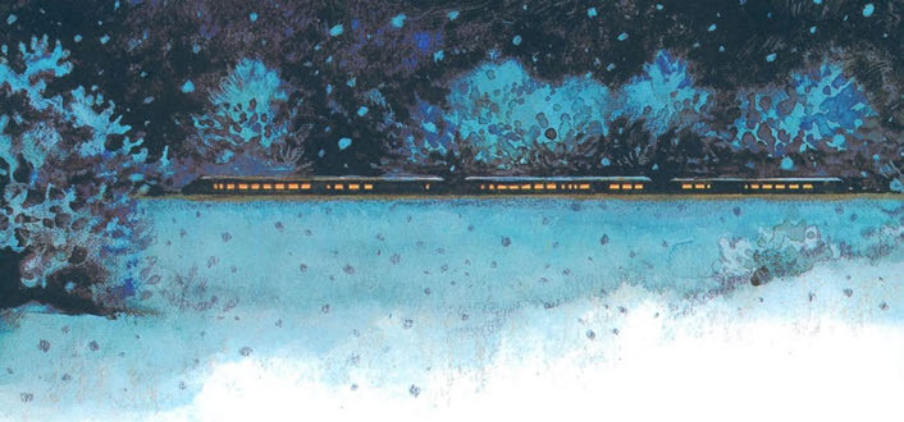
ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛАПЛАНДИЮ

Девятнадцатого декабря 19... года от Рождества Христова в своих почтовых ящиках мы обнаружили билеты на поезд до Кемиярви (с остановками в Бентхайме, Бремене, Оденсе, Копенгагене, Стокгольме, Хапаранде и Рованиеми). Мелким каллиграфическим почерком на белоснежной березовой коре было выведено:

*Приезжайте, нам срочно нужно
обсудить очень важное дело!*

Такое послание могло прийти только от гномов, и оставить его без внимания мы попросту не могли. Стыдно признать, но мы не знали, где именно находится Кемиярви, однако вскоре выяснили, что это маленькое городишко в Финляндии, совсем рядом с Полярным кругом. Билеты, которые прилагались к письму, были на Северо-западный экспресс, что отправлялся из Утрехта двадцатого декабря в 8.44 вечера. В Лапландию зимой? По правде говоря, эта мысль нас несколько

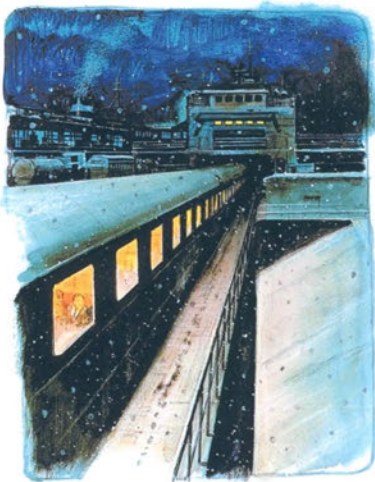
не грела. Не развеял нашего недоумения и краткосрочный визит, что мы нанесли семье гномов в голландском городишке Сустдейнен, — те дружелюбно поулыбались нам, понимающе кивнули, но объяснять ничего не стали.

Вечером двадцатого декабря Северо-западный экспресс, следуя из голландского города Хука в Швецию, с лязгом подкатил к железнодорожной станции Утрехта, и в считанные минуты мы уже уносились в зимнюю ночь. До конечного пункта было два дня пути. С собой мы везли письменные и рисовальные принадлежности и самую теплую одежду, что смогли подобрать. При этом мы не переставали гадать, что именно нам понадобится там, у Полярного круга. В своем невежестве мы уповали на то, что все необходимое мы сможем купить на месте! Как же мы ошибались...

Мимо окон проплывала ночная Голландия. С тяжелым сердцем глядели мы вслед заснеженным полям и лесам родного Велuwe, пока что чувствуя себя в безопасности. Проехав Бентхайм, мы, не сговариваясь, молча забрались на свои койки. За окном стало сереть лишь тогда, когда на пароме мы добрались до городка Корсор, что в Дании, а в 9.09 утра мы въехали в окутанный туманом Копенгаген. У нас оставалось всего десять минут на пересадку, и вскоре поезд пересек границу Швеции у Хельсингборга. Над Южной Швецией, той самой, над которой на белом

гусе Мартине пролетал Нильс Хольгерссон, погода прояснилась, и мы воспряли духом. В 5.44 пополудни поезд прибыл в Стокгольм. Здесь мы были предоставлены сами себе до 9.10 вечера, когда отправлялся ночной поезд в Хапаранду. Мы перекусили, погуляли по городу, зашли в городскую мэрию, на рынок и в церковь Святой Клары.

Проезжая ночью вдоль побережья Балтийского моря, покрытого льдами на протяжении полутога, мы отметили, что

световой день заметно сократился, зато в окошке как-то мелькнул настоящий лось. Стало ясно, что в Кемиярви (из-за близости к Северному полюсу) световой день будет длиться не более трех часов. На следующий день в 5.40 мы были в Хапаранде. Пересев на поезд до Торнио, мы оставили позади Швецию и не успели оглянуться, как уже оказались в Финляндии, где перебежали на другой поезд, что прибывал в Кемиярви в 7.27. Теперь за окном тянулись тундра и бескрайние леса празднично одетых рождественских елок, погруженных во тьму.

Из уютного своего купе мы отстраненно взирали на снежные просторы, что расстилались перед нашим взором. Время от времени из-за облаков показывалась

луна, выхватывая затерянный среди заснеженных полей домик или хуторок, окруженных изгородью из переплетенных ветвей. Кроме нас в купе было еще несколько пассажиров; одни из них читали, другие уже клевали носом. В углу у окна сидела лопарка в цветастом платье; на коленях она держала маленькую девочку, что указательным пальцем выводила узоры на стекле.

Ничто, казалось, не предвещало ненастья, но едва мы отъехали от Хапаранды, как разыгрался настоящий ураган, а где-то на полпути между Рованиями и Кемиярви с лязгом и грохотом поезд и вовсе остановился. По вагону пронёсся слух, что где-то впереди произошел обрыв проводов. Аварийная бригада была уже в пути,

но двухчасовой задержки было никак не миновать. Часы показывали без малого половину седьмого. К счастью, у нас еще оставалось несколько булочек. Снаружи стояла обжигающая стужа, ветер зловеще завывал, а окна покрылись изморозью.

Немного погодя к нам зашел проводник, маленький сморщенный человечек с желтоватого цвета лицом и иссиня-черными волосами. Ранее мы имели возможность отметить, как он исподволь наблюдал за нами. В его темных раскосых глазах отражались бесконечные просторы этой северной земли. Он дал нам знак выйти в коридор, где никто не мог нас подслушать.

— Прощу прощения, джентльмены, — обратился он к нам на ломаном английском. — Я лопарь. Я немало попутешествовал и, как и многие из моего народа, приобрел способность понимать послания, приходящие издалека. Поэтому я знаю, кто вы. По прибытию в Кемиярви вы должны были получить наказ вернуть-

ся по железнодорожной колее обратно к маленькой церквушке и ждать там. Но теперь, когда поезд задерживается, вам лучше сойти здесь. Отсюда ближе до церкви. Если вы будете идти вдоль колеи, снег вам будет не помеха. Я помогу вам покинуть поезд незамеченными.

Так вот каков был план! Смутное беспокойство, что точило нас с начала нашего пути, исчезло как не бывало. В сумерках мы проследовали за проводником в голову поезда, где он помог нам спустить багаж. Мы поблагодарили его, приняли обратно часовые, что он отказался взять, и ушли во мглу. Защищенный от всех невзгод, уютный, сверкающий гирляндой огней, поезд остался позади, уменьшаясь с каждым нашим шагом. А мы... мы ощущали себя в дебрях дремучего, словно ожившего от дуновения северных ветров, бескрайнего леса, тем более что, словно первопроходцы, мы с трудом продвигались по железнодорожной насыпи в гущи Северной Финляндии, в неизвестные

нам дали, не имея ни малейшего представления о том, что нас там ждет!

Вскоре мы воочию увидели дрезину с аварийной бригадой, но, предпочитая оставаться незамеченными, укрылись за кустами в глубоком снегу. Она промчалась мимо, и мы продолжили наш путь. В не-

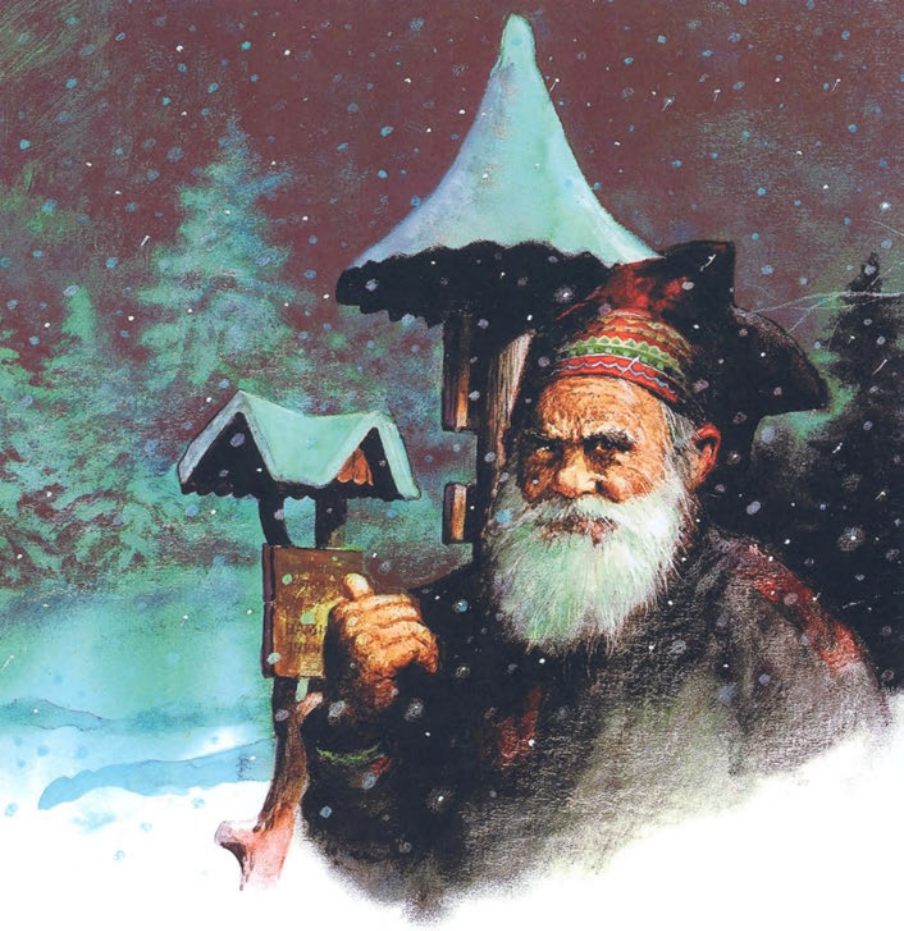
скольких милях впереди, в стороне от железнодорожной колее, мы заметили маленькую церквушку и побрели к ней. Вокруг стояла тишина, не нарушаемая ничем, кроме скрипа шагов. Мороз все крепчал, но ветер утих так же внезапно, как и налетел. Зато сугробы намело уже

локтя на три в высоту. Над нами простиралось ясное звездное небо; все затаилось так, как будто что-то должно произойти.

Постукивая нога о ногу, мы околачивались у церкви добрых десять минут, но ничего ровным счетом не произошло. Быть может, мы приехали слишком рано?

Прождав еще четверть часа, мы решились обойти церковь и дом настоятеля. И что же? — нигде не светилось ни одно окно. Нас охватила паника. Куда нас занесло? А что, если все это была чья-то злая шутка, рассчитанная на двух легковых простаков?

И вдруг, несмотря на непроглядную тьму, вернее, смотря сквозь нее, мы заметили старого седобородого лопаря, что неподвижно замер подле дорожного знака. Оттопыренным большим пальцем он указывал на лес у себя за спиной. Неужто новая подсказка?

Мы почувствовали прилив отваги и, миновав старика, углубились в лес в указанном направлении.

Долго рыскать нам не пришлось — меж деревьями, прямо на опушке, стояли сани, запряженные двумя оленями. Мы были озадачены — возницы не было!

В очередной раз мы приоткрыли дверцу в тайный мир гномов. Олени фыркали и нетерпеливо били широкими копытами. Мы молча забрались в сани — и не успели укутаться в овечьи шкуры, как те понеслись вперед.

Час миновал за часом, а мы все ехали и ехали. Холод нам не докучал, а неутомимые олени неслись вперед невзирая на глубокий снег. Стояла темень, но при свете звезд и снега можно было различить даже отдельные деревья. Вот мы проносимся то сквозь рощу низкорослых берез, то сквозь чащу канадских елей, а бывало, скользим по равнинным снегам тундры, среди которых одиноко выглядывают скрюченные ивы, карликовые березы и кустики ежевики. Не раз пересекали мы и замерзшие реки. Казалось, олени следуют проложенному маршруту, однако

на всем пути мы ни разу не замечали ничего, что могло бы служить дорожным указателем. Лишь однажды сани остановились; олени застыли как вкопанные, повернув носы по ветру. Но в следующий миг они разом резко взяли влево и пустились галопом, дав крюк в добрую милю, затем вернулись на прежний курс.

Поодаль мы увидели и причину столь странного поведения: по равнине неуклюже ковылял толстый тролль. Когда на безопасном расстоянии мы пронеслись мимо него, он замер и проводил нас долгим взглядом. Еще минуты две олени бежали галопом, затем вновь перешли на рысь. Однажды мы перепугались до смерти, когда огромная ветвь, тяжелая от налипшего на нее снега, с оглушительным треском рухнула наземь прямо у нас за спиной.

У северных оленей (англ. reindeer) широкие копыта, которые позволяют им легко передвигаться по заснеженным и заболоченным местам. Название восходит к старонорвежскому слову hreindyri, где hreinn означает «рог», а dyri — «животное»; на латыни же название звучит как Rangifer tarandus. Их можно встретить по всей тундре, в северных лесах Европы, Азии и Северной Америки, а также на острове Шпицберген (на севере Норвегии), в Гренландии и на Новой Земле (Россия). В Северной Америке их называют «карибу»; тамошние олени отличаются более плотным телосложением. И у самцов,

и у самок на голове огромные ветвистые рога, которые они сбрасывают в январе, и вместо старых вырастают новые. В длину северный олень достигает двух с лишним метров, а в холке — полтора с лишним. Окрас варьируется от коричневого летом до серовато-белого зимой. Они превосходные пловцы и неутомимые бегуны; когда они бегут, можно услышать, как постукивают их копыта. Сани следует крепить на безопасном расстоянии, ибо, когда эти олени переходят на галоп, их, так сказать, «оленьи яблоки» падают достаточно далеко. Олени бывают как дикие, так и домашние. В период гона в сентябре и октябре зрелые самцы-одиночки собирают около себя самок. Спустя двадцать

восемь — тридцать четыре недели появляются оленята, а спустя еще какой-то год они становятся уже взрослыми. Северные олени — дневные животные; они питаются ягелем (или оленьим мхом), различными травами, почками и корой. Домашние северные олени (особенно в Сибири и Лапландии) живут в стадах под открытым небом; за ними особо не смотрят, но с началом большого «перехода» за ними всегда следует человек. Злейший враг оленя — это волк. За Полярным кругом без оленя не выжил бы и человек. На диких оленей охотятся ради мяса; домашние олени дают человеку мясо и молоко (22 процента жира, 11 процентов белка, 3,5 процента сахара), одежду и шерсть, иглы для ши-

тья (они изготавливаются из костей) и нити. Оленей используют как для перевозки тяжестей, так и для верховой езды. Если температура падает ниже минус 40 градусов по Фаренгейту, вдыхать воздух в таком холоде уже не может — это смертельно опасно, потому что при выдохе через нос воздух замерзает на верхней губе. Но олень выдерживает несколько часов бега рысцой даже при температуре минус 65! Как и все упряжные животные, олень, бывает, выказывает норов, но опытный погонщик всегда добьется с ним взаимопонимания. Оленей погоняют длинной палкой, похожей на удочку; чтобы олень бежал, достаточно просто коснуться его концом палки.

...Внезапно нашего слуха коснулся заунывный звук, вроде того, что издает охотничий рог. Он становился все громче и отчетливее. И вот мы свернули на полянку среди зарослей берез и елей, и олени разом стали, повернув головы туда, откуда доносился звук. Наши сердца забились сильнее. В конце долгого путешествия, когда волнение сменялось недоумением и наоборот, картина, представшая перед нами, наконец принесла успокоение и уверенность: на поваленном дереве стоял гном. Он трубил в невероятной длины рог, но, заведя нас, опустил его и подошел к саням. Забравшись в сани, он обратился к нам:

— Добрый вечер. Рад приветствовать вас! Я как раз пропел песнь середины зимы*, ведь сегодня — солнцеворот. Меня зовут Мирко, и пока что вы будете моими гостями. Удивительно, как быстро вам удалось добраться. Прошу, следуйте за мной.

Не успели мы и глазом моргнуть, как гном уже распряг оленей. Мы поразились тому, как проворно он развязывал застывшие кожаные узлы своими маленькими ручками. Гном отказался от помощи, а стоило нам взяться за ручки чемоданов, подмигнул нам и заметил:

— Ах, оставьте! Воров здесь не водится.

Мирко попотчевал оленей печеньем, которое те с удовольствием уплели и тут же скрылись среди деревьев. Мы обменялись быстрыми взглядами. Обоим пришла в голову одна и та же мысль: сейчас гномы нам и поведают, зачем пригласили нас в такую даль — отчитать или, наоборот, воздать почести? Но как нас ни разбирало любопытство, мы уняли свое нетерпение и проследовали за Мирко в избушку, скрытую среди деревьев. Избушка оказалась баней. В углу пылала жаром раскаленная докрасна печь.

— Это — заброшенная сауна, — пояснил Мирко. — Когда-то сюда наведывались

* Песнь середины зимы (исполняется на рожке в течение двенадцати ночей до и после Рождества) имеет своей целью отпугнуть злых духов и помешать Дикой Охоте. — Примеч. авт.

лесники. Я немного привел ее в порядок. Вы, должно быть, устали с дороги. Заходите, отдохните, ну а затем и выпастыся бы не мешало.

Мы скинули с себя одежду, а Мирко с завидной сноровкой принялся сбрызгивать раскаленные камни водой. Повалил густой пар, и в сауне стало нестерпимо жарко. Мы растянулись на деревянных лавках и отдались в руки Мирко, который время от времени обливал нас холодной водой и стегал березовым веником.казалось, жар ему нипочем. Стремительность и напор, коими сопровождался данное событие, если где и встречались, то лишь у гномов. Спустя час Мирко погнал нас на двор со словами:

— А теперь быстро в снег! Покатайтесь-ка по снегу, но не переборщите, пока не пообвыклись.

Так мы и сделали — и даже каким-то чудом, как видите, сумели выжить. Но ощущения при этом испытали неописуемые. Когда мы вернулись в тепло, усталость в ногах как рукой сняло. На смену ей пришла ленивая истома. К тому часу

Мирко выгнал жар из избушки. А на деревянной скамье нас уже поджидали две тарелки с деревянными ложками, от которых шел пар.

— Грибы в сметане, сбитой из молока северных оленей, — сказал гном. — Поешьте, а потом попытайтесь уснуть.

Так сказал он — и пропал в щели между стенкой и плитусом. Мы быстро опустили тарелки. Никогда еще мы не вкушали ничего подобного. Все, что дает свет, воздух, солнце, луна и земля, — все было в этом блюде. Затем мы растянулись на скамьях и провалились в глубокий сон.

Очнувшись, мы обнаружили, что на дворе то ли все еще ночь, то ли уже ночь. Где-то высоко, непривычно высоко над головой, возвышался потолок, весь в тнях, отбрасываемых внутренними балками, да и сами скамейки вдруг показались нам обширной деревянной равниной. И тут мы услышали голос:

— Примите мои извинения. Содной стороны, честнее было бы вас предупредить, но так забавнее. Поймите, что так было нужно. Кроме того, это честь, которой

удостаивались лишь немногие *человеки*: к примеру, Жюль Верн, Ханс Кристиан Андерсен и, конечно, братья Гримм.

Мы как лежали, так разом и сели, уставившись в полусерьезные-полунасмешливые глаза Мирко. Как оказалось, он стоял на скамье позади нас; тут-то до нас и дошло, что как ни посмотри, а росточку в нас ни на вершок не больше, чем в нем! В какой-то миг мы покрылись холодным потом, а затем расхохотались. И было отчего: на нас были напялены зеленые остроконечные колпачки, короткополые, зеленые же, курточки и того же цвета штаны, а на ногах — самые настоящие валенки. Но изменилась не только одежда — изменились мы сами, и не только потому, что стали одного роста с гномами, — мы стали с ними одной комплекции: туловище — что твой бочонок, голова — что котелок; глаза видят в темноте, как ясным днем, не говоря уж о том, что нос наполнился тысячей запахов, как будто любая вещь вокруг источала свой собственный неповторимый аромат.

— Сие называется гостевым облачением, — пояснил Марко. — В нем вы не

будете чувствовать себя не в своей тарелке. — С этими словами он показал нам книгу в позолоченном кожаном переплете, что держал где-то у себя за спиной, а также наши письменные и рисовальные принадлежности, уменьшенные до сообразных размеров. — Все, что с вами отныне случится, не забывайте записывать сюда. — И гном протянул нам книгу.

Принимая ее, мы заметили на ней золотой замочек. Внутри оказались чистые листы.

Избушка скрипела под порывами ветра, что, подвывая, раскачивал деревья в лесу — буран после передышки разглася с новой силой.

Мы решили, что, с учетом возложенной на нас миссии, время от времени мы станем прерывать наш дневник путешествий для записей, касающихся обычаев, предметов быта, орудий труда и прочих странностей, что будут нами обнаружены в Гномландии.

НОВЫЙ ГОД У ПОЛЯРНОГО КРУГА

— Следуйте за мной, — любезно пригласил нас Мирко, спрыгивая со скамьи.

В нерешительности мы глянули вниз — пол был где-то далеко-далеко под ногами, но деваться было некуда. Вопреки ожиданиям приземление оказалось мягким. Щель, в которой часом ранее пропал Мирко, с высоты нашего бывшего положения показалась бы просто крысиной норой, но теперь мы прошли в нее, даже не пригибаясь. Перед нами открылся темный лаз.

— Он ведет к моему дому, — пояснил Мирко, снимая со стены «летучую мышь» и ловко зажигая в ней свечу с помощью трута. — Длинной он ровно сто метров, так что идти здесь всего ничего. Можно было, конечно, пройтись и поверху, но без снегоступов по свежему снегу далеко не уйдешь, а их-то я как раз и не взял. К тому же в такую зăметь упадет какая-нибудь ветка, стукнет по лбу, а потом нищи-свищи.

В пути мы сделали для себя неожиданное открытие: шагать, так же как до этого спрыгивать со скамейки, нам было гораздо легче, чем тогда, когда мы были людьми. Сказалось то, что не только в абсолютных, но и в относительных величинах мы стали легче: если, скажем, наше внутреннее содержание уменьшилось в три раза, то поверхность тел — лишь вдвое.

Наконец мы протиснулись в дверь, зажатую меж двумя толстыми корнями деревьев, за которой открылась развилка. Судя по яростному свисту ветра, что долетал в правое ухо, лаз, что шел направо, выходил на улицу. Прямо у развилки в стене обнаружился встроенный шкаф. Мирко открыл дверцу — внутри стояли лыжи или,

точнее сказать, снегоступы всех возможных размеров.

— Если надо будет выйти наружу, выберите любую пару. По свежему снегу без них как без ног. Я, кстати, сплел их сам.

Мы свернули в левый ход. На мгновение нам показалось, что мы попали в капкан на хорька, осталось лишь захлопнуться невидимой дверце. Но еще десяток-другой шагов — и перед нами оказалась вполне обычная вращающаяся дверь, обшитая не вполне обычным щетинистым ворсом.

— Волос шерстистого носорога, — пробормотал себе под нос Мирко, проворачивая ее. — Вот уж десять тысяч лет, почитай, как все они вымерли. Зато сюда не проползет ни одно ползучее или четвероногое существо. Шерстистые носороги и мамонты были охочи до всякой растительности, а уж повалить могли любое дерево, поэтому мой дом построен под грудой камней. Дому тридцать тысяч лет — а как сохранился! Позже я покажу вам карту, где отмечены миграции этих животных — они добирались даже до самой Англии.

Мы полюбопытствовали, как ему удалось добыть волос животного, вымершего в незапамятные времена.

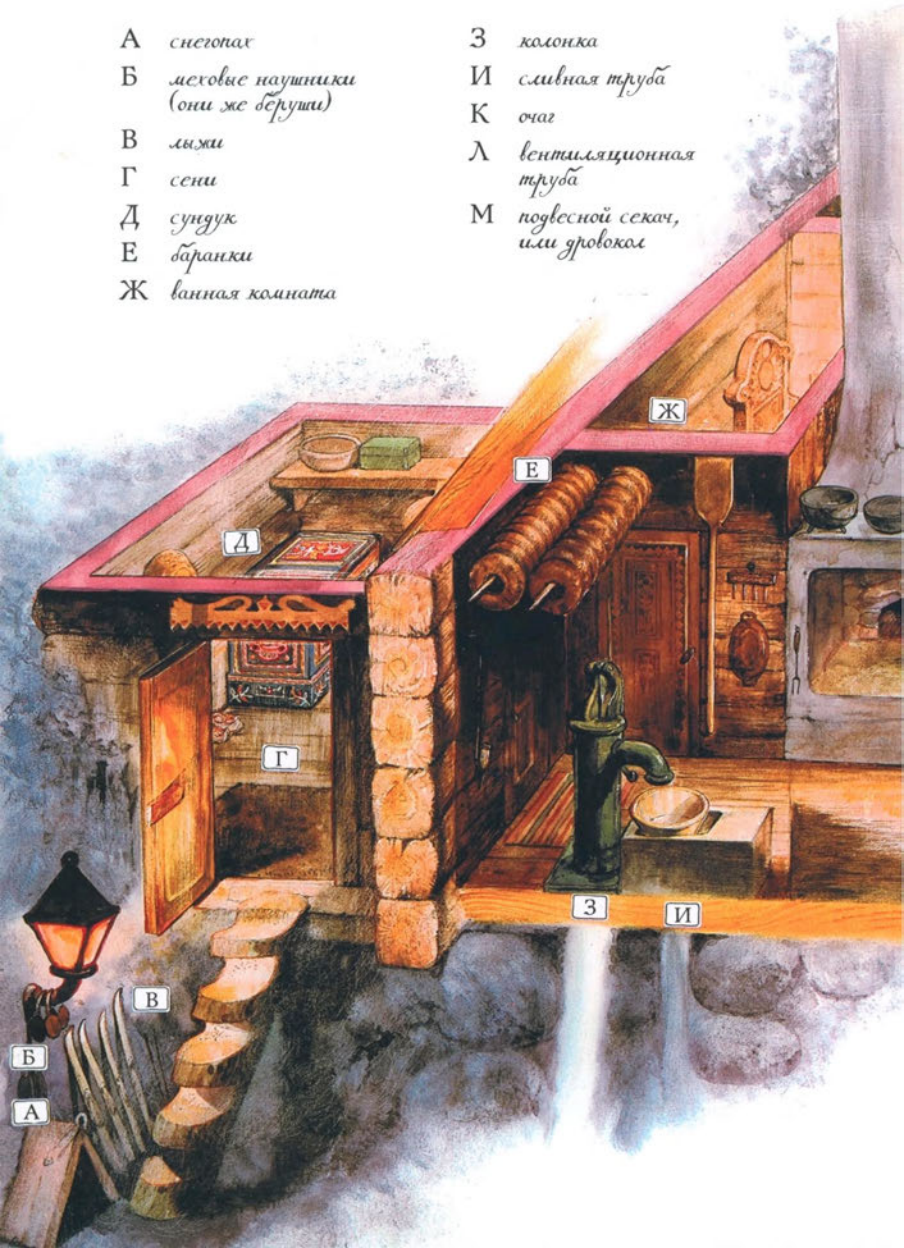
— Погодите, погодите. Скоро вам все станет ясно самим, — отмахнулся наш гостеприимный хозяин.

В конце тоннеля обнаружили ступеньки, ведущие к медной двери. За ней скрывались сени. В сенях стоял грубо выкрашенный сундук, а дальше — еще одна дверь.

Мирко постучал в нее условным стуком. — Почти дома, — обронил он.

А *снегопах*
 Б *меховые наушники*
 (они же беруши)
 В *лыжи*
 Г *сени*
 Д *сундук*
 Е *баюшки*
 Ж *ванная комната*

З *колонка*
 И *сливная труба*
 К *очаг*
 Л *вентиляционная*
труба
 М *подвесной секач,*
или дровокол

Н финская баня (сауна)
О альковы, или спальни
каютки

П дрова для
растопки
Р чердак

С колыбель-качалка
Т лежачий
У деревянное украшение
«петушиный хвост»

Снегопат напоминает
формой *Epitotia nivalis*,
или ноговостку
снежную, насекомое
длиной в полтора
миллиметра,
что издревле умело
прокапывать
путь сквозь снега.

Когда температура
опускается ниже
минус 4 градусов по
Фаренгейту, или
минус 20 градусов
по Цельсию, гномы
надевают наушники,
связанные из шерсти
северного оленя
или шерстистого
носорога.

Наушники несколько притупляют
невероятно острый слух гномов, поэтому
зимой они стараются воздерживаться
от дальних странствий. В еще более
холодных регионах, как, например,
в Сибири, гномы носят полярные колпаки,
связанные из шерсти мамонта; в них
они выходят на мороз даже тогда, когда
температура падает — страшно подумать! —
до минус 10 градусов по Фаренгейту.
Сибирские колпаки придают местным
гномам довольно мрачный вид, что, впрочем,
или только на руку.

Баранка (она же бубличка) — выпеченное
наполовину из цельной пшеницы,
наполовину из белой муки хлебобулочное
изделие со сквозным отверстием
посередине, что
предусматривается
с помощью
круглой
формочки.

Серединку затем
не выбрасывают, а выпекают
из нее бублички.

Исторически сложилось,
что в области выпечки
гномы значительно превосходят
людей, поэтому преимущественно
они его и занимаются.

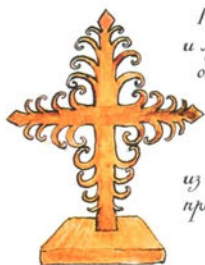

Подвесной секач, или дровокол,
острым концом прикреплен
к стене подле очага; лезвие его
настолько острое, что режет
поленья, как масло.

Колыбель-качалка
предназначена только
для двойняшек. Единственное
ее неудобство — как взрослому
встать с нее незаметно,
не разбудив убожканных
малышей?

Гномам не приходится возиться с бумажгой
и лучинами для розжига; за считанные минуты
они разводят огонь, используя распушенную
стружку на самом полене, называемую
«петушиный хвост». Считается,
что самая красивая стружка получается
из лиственницы. На том же принципе основано
производство рождественских украшений.

В качестве домашних животных или любимцев семьи гномы
обыкновенно держат леммингов, иначе называемых оленьими мышками, —
полярных гризунов, что принадлежит к семейству хомячков (*Cricetidae*).

Каждые восемь — десять лет, когда популяция леммингов превышает
верхний критический порог, у животных начинается массовая
миграция из местности с более высоким рельефом
в местность с рельефом более низким, при этом многие
из них погибают в зубах, когтях или лапах хищников
либо попросту тонут почем зря.

Примечательно то, что в спячку
лемминги не впадают.

(путешествие продолжается)

Мирко проскользнул мимо нас и скрылся за дверью, ведущей в гостиную; мы последовали за ним. Комнату наполнял давно забытый нами запах канифоли, мерцали свечи. На полу резвились пара леммингов, а в углу комнаты мы заметили на славяnsкую сработанную колыбель-качалку. Мирко подхватил под локоток миловидную гномиху и подвел к нам:

— Разрешите представить Эльзу.

Ей, как и Мирко, больше ста десяти лет было никак не дать.

— Рада с вами познакомиться! — улыбнулась Эльза.

В доме царила предпраздничная суета, каковая случается перед явлением долгожданных гостей. В колыбельке не спали двое обворожительных малышей; когда мы пощекотали их, они зазвенели смехом, как два колокольчика.

— Прелестные дети! — кивнули мы хозйке.

— Их зовут Мило и Ани, — с нежностью в голосе сказала Эльза. — Еще минутку, и я смогу пригласить вас за стол. Посидите тихонько, пока я справлю чай.

Набив трубку, Мирко обратился к нам:

— У челоовек наступает канун Рождества. Вчера был солнцеворот, когда

солнышко едва встает над горизонтом, а день — самый короткий в году, то, что у вас называется зимним солнцестоянием, хотя обычно оно происходит двадцать первого декабря. — Он бросил на нас загадочный взгляд. — Так что у нас еще есть четыре дня!

Мы были озадачены, но от расспросов решили пока воздержаться.

— Сегодня вечером к нам должен был пожаловать еще один гость, — продолжил Мирко. — Как видно, его задержал буран.

Мы прошли к столу. Еще не привыкшие к тому, что у гномов все как-то иначе, мы были вдвойне поражены представившимися нашему взору яствами. Мы взяли за руки*. А на столе, представьте себе, были грибы-зонтики, лисички, пряники, морoshка, черника, красная брусника, сметана, фундук и желтый китайский чай.

— Откуда все это посреди зимы? — Удивлению нашему не было предела.

— Как откуда? Из погребов! — пояснил Мирко.

Эльза прикрикнула на лемминга, что принял было обглаживать рождественские украшения.

— Лопари называют леммингов оленьими мышками, — усмехнулся Мирко. — Они грызут все подряд.

Время от времени дом подрагивал.

— Ураган разыгрался вовсю. — Мирко показал пальцем вверх. — Когда б вы оказались сейчас на улице, то не прошли бы и пары сотен ярдов, а уж отыскались бы, лишь когда поутихнет. Определенно нашему гостю пришлось искать себе укрытие — переждать буран.

С этими словами наш гостеприимный хозяин погрузился в раздумья.

Часы с кукушкой прокуковали 11.00, но время здесь, казалось, остановилось. Мы все еще пытели трубками, уютно устроившись за столом.

— Ну, что ж, сыграем в «гуська» — и на боковую, — предложил Марко, поднялся и отвернул угол ковра.

Как оказалось, доска для «гуська»** была начертана прямо на полу, только вместо гусей были изображены динозавры, вместо темницы — логово тролля, вместо колодца — дрейфующий айсберг. Вместо привычных фишек использовались бронзовые фигурки доисторических живот-

ных, а кубики были выточены из мамонтовой кости. Доска была расписана тайными знаками, письменами и цветочками. Фантиками служили обычные золотые слитки.

Мы сыграли две партии, прежде чем Марко провозгласил:

— А теперь спать! Slitzweitz!***

Когда он отворил дверь в спальню, или, вернее сказать, в альков, мы обомлели — на стене висела картина, которая оказалась нам очень знакомой; приглядевшись, мы опознали в ней обычную почтовую марку — похоже, Мирко нашел ее в кармане одного из нас и приклеил к стене, чтобы продемонстрировать свою к нам симпатию. Но, как приличные люди, или теперь уже гномы, мы не могли отпра- виться спать без водных процедур. Что

нас поразило в ванной, так это музыкаль- ный автомат, что в две четверти лихо на- яривал старинный русский танец трепак. Сиденье на известном месте было очень мило раскрашено. Вначале на него не хотелось садиться, а потом не хотелось с него вставать.

Пока мы передевались, собираясь отойти ко сну, в дверях своего алькова Эльза без тени смущения кормила грудью малышей, словно это самое что ни на есть естественное занятие на свете. Впрочем, так оно и есть.

* Перед тем как приняться за еду, гномы берутся за руки и мысленно желают друг другу приятной трапезы. — *Примеч. авт.*

** Англ. *gooseboard* в действительности произошло от голландского *ganzenbord*, что буквально и озна- чает «гусиная доска». В первоначальном варианте игры доска расчерчивалась на 64 клетки; игроки поочередно бросали кости, передвигая «фишки» на сумму очков, что выпали на костях. Побеждал тот, кто первым доходил до финиша (64-й клетке в центре доски). — *Примеч. пер.*

*** Многие полагают, что выражение *slitzweitz* пришло из немецкого языка, но это не так. На языке гномов *slitzweitz* означает «до свидания» или «спокойной ночи». — *Примеч. пер.*

У гномов игра — это залог здоровья.

Попасты колпачками в колечко не так
легко, как кажется на первый
взгляд. Игра эта развивает
прозорство, без которого
не обойтись,
если хочешь быстро
перезрывать
в густой подлеске.

Бег в мешках — излюбленная
(и чрезвычайно полезная) забава;
для самых искушенных его обычно
проводят на поляне с высокой густой
травой, что создает
дополнительные трудности.

В чехарде прижи в сторону
в общем-то не практикуются —
мешает остроконечный
колпак; для обычной
же чехарды ♀ приходится
снимать юбки.

Ходьба на ходулях
способствует
развитию
чувства
равновесия.

(в высоту ходуны
могут достигать
девятиста
сантиметров).

Чика* на льду хорошо
пространственное
развивает
восприятие.

Благодаря этим играм гномам
удается не только сохранять
детское восприятие жизни
до седых волос, но и оставлять
в дураках троллей.

Рукотворные тени
на стене дополняют
и «оживляют» детские сказки.

* Подробное описание «чики» можно
найти в рассказе В. Распутина «Уроки
французского». — Примеч. пер.

Напротив спальной каморки стоял ушат с березовыми прутиками, что на деле оказались одноразовыми зубными щетками. Заостренный конец прутика служит зубочисткой; другой конец разжевывают и чистят им зубы. Каморка освещалась с помощью каганка, сделанного из каштана. (Толстой иглой в каштане проделывают множество

дырочек; затем его на день погружают в масло, а потом опускают в воду, чтобы посмотреть, каким боком он всплывет — с этой стороны и сверлят отверстие, в которое вставляют фитиль. Каштан помещают в миску с водой, фитилек поджигают. Гореть такой каганок может до двенадцати часов кряду.)

Мы еще раз пожелали всем *Slitzweitzi!* и затворили дверцы каморки. Здесь, глубоко под землей, воздух был свеж и прохладен. Дом все еще подрагивал под яростным натиском бури, но внизу было тепло и безопасно. Мы никак не могли уснуть. Вновь и вновь мы перебирали все, что случилось с нами, и строили догадки: когда же мы узнаем, что уготовили нам гномы? С одной стороны, казалось, мы прожили здесь всю свою жизнь, но, с другой, — мы никак не могли избавиться от тревожного чувства: а что, если гномам

не удастся вернуть нам прежний облик? Нам осталось лишь уповать на их искусство. Впрочем, что произошло — то произошло, и судачить тут не о чем: как-никак, а мы удостоились чести воочию увидеть то, о чем другие и мечтать не могли. Так что мы сочли за лучшее оставить разговоры и заняться зарисовками того, что мы увидели, — так появились первые тридцать страниц этой книги.

Для бело-синего узора полотно вымачивают в синей краске, предварительно нанеся узоры воском или иловкой. Краска впитывается в ткань, а наощенные места сохраняют первоначальный цвет.

Такая техника нанесения узора называется негативной синей печатью (белое на синем); считается, что так красивее, чем наоборот.

В Европе краска индиго изготавливалась из вайды (*Isatis tinctoria*). Красящий порошок изначально красного цвета, он синеет при контакте с воздухом.

Финско-шведские

повседневные

и праздничные

наряды.

Эмиэки

Коримскаа

Саккала Рауту

Куорёёси

Киркконуоми

Париккала

Пуккила

Туутери

Шарф — элемент
праздничного наряда.

Гуфточки и шали
достаются из комода тогда,
когда того требует погода.

Когда невеликому морозно,
гномики надевают пелернины.

Гном не выйдет из дому
без меховых наушников
или берушей.

Зимой неотъемлемой частью одежды
является длинное и теплое нижнее бельё.

Летом количество
одежды сводится
до минимума.

Спят гномы в простых,
но нарядных ночных сорочках:

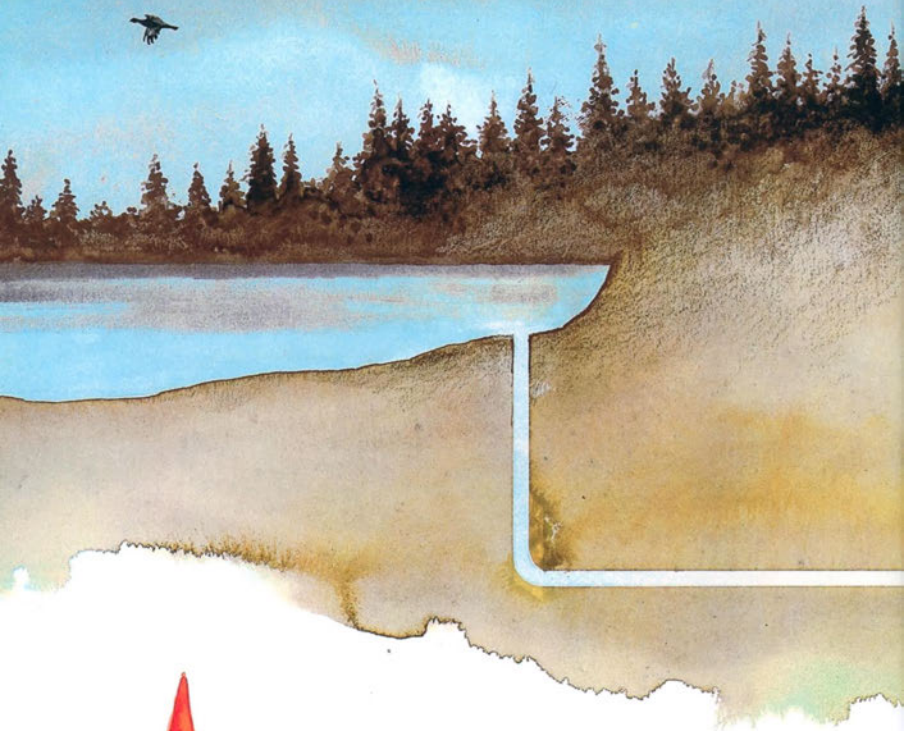
гномики — в ночнушках,

гноми —
в ночных рубашках

(обратите внимание
на беруши*).

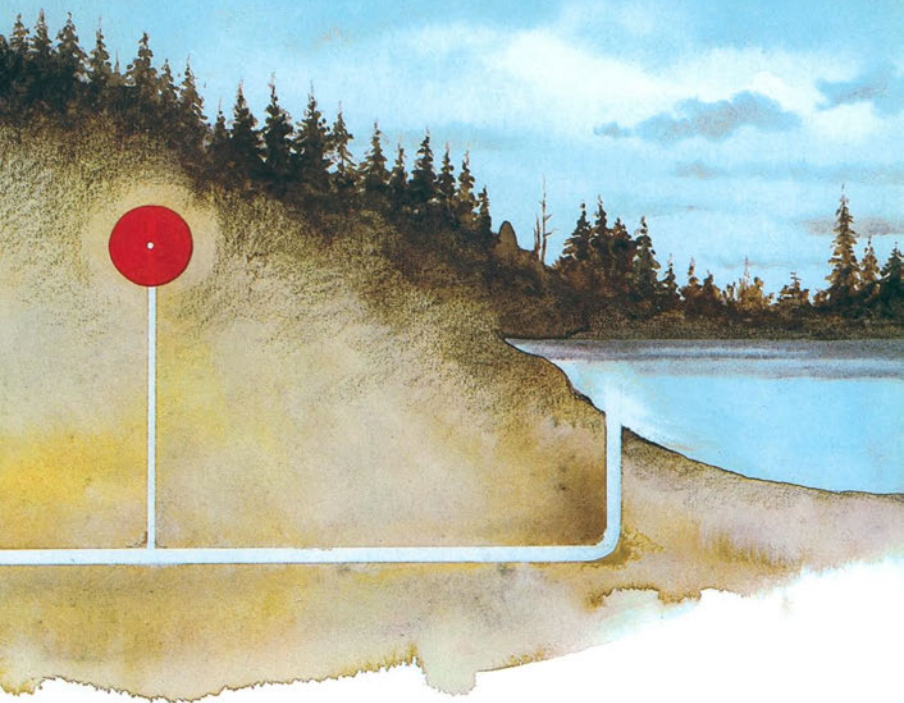

* По аналогии с берушами, «беруши» предохраняют усы от спутывания. — *Примеч. пер.*

В местах, где преобладает скальная порода, гномы решают вопрос водоснабжения с помощью бурильных установок. Еще при выборе места для дома они присматривают два озера, что лежат на разной высоте. После того как в скале вырубается дом, вертикально вниз пробивается шахта.

Но прежде чем бурить горизонтальную шахту, соединяющую озера, на дне, где будет работать бур,стилают брезент. Вначале бурят проход к нижнему озеру, а затем к верхнему. Когда бур проходит

сквозь породу, брезент прижимается к входному отверстию, и вода только просачивается в скважину, а не устремляется сплошным потоком. Когда скважина пройдена, в доме наверху устанавливается насос. Затем брезент убирают, и вода начинает течь от верхнего озера к нижнему.

Для того чтобы скважина не забивалась илом, на верхнем озере ход перекрывают мелкоячеистым фильтром. Как правило, озера настолько чисты, что вода пригодна для питья без дополнительных ухищре-

ний. Если же нет, то на верхнем колодце дополнительно устанавливают азотосодержащие фильтры в форме цилиндров, что препятствуют попаданию в питьевую воду частиц грязи и вредоносных бактерий. Эти фильтры приходится менять, для чего используется обычный водолазный колокол. С помощью колокола гномы также исследуют озерное дно.

Благодаря тому что вода в колодце проточная, она не застаивается и всегда свежая.

БОЛЬШАЯ БУРОВАЯ УСТАНОВКА

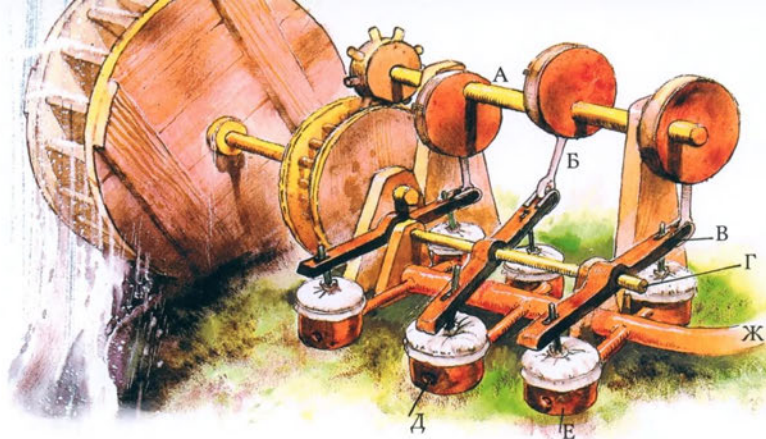
Буровая установка предназначена для бурения скважин в горной породе. Она приводится в действие напором воды, что преобразуется в давление воздуха. В северных странах гномам не в новинку строить дома на скалистых склонах меж двух озер: где неподалеку всегда найдется водопад — он-то и дает всю необходимую энергию. Неудивительно, что самым подходящим временем для строительства гномы считают весну, когда на вершинах гор тают снега, и водопад работает с удвоенной энергией.

Буровая установка состоит из трех главных узлов:

- 1) гребного колеса с воздушным компрессором (эксцентриковые диски и кузнечные меха);
- 2) шлюзовой перемычки с декомпрессионной камерой;
- 3) собственно бура с воздушным клапаном.

Бур, лопасти которого сделаны из закаленной стали, пробивает породу. Отбойный молоток (см. рисунок), что идет за ним, размельчает породу, создавая проход.

ВОЗДУШНЫЙ КОМПРЕССОР

А — эксцентриковый диск; Б — приводной стержень; В — траверса; Г — ось; Д, Е — меха; Ж — воздухопровод; З — распределитель; И — регулируемый скользящий ковш; К — регулирующий клапан; Л — декомпрессионная камера; М — зубчатый стержень; Н — технические отверстия; О — красные распылители (жиклеры); П — патрубок для отработанной породы; Р — поворотный клапан; С — штыковая оправа; Т — деревянный брус; У — механическая распорка.

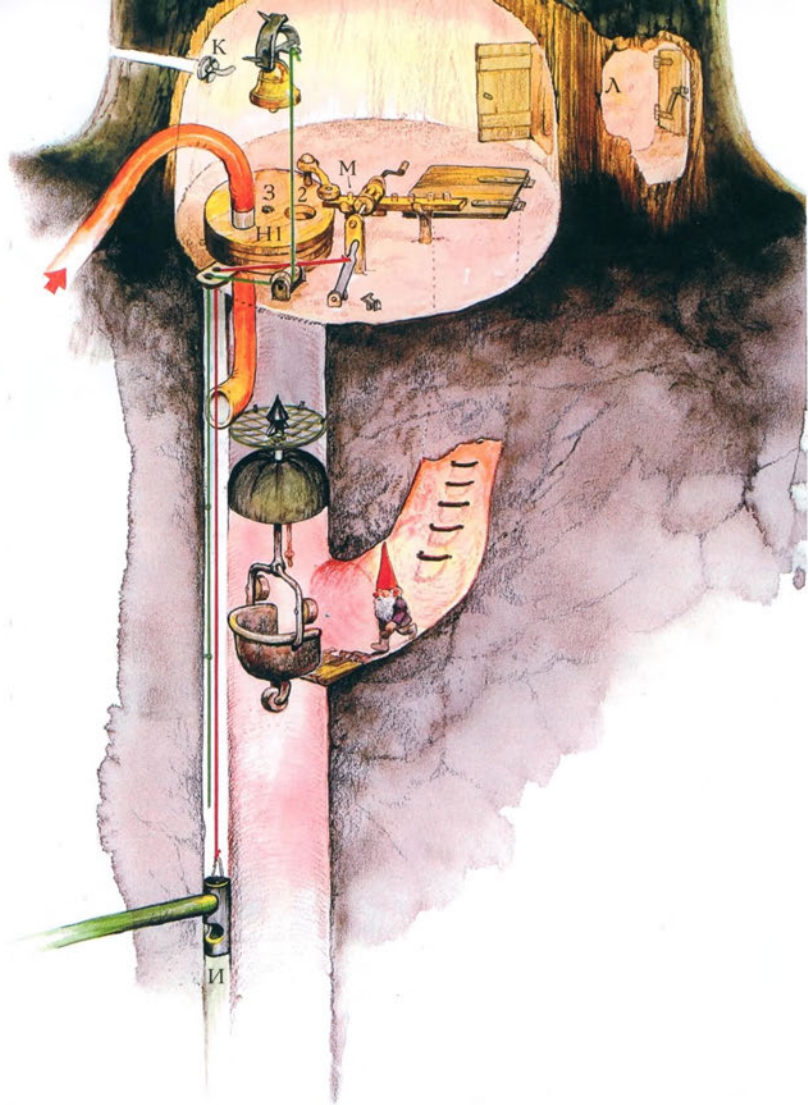
С помощью гребного колеса, расположенного у основания водопада, вода подается на распределительный вал с «наизнанными» на него эксцентриковыми дисками (А), откуда, с помощью приводных стержней (Б), на траверсы (В), соединенные друг с другом общей осью (Г). Траверсы двигают мембраны мехов (Д, Е) вверх-вниз, нагоняя под давлением воздух, при этом не нанося вреда окружающей среде. Этого можно достичь при использовании только всасывающего воздушного клапана. (У людей разработка такого рода механизма, вероятнее всего, привела к возникновению роммельпота — старинного западноевропейского музыкального инструмента, похожего на волынку, что представлял собой обтянутый свиным пузырем горшок с воткнутой в него тростинкой.)

Нагнетаемый мехами воздух поступает через воздухопровод (Ж) и второе отверстие (Н2) в деревянном распределителе (см. *Воздушный клапан*) в широкую буровую скважину. Таким образом в ней поддерживается высокое атмосферное давление на протяжении всей работы.

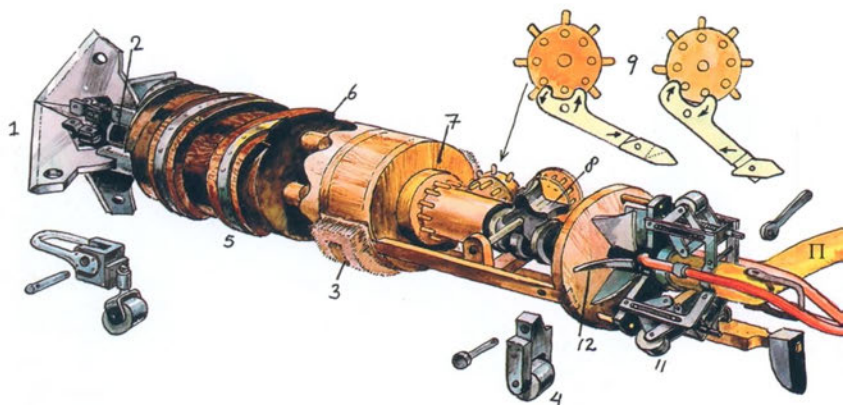
ВОЗДУШНЫЙ КЛАПАН С ДЕКОМПРЕССИОННОЙ КАМЕРОЙ

Воздушный клапан, или запиратель, снабжен деревянным распределителем (З) с отверстиями Н1 и Н2, которые регулируются с помощью зубчатого стержня (М). В режиме «выкл.» воздух проходит через отверстие Н1, когда же установка включена — через отверстие Н2. Регулирующий клапан служит для поддержания постоянного давления. Рядом с шахтной камерой находится декомпрессионная камера (Л) — через нее гномы входят и выходят. В проход подле ствола шахты спускается регулируемый скользящий ковш. С его помощью размельченная порода выдается «на гора», как правило, у подножия водопада.

В этот же проход проводят сигнальный шнур (зеленый), что соединяется с колоколом, подвешенным в шахтной камере. В случае необходимости с его помощью гномы могут поднять тревогу, затребовать еды и воды или подать сигнал на подъем в конце рабочего дня.

Хитроумное приспособление на куполе парашюта служит для того, чтобы останавливать подъемник в любой точке ствола шахты.

БУР

Собственно бурение и вырубка породы осуществляется лопастями бура (1) из закаленной стали. От перегрева их предохраняет сжатый воздух, излишки которого подаются на лопасти под давлением. Порода, измельченная лопастями, выводится через верхний (2) и нижний (3) вытяжные каналы в патрубок (П), из которого попадает непосредственно в ковш (И). Когда

бур больше не нужен, его можно перемещать на колесиках (4). Вслед за лопастями в ход вступают ролики, выточенные из орехового дерева, к которым крепятся стальные шлифовальные полоски (5).

Зубцы молота (6) приводятся в действие с помощью кулачковой шайбы (7). Шайба вращается и передает вращение зубцам, а те, в свою очередь, лопастям бура, производящим вырубку породы. Для уменьшения

числа оборотов и, таким образом, увеличения мощности применяется редуктор в виде зубчатого колеса (8). Сверло медленно подается вперед с помощью «шагающего» зацепа (9).

Вся работа производится за счет сжатого воздуха, который под напором

подается через жиклеры (10; О), приводя в движение пропеллер (12), что, в свою очередь, сообщает вращающий момент дальше с помощью винтообразного привода. Инсерционное колесо (11) позволяет менять направление проходки.

ШАХТНАЯ ДВЕРЬ

Бочкообразная шахтная дверь находится под стволом шахты. В ней проделана еще одна дверь, но уже прямоугольная. Воздух под давлением нагнетается через три красных жиклера (О) и подается на буровые установки. Поворотный клапан (Р) служит для запираания либо ствола шахты, либо бокового прохода.

Когда прямоугольная дверь закрыта, сжатый воздух проходит через красные жиклеры (О). Если же дверь открыта, сжатый воздух не нагнетается, и устройство останавливается. С другой стороны двери проходит патрубок для отработанной породы (П), который, с помощью штыковой оправы (Р), соединяется с боковым проходом. Сверху проход заделан деревянным брусом (Т). Отработанная порода удаляется остаточным давлением через патрубок (П).

Чтобы воспрепятствовать случайному соскальзыванию двери в шахту во время вертикального бурения, гномы придумали

РУЧНОЙ БУРАВ ДЛЯ МЕЛКИХ РАБОТ

Возвратно-поступательные движения двух гномов с помощью собачки преобразуются во вращательное движение. Высвобожденная порода выдувается через отводную трубу (В) с помощью пневматического воздухозаборника (А) и удаляется из отверстия буровой скважины. Бурав достигает желаемой глубины с помощью вспомогательных насадок (Г) и отверстия для подачи воздуха (Д).

СТЕНОБИТНЫЙ ПЕЩЕРОПРОХОДЧИК

Стенобитный пещеропроходчик представляет собой ось, к которой крепятся цепи, к концам которых прилажены железные гири; при вращении оси гири способны крушить каменные стены пещеры, тем самым расширяя ее объем.

С точки зрения охраны труда работа с пещеропроходчиком сопряжена с повышенной опасностью, каковую гномы по обыкновению презревают.

По завершении буровых работ
гноми приступают к созданию интереса.
Буровую установку разбирают
и поднимают на-гора, где к тому часу
в штабелях уже складывается
древесина.

Но прежде с входных отверстий водогоня
снимают брезент, с тем чтобы вода свободно
перетекала от одного озера к другому.

Гномы точно знают, какое
из множества деревьев
матушка-природа могла бы
пожертвовать
на устройство жилища

Первый клан

и как свалить
это дерево
наисподругнейшим
способом.

Контрклан

Топор считается сподручным, если в стоячем
положении вместе с топориком он достает гнолу
до пупка (к людям это не относится).

Для разметки прямых линий на дереве используется
написанный шнур, который туго натягивают между
двумя точками. Для собственно разметки мастеровой
гнол его слегка оттягивает, а затем отпускает.

На дереве остается меловой отпечаток.

Для создания грубого профиля
используется обыкновенный
топор.

Для более тонкого профиля
нужно тесло

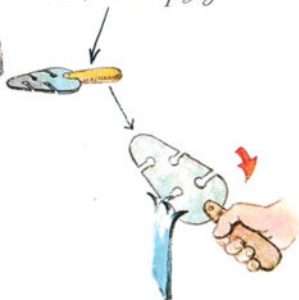
и струг. →

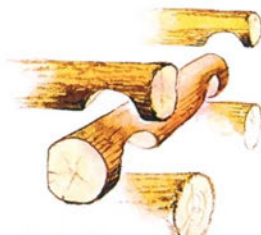
На рисунке топи,
отец и сын, распиливают ствол
двухручной пилой.

Время от времени зубья
пилы требуется
«разводить», для чего
используется
специальная разводка.

Для полукруглой вязки
ствол дерева надпиливают
на разную глубину;
распил зачищается долотом
и киянкой.

Изобретенным способом
транспортировки
бревен на небольшие
расстояния является
лебедка.

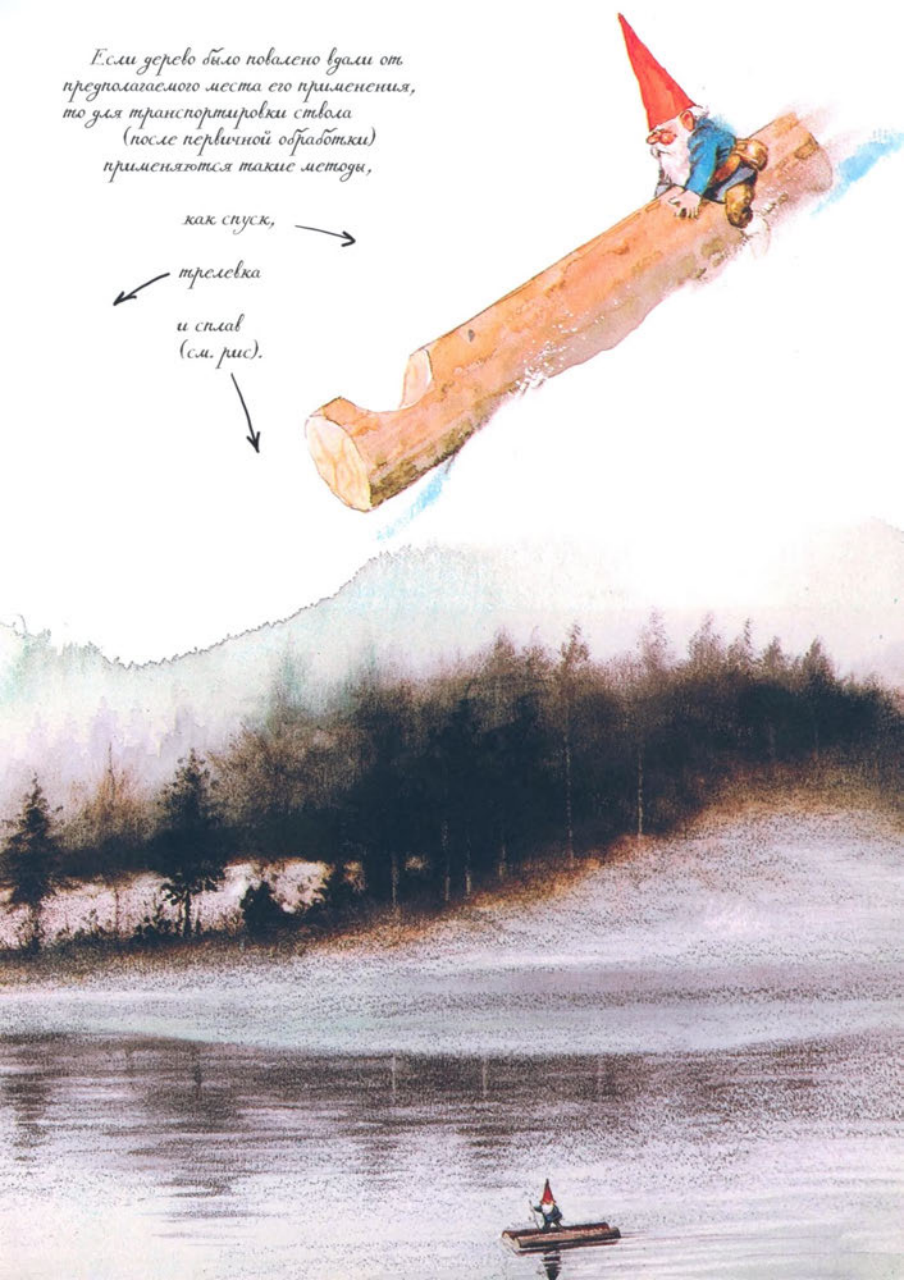

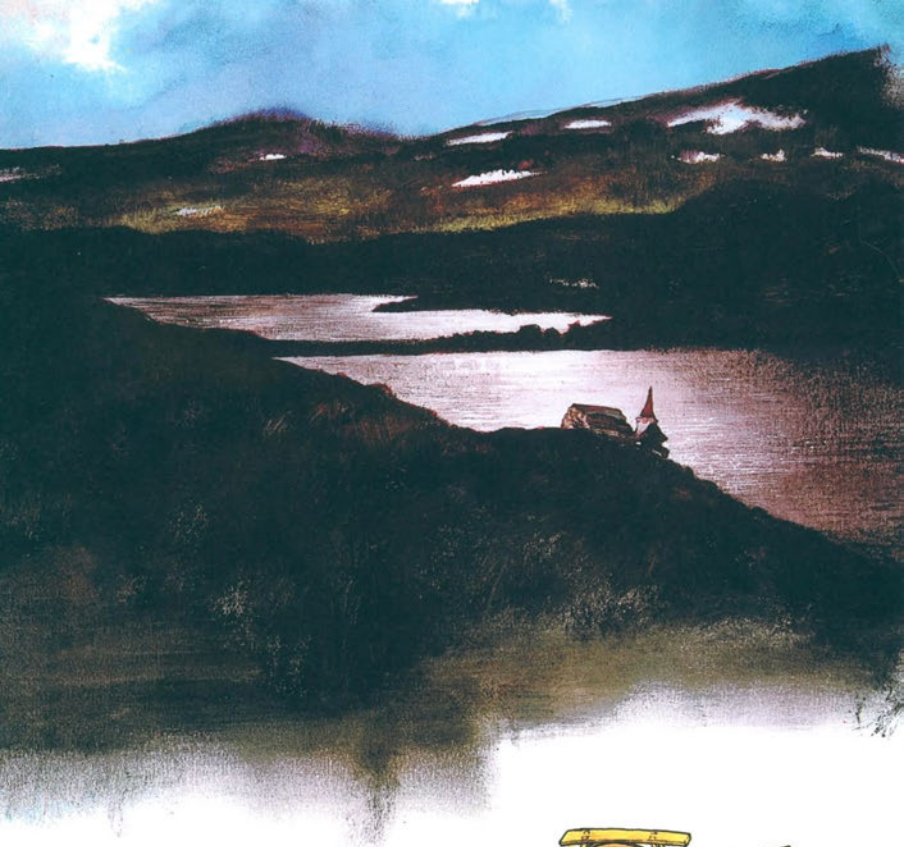
Для тонкой резьбы
используется вращательный
момент, который можно создать,
прикрпив струну, например,
к ветке лиственницы
(см. рис).

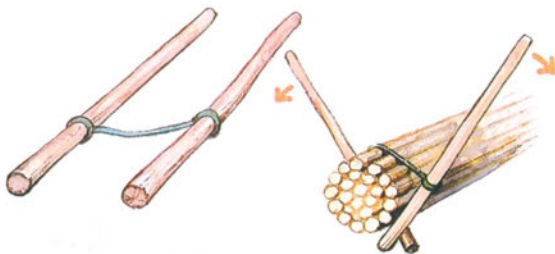
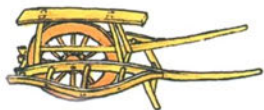
Если дерево было повалено вдали от предполагаемого места его применения, то для транспортировки ствола (после первичной обработки) применяются такие методы,

как спуск, →
↙ трелевка
и сплав
(см. рис).
↓

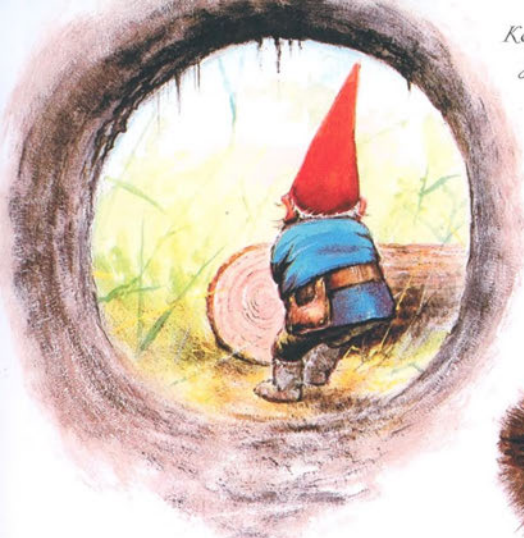

Для транспортировки бруса
и реек топи используют все известные им тропы,
включая звериние.

Брус или рейки
соединяются в вязанку
с помощью так
называемого шлага.

Когда строительный материал доставлен к месту будущего жилища, гном тут же затаскивает его в пещеру и первыми делом ставит вращающуюся дверь, оббитую ворсом из щетины шерстистого носорога, для того, чтобы не допустить непрошенных гостей (вроде гадюшки).

А еще ему приходится изгонять незаконных жильцов.

После укладки дров на стены гном тотчас же
берется за каменную кладку
и ставит печь, воздуховод и печную трубу.

В повоселье главным угощением
для строителей
является пиво.

До своего замужества будущей невесте не разрешают посещать
дом жениха. Тем не менее родители невесты, вместе
с родителями жениха, придирчиво осматривают будущее жилище
молодоженов. Отец невесты приносит с собой (подмышкой)

резную шкатулку темного-вишневого цвета,
которую он передаст лишь в том случае,
если одобрит закладки, каменную кладку,
деревянную вязку, лебедь и т. д.

В шкатулке хранится земля
из родных мест невесты. Если отцу
невесты жилище пришлось по душе,
то шкатулку встраивают в нишу в одну
из стен, и это означает,
что семьи ударили по рукам.

ВНУТРЕННИЙ МИР ГНОМА

Гном — существо столь близкое к природе, что с детской непосредственностью легко заводит дружбу и знакомства — черта, которой взрослым людям остается лишь позавидовать. С той же непосредственностью он любит всех и вся, при этом ему более свойственно делиться, нежели жадничать. Гному не приходится выклянчивать то, что он и так получает в избытке, уже потому, что он гном, а именно: любовь, приязнь и тепло, а также их материальное выражение. Страх гному неведом, зато предусмотрительности у него не отнять: гном всегда знает, когда лучше отойти в сторону. С самого рождения, даже не осознавая того, маленький гномик уже чувствует себя защищенным. Такую защищенность мы склонны объяснять наследственностью, но в не меньшей мере ей способствует и такая приобретенная привычка, как материнские объятия, что представляют собой естественно образуемую с помощью рук окружность.

На рисунках
схематически
представлены
правильные способы
объятий,
обеспечивающих
наибольшую площадь
защищенности
маленькому гномику.

Объятия,
впрочем, не ограничиваются
лишь материнскими;
они бывают также
отцовскими,
дружескими
или смешанными
в различных
вариантах.

Отсюда правомерным является вывод: сколько любви и ласки досталось ребенку в детстве, столько он и возвращает остальным на протяжении своей жизни. Чувство защищенности и единения с землей и космосом порождает космически-теддиурическое отношение ко всему, что тебя окружает, — явление, почти неведомое

среди людей. Оно не связано с такими качествами, как безрассудная отвага или безотчетная трусость, — скорее оно проявляется в другом: само мироощущение заставляет гнома действовать рассудительно, но с применением всех физических и умственных сил. Иными словами, гном никогда не теряет головы. Как и у многих живых существ, развитие чувств у гномов изначально было связано с осязанием.

ОСЯЗАНИЕ

С момента рождения осязание служит источником восприятия, понимания и познания. Именно осязание дало начало всем прочим чувствам. Поэтому на вполне разумный детский вопрос «Что это?» глупо отвечать «Не трогай!». Пробуя предмет на ощупь, ребенок изучает его, и это знание проносит сквозь всю свою жизнь.

Осязание, таким образом, является инструментом познания. Осязанием наделена вся внешняя оболочка тела — кожа. Особенно чувствительны губы и рот, недаром дети так и норовят сунуть в рот все, что попадает к ним в руки. Изначально именно осязание служило проводником сигналов, что затем откладывались и упорядочивались в мозгу. С годами, когда чувства накапливаются в избытке, прикосновение начинает служить не только для получения сигналов, но и для обратной связи, посылая другим сострадание, утешение, нежность и любовь.

РУКА

У существ, наделенных разумом, рука служит совершенным инструментом осязания. С точки зрения осязания в руке сосредоточены невероятные тактильные и экспрессивные возможности, не говоря уж о просто непостижимой ее многофункциональности, то есть пригодности ко многим делам. Взять хотя бы простое рукопожатие — сколько в нем всего заключено!

Рука, осязающая и творящая, отражает духовное богатство хозяина. Исконно рукопожатие было призвано убедить противную сторону в том, что ты пришел безоружным. Но и без оружия встреча двух рук таит в себе послание, что нужно уметь распознать. Возьмем, например, такие выражения, как твердая рука, крепкая рука, верная рука, разящая рука, легкая рука, щедрая рука, железная рука, золотые руки, потная рука, немогущая рука, рука помощи, дырявые руки, руки загребущие, руки как грабли и как без рук — как много они могут рассказать о том, кто приложил свою руку.

Неспроста образное мышление наделяет руку богатой символикой, что, естественно, находит отражение в речевых оборотах. Любопытно, что во всех нижеприведенных примерах рука выражает сущность или состояние всего человека:

- давать волю рукам
- распуścić руки
- на скорую руку
- взять ноги в руки
- поднять руку
- махнуть рукой
- голыми руками
- не покладая рук
- не прикладая рук
- набить руку
- взять себя в руки
- сложа руки
- протягивать руки
- разводиться руками
- воздеть руки горе

Рука обладает и собственной символикой:

- кого-то приручить
- рука дающего
- исцеляющая рука
- как рукой сняло
- сбить с рук
- ускользнуть из рук
- играть на руку
- рука руку моет
- под рукой
- чьих рук дело
- рукоделие
- рукоприкладство
- связать по рукам (и ногам)
- сон в руку

Подобно тому, как люди имеют обыкновение любя похлопать свою собаку или коня, так гном приветствует деревья, похлопывая их по стволу и приговаривая: «Здравствуй, брат дерево!» (Впрочем, он так же относится ко всем живым существам.) Из нежности любовь рождается сама собой. Это относится ко всему.*

* Первое послание к коринфянам 13:4–7. —
Примеч. авт.

НЕЖНОСТЬ

Нежность означает (и несет в себе) тепло и уважение. Нежность лучше выражать всей рукой, а не одними лишь пальцами, которые не могут передать всю глубину чувства. Поэтому маленького ребенка, если его, к примеру, что-то напугало, нужно не касаться пальцами, а брать на руки, причем исключительно из положения «сидя на корточках». Это дает ему ощущение тепла и безопасности. НЕПРАВИЛЬНО брать ребенка на руки из положения «нагнувшись к нему». В этом случае естественная «обнимательная» окружность не образуется, а подавленное настроение лишь усугубляется. Нежность, что могут дать руки, следует отличать от ласки. Если нежность дарят, ничего не требуя взамен, то ласка, опираясь на доверие, рассчитана на взаимность. Она применяется взрослыми при уходе за детьми.

Гармония с природой настолько входит в сущность гномов, что разобраться в таких людских понятиях, как «ненависть» или «жестокость», им попросту не под силу. Равно бессмысленными для них являются и такие понятия, как «железный занавес», «война», «братоубийство», «воровство», «зависть», «борьба за власть» и прочие людские напасти. Когда ж людская зависть и жестокость начинают затрагивать их самих, они попросту отходят в сторону.

РАЗМОЛВКА

Разногласия, досада и мелкие ссоры встречаются у гномов даже среди супружеских пар. Но разрешается все довольно просто: сторона, считающая себя потерпевшей, поет жалобную песню на произвольный мотив, после чего виноватая сторона, как правило, заливается хохотом и признает свою неправоту.

Ежели, паче чаяния, жалобная песня не в силах разжалобить противную сторону, то предпринимаются более серьезные шаги: жене отводится добрых четверть часа на то, чтобы высказать мужу все, что она о нем думает. Муж имеет законное право на защиту. Он тоже может высказаться в ответ. И ему тоже отводится на это пятнадцать минут. Но лишь на следующий день. После чего слово опять перейдет к жене. Но до этого, как правило, не доходит.

Многие ссоры выливаются в примирительную ванну.

Образование у гномов-мальчиков протекает вдали от дома, где каждый из них должен собственноручно переписать «Книгу тайн». Девочки учатся в ветеринарной школе таким премудростям, как обрабатывать разные раны, сращивать переломы и лечить недуги.

В гномьих заповедниках для животных, что под угрозой вымирания, почти весь добровольческий персонал — гномихи. К примеру, в заповеднике для летучих мышей подле Эде, в Голландии, они взяли на себя акушерство и паразитологию.

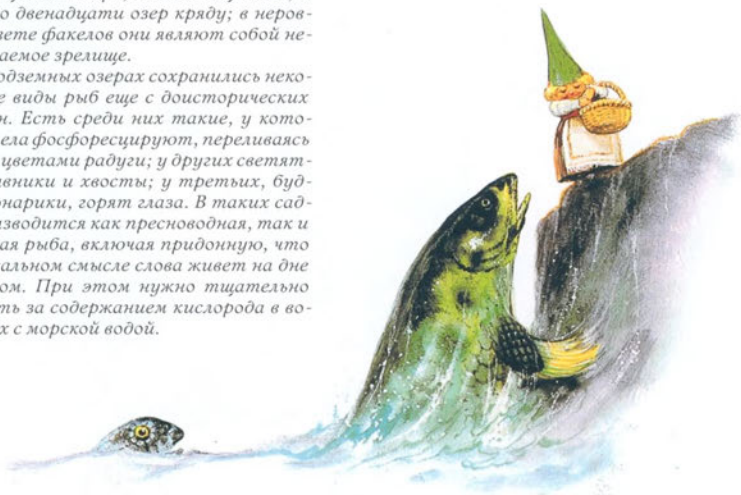
Немало искусства требует и такой вид ветеринарной помощи, как восстановление рисунка на крылышках у бабочки.

Еще одним традиционным занятием гномов является создание и содержание подземных рыбных садков. Такие садки представляют собой естественные или вырубленные в скале обширные гроты. В стенах гротов вокруг подземного озера вырубаются ниши, в которых подвешивают фонари или закрепляют факелы. Некоторые гроты сужаются до узкого лаза, за которым вдруг открывается еще одно озеро, а потом еще одно, и так до двенадцати озер кряду; в неровном свете факелов они являют собой незабываемое зрелище.

В подземных озерах сохранились некоторые виды рыб еще с доисторических времен. Есть среди них такие, у которых тела фосфоресцируют, переливаясь всеми цветами радуги; у других светятся плавники и хвосты; у третьих, будто фонарики, горят глаза. В таких садках разводится как пресноводная, так и морская рыба, включая придонную, что в буквальном смысле слова живет на дне морском. При этом нужно тщательно следить за содержанием кислорода в водоемах с морской водой.

Если какому-либо виду на земле угрожает вымирание, то здесь его окружают заботой вдвойне.

Самая разветвленная сеть подземных озер, по слухам, находится в недрах Уральских гор. Из тех же источников известно о значительных подземных бассейнах, используемых в тех же целях, под Арденнами, в Норвегии, на Балканах и в Скалистых горах.

(путешествие продолжается)

Нас разбудил шум в гостиной, и мы выглянули из нашей каморки. Эльза в чем мать родила прошла мимо нас в ванную. Напускная стыдливость у гномов не в ходу. У них в чести природная чистота. В этом они ближе к животным, чем к людям. Часы пробили шесть. Когда Эльза вышла из ванной, мы последовали ее примеру тем охотнее, что на дворе все еще бушевала вьюга.

За ужином Мирко поделился с нами свежими новостями:

— Наш гость запаздывает. Он как раз мне телепатировал. — Гном помолчал, а затем раздумчиво молвил: — Вопрос в том, что же нам делать? Раньше чем к Новому году он сюда не доберется.

Каким образом этот загадочный гость связан с нашей поездкой в Лапландию?

Мирко рассмеялся и добавил:

— Не думайте, что проделали столь легкий путь впустую. Дело в том, что я согласился дожидаться его, прежде чем... а впрочем, нет, пока я вам этого не скажу. Сперва мы должны заглянуть к шерстистым носорогам!

Гномы спешат лишь тогда, когда их вынуждают обстоятельства. Их терпение столь же безгранично, как и у животных. Спешить под час трапезы и вовсе считается верхом глупости и неуважения к хозяйке. Что ж, гномы живут долго, куда дольше нашего, и могут позволить себе не спешить... но, возможно, они и живут-то так долго как раз оттого, что не спешат! А куда спешить, если острым своим обонянием ощущаешь мельчайшие оттенки запахов и оттого целый букет вкусов?

На первое нам предложи-
ли суп, что по вкусу можно
было сравнить с земля-
ничной поляной на
солнечной стороне
зеленого холма.
Но не успели мы
перейти ко вто-
рому, как Мирко
сказал:

— Вначале
песенка!

Что ж, для гно-
мов вовсе не необыч-
но прерывать трапезу на музициро-
вание. Они убеждены, что классическая
музыка благотворно воздействует даже на
младенца в колыбели. Посему была спета
старинная колыбельная, слова которой
нам затем удалось разыскать в оригиналь-
ной колпачковой гномопии.

Воротившись ко столу, мы обнаружили,
к своему удивлению, что по сравнению

ЕАУУАААААА ЕАУУАААААА
АААААААААА ЕАУУАААААА
ЕАУУАААААА ЕААААААААА
ЕАУУАААААА ЕААААААААА
ЕАУУАААААА ЕААААААААА
ЕАУУАААААА ЕААААААААА
ЕАУУАААААА ЕААААААААА
ЕАУУАААААА ЕААААААААА
ЕАУУАААААА ЕААААААААА

с тем временем, когда мы были людьми,
аппетит наш заметно возрос. Мы отнесли
это за счет того, что, так как мы уменьши-
лись в размерах, площадь наших тел отно-
сительно содержимого увеличилась, и это
сказалось на скорости пищеварения.

Старинная гномья колыбельная

Tuuti lasta, tuuti pientä,
tuuti lasta nukkumahan.
Laulan lasta nukkumahan
uuvutan unen rekehen;
käy unonen ottamahan,
kultaisehen korjahas
hopiasehen rekehen!

В несколько вольном переводе на челове-
ческий язык она звучит так:

Люди-люди, баю-бай,
Спи, малютка, засыпай!
Сосны снегом засыпает,
Сосны тоже засыпают,
Засыпают до весны,
Ну и ты скорей усни!
Головой качают ели —
Сладко спится в колыбели.
Мимо елей, словно тени,
Колыбель несут олени,
Сквозь молочный свет луны,
В те края, где снятся сны.

Несколько часов спустя мы встали из-за стола и отправились в дорогу. Стены хода дрожали от ветра; у дальнего выхода кружили снежинки. На развилке мы свернули в дальний лаз, что поначалу вел к заброшенной холодной бане.

— Этот лаз был прорыт еще слепым доисторическим кротом, — объяснил Мирко. — Постоянного пристанища у него не было, и всю свою жизнь он рыл ходы под землей в поисках пары. — Мирко прибавил шаг, переходя почти на бег трусцой.

Уже через двадцать минут мы выдохлись и остановились. Чтобы восстановить силы, нам пришлось проглотить по паре зернышек тмина. Только после этого мы смогли продолжить наш путь.

Три четверти часа спустя ход стал постепенно уходить вниз. Заметно похолодало.

Мы попали в зону вечной мерзлоты, — пояснил наш хозяин, — сама земля здесь как лед. А теперь глядите!

Мы оказались в студеной, тускло освещенной пещере. А перед нами в полный рост высились два бурых, как ржавчина, шерстистых носорога; останки третьего лежали тут же на полу.

— Буран застал их врасплох — в зубах они все еще сжимают траву, — попутно объяснил нам Мирко, пока мы карабкались вверх по их рогам. — Еще мой дед и мой отец выпиливали их из мерзлоты. Из останков третьего, что лежат на земле, мы и добываем необходимые нам кожу и шерсть. Пещера освещается фосфоресцирующим камнем. У вас его знают как *Lapis draconensis aureolucensis*, то есть *златосветящийся камень дракона*. Кстати, в незапамятные времена его и впрямь нашли в логове дракона в Норвегии. Оттуда мой дед и принес парочку для освещения этой пещеры.

В задумчивости мы побрели обратно. Мирко шел молча. К шести утра мы наконец добрались домой, где для бодрости выпили по чашке китайского чая. Мирко, все еще погруженный в свои мысли, вынул малышей из колыбельки и по очереди сменил им подгузники. Затем подсел к нам и, глядя в потолок, произнес:

— У нас есть еще три дня!

Мы резко выпрямились. Неужто мы сейчас получим ответ на наш немой вопрос?

Но он серьезно поглядел на нас и сказал:

— Потерпите еще немного.

Обещание есть обещание.

Как нас ни разбирало любопытство, мы не могли не отметить мудрость и сдержанность, коими, несмотря на свою молодость, отличался Мирко.

Делать было нечего, и мы вновь прошли к столу. Когда б мы были людьми, нас давно б уж снедало нетерпение, но поскольку мы уже были ближе к гномам, то, не выказав одного, мы принялись за еду сами.

Подкрепившись, мы вновь отправились спать — и проспали с десяти утра и до шести вечера. Суровый арктический ветер не утихал ни на минуту, разгуливая над равнинами и лесами.

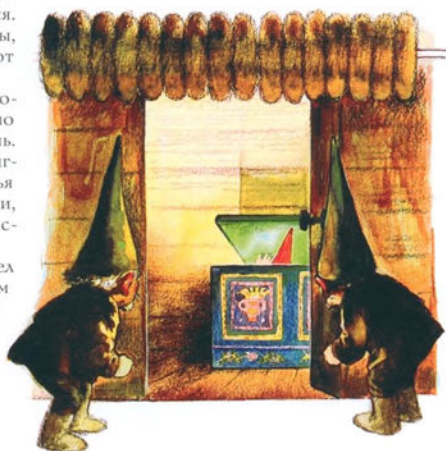
После обильной трапезы мы никак не могли выйти из-за стола. Во всем мире вот-вот должно было наступить Рождество, а мы так и не знали, зачем нас вытащили из дому в самый разгар зимы, а спросить прямо язык не поворачивался. Возможно, сказалось и то, что, как гномы, мы понимали — прочие гномы ожидают от нас просто гномского терпения.

Мы встали из-за стола и взялись помогать Эльзе с уборкой. Мирко неподвижно стоял у очага, глядя на пылающий огонь. Мы говорили о несчастье, что постигло морских птиц у западного побережья Швеции, — там случился разлив нефти, однако Мирко, погруженный в свои мысли, казалось, был далеко.

Внезапно, ни слова ни говоря, он вышел в сени. Через полуоткрытую дверь нам было видно, как он приподнимает тяжелую крышку сундука, перекидывает ноги через край и — мы пораскрывали рты от изумления — залазит в него с головой и вовсе исчезает из виду.

Ступени скрипнули, и снизу до нас доносились приглушенные голоса. Эльза, видимо зная, в чем дело, тихоко посмеивалась над нами. Наконец из сундука показался остроконечный колпак, а за ним и сам хозяин. В руках он сжимал две книги. Одна была совсем маленькой, другая — невообразимых размеров. Мирко выбрался из сундука, локтем захлопнул крышку и, воротившись в гостиную, положил обе книги на стол.

Большая книга светилась ровным зеленоватым светом. Эльза принялась тушить свечи одну за другой. Когда, казалось бы, должен был наступить полный мрак, стол оставался освещен, словно был застелен скатертью зеленого света. Зелеными казались и лица тех, кто сгрудился вокруг стола. Мирко торжественно открыл большую книгу и сказал:

— Пробил час вам заглянуть в «Книгу тайн». — Он помолчал и продолжил: — Эта книга содержит все, что узнали гномы со времен Сотворения мира: в ней знания по истории, а также жизненной мудрости, естественным наукам и так далее. Я собирался дождаться приезда нашего гостя — ему тоже есть что вам сказать, — но сейчас времени на это уже нет. Вам было дозволено открыть Книгу для того, чтобы вы сами поняли, сколь поверхностно написана ваша собственная книга «Гномы». Та немалая часть людей, что прочитала вашу книгу, похоже, придает ей несоизмерно большое значение. Пришла пора вам повзрослеть, и в ближайшие пару дней вам предоставится такая возможность.

От счастья наши сердца забились быстрее. Доееде нам не доводилось даже краем глаза увидеть «Книгу тайн», хотя, как мы знали, она хранится в каждом гномьем доме. Но где она хранится, похоже, не знали даже дети самих гномов. И все же почему нельзя было показать нам книгу где-нибудь в родной Голландии? Мирко предупредил наш вопрос:

— Одна из причин, почему вам пришлось проделать столь долгий путь в Лапландию, заключается в том, что перед вами подлинная «Книга тайн». Все остальные книги — лишь копии, переписанные здесь, в моем доме. Только когда гному исполнится семьдесят пять лет, о чем делается соответствующая запись в местном совете, он может приехать сюда переписывать книгу. На перепись обычно уходит несколько лет. В течение шести дней до и после солнцеворота книга обладает чудодейственными свойствами — да, впрочем, что я говорю: вы и сами все скоро увидите, — вот почему мы позвали вас сюда накануне Рождества. И посему мы не успеваем дождаться приезда нашего гостя — чтобы изучить

книгу нужны не часы, а долгие-долгие дни и ночи...

Все стояли молча. Мельком бросив взгляд на Эльзу, мы увидели, что расширенные зрачки ее глаз тоже пылают зеленым светом. Но к самой книге мы все еще не решались даже прикоснуться.

— Мне было дозволено хранить столь важный документ, как «Книга тайн», потому, — рассказывал Мирко, — что сторожим мы его по очереди, каждый по триста лет. Когда бы был черед какого-нибудь гнома из Голландии, возможно, вам не пришлось бы так далеко ехать, однако хранитель книги обязан исполнить свой долг до конца.

Он раскрыл книгу. Страницы были gusto исписаны зелеными чернилами. Все было написано от руки.

Случайно книга открылась на главе «Миграции птиц». Нарисованная на

развороте карта земного шара была разбита на квадраты и испещрена пометками, крестиками, тайными знаками и старонорвежскими рунами. Чем дольше мы вглядывались в эту карту, тем больше и объемнее она становилась, как бы выступая над книгой, пока наконец и вовсе не отделилась от нее, превратившись в огромную объемную картинку, что к тому же вращалась над головой.

Зеленый свет рассыпался на множество иных цветов.

— Назовите что-нибудь, о чем хотите узнать побольше, — предложил Мирко.

— Крачка!

Картинка немедленно ожила, и перед нашим взором открылся маршрут перелета полярной крачки: к востоку и западу от обеих Америк, от Огненной Земли в Канаду и обратно, — изнурительное

путешествие в десятки тысяч миль, что птицы совершают, чтобы попасть к родным гнездовьям, долгий перелет, что они совершают по меньшей мере четырежды на протяжении жизни. При описании миграции Книга показывала даже разбойников неба, больших поморников, что на лету перехватывали рыбу, пойманную крачками во время перелета, и воровали яйца в местах гнездовья.

Увиденное нами невозможно описать словами. Земной шар, медленно вращаясь, парил над столом. Кроме перелета полярной крачки, мы своими глазами увидели места обитания темной крачки, черной болотной крачки, белощекой болотной крачки, белокрылой болотной крачки, обыкновенной, или речной, крачки, малой крачки, чайконосой крачки, пестроносой крачки и других, еще более редких видов этой бесстрашной птички. Прищу-

ришься — и кажется: прямо под ногами проносятся белые силуэты птиц.

Мирко перевернул несколько страниц и оказался на главе из области палеонтологии под названием «Вымершие животные». Земной шар исчез.

— Еще одно различие между нами и вами заключается в том, что мы жили задолго до вас, — сказал Мирко. — И если вам приходится восстанавливать облик исчезнувших животных по найденным останкам, то мы видели их своими собственными глазами. Хотите взглянуть на мамонта?

Тотчас же перед нами выросла устрашающая мохнатая громадина с бивнями чудовищных размеров. Мамонт вырастал прямо на глазах, пока не занял собой всю комнату. Он выглядел настолько живым, что нам стало страшно. Но Мирко повел рукой, и рука свободно прошла сквозь него.

Несмотря на успокаивающий жест Мирко, мамонт выглядел настолько угрожающе, что на миг нам почудилось, будто мы чувствуем тяжелый запах его дыхания, а в ожидании трубного гласа мы чуть было не заткнули уши.

Затем Мирко перешел к прочим до-
историческим чудовищам. При виде не-
андертальца мы чуть не упали в обморок.
Каменным орудием он выделявал шкуру,
но пообщаться с ним нам не удалось.

*Кстати, в отличие от археологов, гно-
мам известны просто залежи таких вот
каменных орудий.*

Помимо прочего, как скоро выяснилось, даже Наполеон проводил свое изгнание на Эльбе в компании гнома. Они поигрывали в шахматы и частенько прогуливались по пляжу, что сильно поддерживало опального императора, особенно тогда, когда ему удавалось выиграть в «кто дальше плюнет».

Известный скрипичный мастер Антонио Страдивари искаживал не одну милю по горам вокруг Кремоны в поисках нужного дерева для своих несравненных скрипок. Сам корпус скрипки он делал из сосны обыкновенной (*Pinus Silvestris*). Для обечайки, задней стенки и грифа он предпочитал богемский ясень. Наибольшей же тайной он окружил состав лака, и рецепт оказался утерян.

Наиболее пригодными для скрипичных дел он полагал деревья, что росли на высоте не ниже полутора километров над

уровнем моря: из-за медленного роста их кольца были расположены близко друг к другу.

Случалось ему и прибегать к помощи гномов. Кроме того что они обладали бесценными знаниями о свойствах различных пород деревьев, они были незаменимыми проводниками в столь неприютной местности, как горы вокруг Кремоны.

Наконец Мирко захлопнул книгу. Время пролетело незаметно, а ведь мы еще толком ничего и не читали. Уже брезжил рассвет, когда Эльза принялась за ужин.

— А это что за маленькая книжечка? — поинтересовались мы.

— Это сокращенное издание для детей, — пояснил Мирко. — Мы обычно читаем ее детям перед сном.

После ужина Мирко отнес большую книгу в нашу каморку и положил ее в головах нашей двуспальной кровати.

— Читайте, пока хватит сил, — сказал он рассудительно.

Мы быстро разделись и, пожелав всем спокойной ночи, нырнули в кровать и прильнули к книге.

Так мы воочию узнали историю бумеранга и лозоходства. Из главы, посвященной целительству, мы выяснили, как лечить интересующие нас болезни. Все, что бы мы ни читали, представало перед нами в виде объемных образов — все было в

этой книге, включая последний аппарат Допплера для измерения скорости прохождения по сосудам кровяных телец.

Не менее нас удивило и то, что если страницы не переворачивать, то текст бежал как бы сам собой, тем самым создавалось впечатление, что ты засыпаешь над газетой.

Затем мы увидели бесконечно длинные туннели, уходящие в глубь земли, — их прорыли гномы, чтобы превращать жар магмы в энергию. То был ох нелегкий труд! Чтобы добраться до мантии, им пришлось пробиться сквозь почти тысячекилометровую толщу породы.

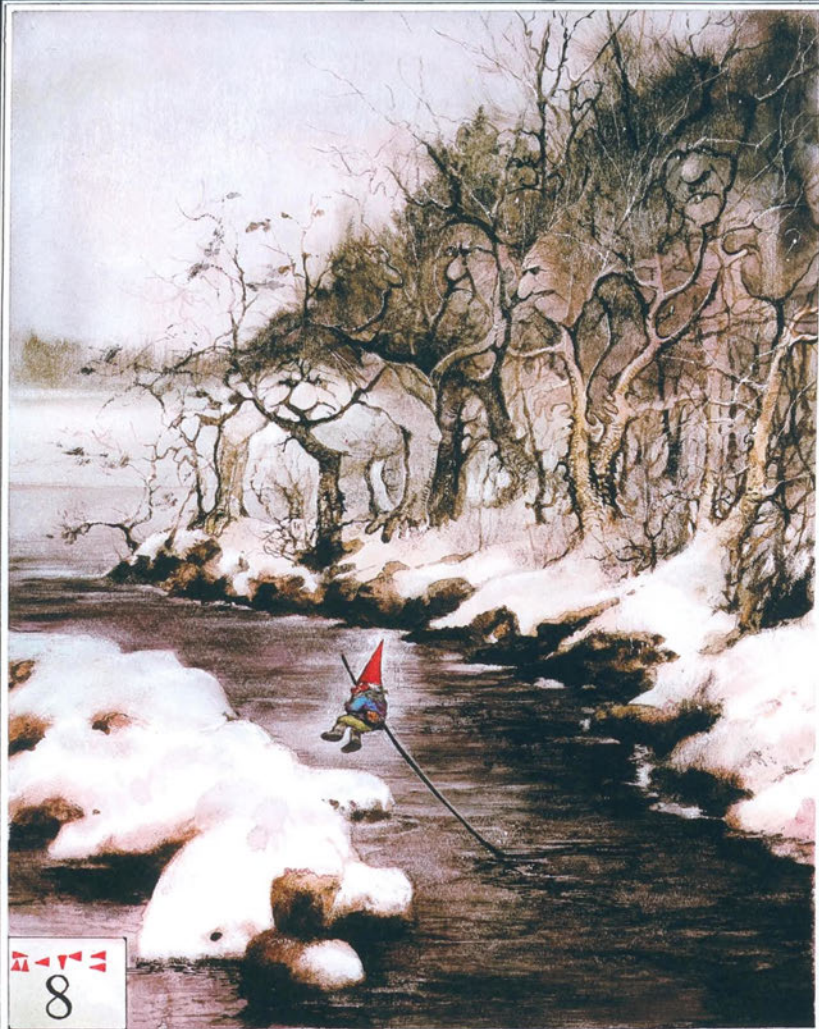
Согласно гномам, земная кора простирается на 850 миль вглубь. По их же сведениям, ядро Земли состоит из твердой массы диаметром 2000 миль.

Отдельного разговора заслуживают гномьи способы передачи и хранения информации, включая телепатические сообщения. Да что тут говорить, в Книге была даже зарисовка Ноева ковчега!

Великий потоп обрушился на землю под конец каменного века, более четырнадцати тысяч лет назад. Как выяснилось, гномы вняли гласу Господнему: «...веди также в ковчег из всех животных, и от всякой плоти по паре, чтоб они остались с тобою в живых; мужеского пола и женского пусть они будут. Из птиц по роду их и из скотов по роду их, и из всех пресмыкающихся по земле по роду их...» Как и Ною, им было позволено взять с собой своих детей в качестве неотъемлемого приложения. Во время высадки на горе Арарат гномы не сидели без дела, а занимались тем, что руководили расселением животных по разным континентам.

Перед вами одна из иллюстраций «Книги тайн».
Подобные иллюстрации мы бы назвали картинками-шарадами.
Они не только служат для развлечения,
но еще и прививают бдительность.

Кроме «обительных»
иллюстраций есть
и такие, что
разсеивают
страхи: они
изображают
вовсе невинные
предметы
и тени, что
в полумраке
могут
показаться
пугающими
донельзя.

Эти картинки учат
маленьких гномиков различать
опасность истинную
и ложную.

*Богини рек и ручьев могут принимать обличье
бесподобно прекрасных женщин, что плещутся,
заметьте себе, в ледяной воде.*

*И мужчина, что узреет их, обречен:
он или забывает о жене и семье и становится
рабом их красоты.*

На гномов их чары не действуют.

У некоторых из них
волосы глаза,
с половкой,

у других —
лисий прищур,

у третьих — просто-таки
орлиный взгляд. →

Выпадают дни, когда богини
ручьев наводят красоту
на прибрежных скалах или камнях.
Просто удивительно,
сколько несложных — и занимательных
прорыв времени! — дел находят
в тех местах в эти дни гномы.

Русалки полностью зеленые, у некоторых и впрямь
есть рыбьи хвосты. От природы они беззаботны,
как дети, и даже не представляют себе, какое
место они занимают в мужском воображении.
Если у русалки виснут волосы, она может
заболеть.

Вверху: доисторическая табличка
для чтения.

Слева: древнейшая колпачковая гномопись,
давшая начало собственно клинописи.
У гномов более не используется.

(путешествие продолжается)

— Можно ли нам посмотреть, где хранится «Книга тайн»? — покончив с завтраком, попросили мы Мирко.
— Конечно, — просиял он.

Гном откинул крышку сундука, и мы забрались внутрь. Под нами была просторная, хорошо освещенная комната — должно быть, она располагалась под гостиной. В ней стояло семь столов...

На следующее утро мы вновь взяли книгу к себе в каморку. Нам уже стало ясно, что эта Книга — нечто большее, не-

жели просто книга, а ведь за прошлую ночь мы едва дошли до Раздела III!

Прошла неделя.

Однажды вечером, когда мы уже заканчивали ужин, часы пробили двенадцать. По нашим подсчетам, наступило первое января.

Мы потерялись носами с Эльзой и Мирко и пожелали им обоим счастливого нового года.

— Буран поулегся, — заметил Мирко. — Завтра будет безветренная погода,

но снегу намело чуть ли не метр, и, как только утихнет ветер, он покроется ледяной коркой. Я жду нашего гостя завтра к вечеру. Но по округе рыщут не только одинокие лесные тролли, но и, слышал я, целая стая снежных троллей, что уж было попыталась оживить гноможадного снотгургля... или, как это по-вашему, «соплеворча». Так что нашему другу придется двигаться со всей возможной осторожностью!

Вечером первого января мы услышали настойчивый стук снаружи — кто-то едва не ломился в медную дверь. Мирко пошел открывать, и... что бы вы думали — на пороге стоял настоящий сибирский гном! Он был на два с половиной сантиметра выше нас, закутан в грубо выделанные шкуры, а на голове у него красовался огромный меховой колпакушанка. Испытующий взор прищуренных глаз и широкий красный нос скрывались за широкой, растущей в разные стороны бородой.

— Здравствуй, Николас! — приветствовал его Мирко. — Добро пожаловать! Путешествие, должно быть, было не из легких.

Сибиряк не ответил. Он повернулся, расстегнул лямки тяжелого рюкзака и, скинув с плеч, ногой отправил его к стене. Следом полетели шерстяные рукавицы. Только тогда он повернулся к Мирко и молвил, протягивая заскорузлую ладонь:

— Ты про этот ветерок? Не смей меня!

Они с Эльзой приветственно потерлись носами.

Повернувшись к нам, Николас молча смерил нас взглядом и принялся стягивать с себя меховой кафтан или что оно было

такое, затем вышел в сени развесить его на просушку. Когда он вернулся, Мирко обратился к нему:

— Разрешить представить тебе наших голландских друзей.

— Уж не те ли это «друзья», — хмыкнул он, — что обозвали нас, сибирских гномов, грубиянами, а моего друга Костю — шукурокромом?

Мы переглянулись. Повисла неловкая тишина. Эльза и Мирко тоже пришли в

замешательство. Долгожданный гость, казалось, вел себя хуже нежданного. Положение спас Мирко, обратившись к сибиряку:

— Может, ты и прав, Николас Степанович, но как можно забыть о хороших манерах? Хотя бы при Эльзе! А теперь пожмите друг другу руки!

Скупой на слова сибиряк шмыгнул носом, пожал плечами и молча протянул нам руку. Все присели у стола. Мирко сходил к шкафу и вернулся со стаканами и бутылкой чего-то горячительного в руках.

— Как насчет стаканчика грибного джина? — спросил он Николаса.

Тот жестом выразил согласие.

Стаканы были наполнены до краев. После того как мы выпили за здоровье друг друга, наш гость заметно подобрел и даже заулыбался:

— Я только диву даюсь, как тебе удается делать такой потрясающий грибной джин в Лапландии!

Мы не могли мысленно не согласиться с ним — напиток и впрямь был хоть куда.

Несмотря на нашу недавнюю с ним размолвку, Николас с первого взгляда внушал уважение. Его показная суровость, возможно, была следствием сурового образа жизни, что сибирские гномы вели среди бесконечных просторов тайги, то есть лесов, размерами превышающих половину Европы. Тем, видимо, и объясняется тот бесспорный факт, что

вряд ли его можно было назвать самым галантным гномом на свете.

Он вытянул ноги и, казалось, задремал. Его дальнейшее путешествие явно было не из легких. Мы молча ждали. Внезапно он открыл глаза, отставил стакан и сказал:

— В двадцати пяти милях отсюда медведь угодил в ловушку. Идти нужно немедленно.

Не успели мы и глазом моргнуть, как Мирко повыбрасывал из встроенного шкафа у развилки все необходимое: пилы, топоры, веревки, ножи, меховые наушники, теплую поддевку и тулупы, — гномы умели передвигаться молниеносно. Мы еще не поняли, что к чему, как уже стояли на лыжах. Сами гномы не шли, а летели на лыжах, а мы просто выбивались из сил. Каждые четверть часа Мирко приходилось давать нам по зернышку тмина, чтобы мы не отставали.

Температура упала до минус 30 градусов по Фаренгейту, но ветра не было. Мимо нас пролетали леса, равнины, замерзшие болота. Удивительно, что мы ни разу не застряли и не утонули в сугробах, в которых могла утонуть даже изба.

Наконец у подножия крутого холма мы заприметили уже припорошенного снегом недвижимого медведя, застрявшего в развилке дерева. Глаза его уже подернулись пеленой. Он, должно быть, едва дышал, поскольку ветви сдавливали ему ребра, да и замерз он, похоже, изрядно.

Мирко и Николас немедленно принялись подпиливать снаружи нужную ветку.

Когда они посчитали запас достаточным, они перебрались с веревками на соседнюю ветку.

— А теперь, вы, двое, станьте-ка под медведем, — крикнул им Мирко. — Когда мы сбросим веревки, зацепите их за шею, переднюю лапу и спину медведя и забросьте нам концы обратно.

Мы вскарабкались на дерево так, чтобы оказаться прямо под брюхом полуживого медведя. Прямо над собой мы видели покрытое густой шерстью огромное тело и чувствовали запах зверя. Прокинув веревку три раза туда-обратно, гномы привязали концы веревок к стволу дерева и прыгнули вниз.

— Еще нужно подплыть с внутренней стороны, — сказал Мирко. — Только осторожно, ветка вот-вот сломается.

Вчетвером мы принялись пилить. Дерево затрещало и слегка подалося. Мы продолжали вгрызаться в него зубьями пилы, сантиметр за сантиметром. Вновь послышался громкий треск. Медведь глубоко вдохнул. Наш сибирский друг произнес несколько маловразумительных слов, из которых мы отчетливо слышали лишь раскатистый звук «р-р-р».

Мы продвинулись еще на сантиметр, верхушка дерева подалась с оглушительным треском и, подняв облако слетевшего снега, сгнула где-то в ущелье у подножия холма. Только сейчас мы поняли, как это было мудро привязать медведя веревками. Иначе он просто упал бы с высоты в чептыре с половиной метра, и уже одно это могло нанести ему серьезную травму, тем более что он замерз. Мало того, он мог со слезноту по склону, как только что упавшая ветка.

Гномы вновь взлетели на дерево, мы вслед за ними. Все вместе мы взяли осторожно ослаблять веревки. Получилось! В медведе было по меньшей мере двести тридцать килограммов весу, но благодаря тому, что мы обмотали веревки вокруг ствола, нам удалось удержать его, осторожно опуская вниз. Веревок у гномов оказались крепкими.

Наконец медведь совершил мягкую посадку. Мы спустились следом и сгрудились подле него. Мирко достал из рюкзака пузырек с целебной мазью из арники и принялся втирать ее в ушибленные места. Николас стал смачивать медведю пасть настойкой лобелии, а мы взялись растирать снегом его замерзшие лапы, чтобы

разогнать кровь. Через полчаса мы заметили, что медведь дышит ровнее. Он даже пытался встать, но тяжело рухнул наземь. Через четверть часа он повторил попытку. На сей раз ему удалось удержаться на лапах, хотя его и водило из стороны в сторону, будто пьяного. В его маленьких глазках читалась тревога, к которой уже примешивалось чувство искренней признательности.

— Далеко твоя берлога? — спросил Мирко.

Медведь что-то проворчал в ответ.

— Туда еще час ходьбы?! Ты сможешь дойти?

Но тот уже ковылял прочь. Спотыкаясь и скользя, он взобрался на склон и, наконец, скрылся в густом лесу.

— Дойдет, — заверил нас Мирко. — Хотя впереди его ожидает неделя-другая не очень-то вольготной жизни. Должно быть, его пробудил от спячки буран.

А дома у нас вновь повисло недовое молчание. Спасение медведя, видно, отвлекло немудитого Николаса от каких-то его мрачных мыслей, что не замедлили вернуться уже дома, приводя в смущение остальных.

Он молча накинудся на стоящую перед ним еду, запивая ее легким вином, затем растянулся в гамаке, что подвесили специально для него посреди гостиной, и тут же уснул. Вскоре его храп заполнил всю комнату.

Следующим вечером он поведал нам, что приехал затем, чтобы забрать нас с собою в Сибирь. Он не спрашивал, он — утверждал. По-видимому, принесенных нами извинений оказалось недостаточным — слишком уж поверхностной, по мнению гномов, вышла наша первая книга.

— Прекрасная возможность для вашего всестороннего развития... — Что под этими словами подразумевал Мирко, которому, должно быть, было все известно заранее, мы так до конца и не поняли.

Мы попытались было убедить его и Николаса в обратном, но пути назад, похоже, уже не было.

— Кто же вернет нам прежний облик? — хором спросили мы.

— В Сибири это тоже не загвоздка, — угрюмо отозвался Николас.

— Зачем же нам в Сибирь-то?

— Хотя бы затем, чтобы понять, для чего мы вообще позвали вас к себе, — таков был ответ Мирко.

Сказать нам было нечего. К тому же нас не покидало чувство, что наше путешествие не связано с первой книгой напрямую. Все же мы сделали последнюю отчаянную попытку возразить.

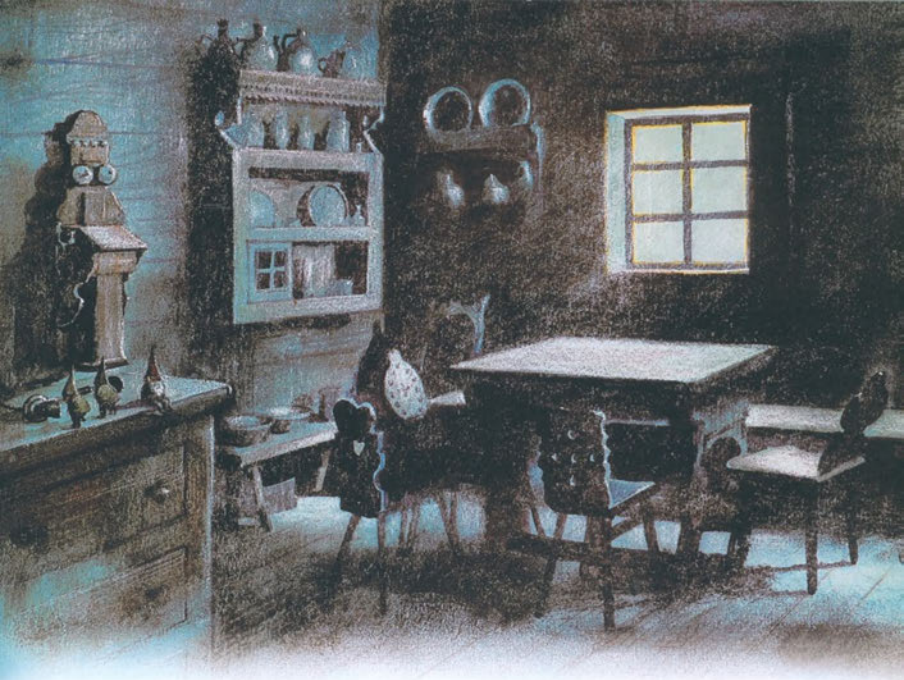
— А не могли бы вы вернуть нам прежний облик прямо сейчас, чтобы мы вернулись домой такими, как были?

Но Мирко с ходу отменил нашу законную просьбу.

— Мог бы, — ответил он, — но не стану. Немного позже вы поймете почему.

Нам больше ничего не оставалось, кроме как напомнить гномам, что хорошо бы нам позвонить домой и предупредить, что возвращение наше откладывается на неопределенный срок. Мирко с радостью согласился нам помочь, а Николасу было все равно.

Глубокой ночью мы отправились в деревню, что находилась в нескольких часах ходьбы от дома Мирко. Вокруг все было

тихо и спокойно. Сквозь заброшенную крысиную нору мы добрались до подпола какого-то дома, а оттуда через щель в полу — в гостиную. На стене висел старинный телефонный аппарат. Казалось, прошло несколько часов, прежде чем нас наконец соединили с Голландией через заспанную телефонистку в Хельсинки.

Оба мы звонили своим женам. Те отвечали нам тоже заспанными, но радостными голосами... ставшими чуть менее радостными после того, как мы сообщили им, что собираемся подзадержаться. Но мы объяснили, непрерывно переключая телефонную трубку от уха ко рту, что задерживаться или не задерживаться — не в нашей власти.

Мы были оба взволнованы и растроганы, когда, закончив разговор, повесили трубку. Мирко, как мог, утешил нас:

— Может, вам сейчас трудно в это поверить, но вам предстоит незабываемое путешествие!

Тогда мы конечно же довольно скептически отнеслись к его словам, но Мирко отмахнул все возражения, вынул откуда-то из кармана золотой слиток и со словами «Этого должно хватить» положил его под телефон.

В молчании мы воротились домой.

Два дня спустя, когда мы уже стояли на пороге, готовые к отъезду, Мирко отозвал нас в сторонку, чтобы поговорить наедине. Хочется напомнить, что неизъяснимая радость открытия Книги несколько померкла из-за драматических событий последних дней, а также оттого, что нам так и не удалось открыть для себя *всю* Книгу. У нас ее попросту отобрали.

Мы спросили у Мирко почему, но он лишь покачал головой.

— Все дело в последней части, — сказал он. — Вы до нее, как бы это сказать, не дозрели. С вами еще многое должно произойти, прежде чем вы будете готовы. — По его лицу мы поняли, что он не

лукавит. — Только не думайте, что у вас ее отобрали беспричинно. Во-первых, мне не дозволено посвящать вас во все секреты «Книги тайн», пока с вами не произойдет то, что должно произойти; во-вторых, у вас попросту уже нет на это времени. Не забудьте, что на то, чтобы переписать «Книгу тайн», у гнома уходит несколько лет, за это время он взрослеет и уже по-другому осмысливает то, что ему дано познать. Мне тяжело описать это словами.

— Почему?

— Просто потому, что вы — не гномы! — резче, чем обычно, отвечал Мирко.

Все это было и как-то непонятно, и довольно обидно, но спорить смысла не было. Иными словами, мы находились на пороге двери, что не откроется нам до тех пор, пока «с нами не произойдет то, что должно произойти».

Почему из всех живых существ именно гномы обладают столь исключительными возможностями, для нас так и осталось загадкой. Еще в незапамятные времена они переняли образ жизни полевых животных, однако если те существуют, полагаясь на инстинкты, то гномы во всем руководствуются разумом. В их мире «во многом знании» нет «многая печали», столь тесна и естественна их связь со всем, что их окружает. Они никогда не стремились ни к власти, ни к личной выгоде — для них куда важнее всегда было достижение коллективной гармонии. Пожалуй, они

всегда следовали главному закону природы, который гласит, что выживание вида важнее, нежели выживание отдельного представителя этого вида, и в то же время они подчинили этому закону все достижения разума — на протяжении тысячелетий за ними ни разу не были замечены раздоры, своекорыстие, насилие над собой и уж тем более над природой.

Казалось, затем нас и позвали в Лапландию, чтобы показать и доказать, что подобное возможно, и не где-нибудь, а именно здесь, в их загадочном мире; но затем, очевидно, планы их переменялись, и, вместо того чтобы просто дать нам посмотреть, они решили дать нам почувствовать все на собственной шкуре.

Нелегкий это выдался урок.

— Что ж, — попытался подбодрить нас Мирко, от пронизательного взгляда которого не ускользнуло наше подавленное настроение, — в ближайшие несколько недель многое будет зависеть от того, как вы себя проявите. Наберитесь терпения, ведь ваше путешествие — далеко не увеселительная прогулка. А то, что вы успели вычитать в «Книге тайн», сослужит вам добрую службу. Будьте наблюдательны в дороге и берегите себя. Николас не так уж нелюдим, как вам могло показаться. Он будет вам неоценимым попутчиком. Счастливого пути!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ПУТЕШЕСТВИЕ В СИБИРЬ

Постепенно мы начали понимать связь разрозненных событий. Мирко пригласил нас в Лапландию в самый разгар зимы, именно тогда, когда «Книга тайн» обрела свою волшебную силу, но дочитать ее до конца отчего-то не дал. То был урок, что преподали нам западные гномы.

Одновременно Мирко пригласил в Лапландию сибирского гнома, чьи соплеменники, как и он сам, были на нас в большой обиде из-за того, как мы обрисовали их в первой книге. И вот теперь сибирский гном собирался потащить нас за собой в Сибирь. То был урок, что приготовили нам гномы с востока. Во всяком случае, мы пришли к такому выводу.

Было решено, что мы отправимся в путь на санях, запряженных тройкой леммингов. А путь нам выпадал неблизкий, тысяча девятьсот миль, или около трех тысяч верст, на реку Енисей. Еще какую-то неделю назад мы с опаской думали о поездке в Лапландию, но в сравнении с тем, что нам предстояло, эта поездка казалась теперь детской забавой... мы отправлялись в дальнюю дорогу в самую лютую стужу в сопровождении весьма неприязненного гнома! К тому же для нас так и осталось загадкой, как три маленьких лемминга

смогут выдержать все тяготы такого путешествия.

Сибирь! Просторы, что втрое превышают европейскую часть России. Температура здесь нередко опускается до минус 65 по Фаренгейту. Тайга, бескрайние сосновые леса с топиями и болотами, тундра, вечная мерзлота. Величавые реки Енисей, Обь и Лена, что через всю Сибирь несут свои воды к северным морям; торосы в нижнем течении препятствуют ледоходу, отчего в высоких широтах половодья нередко превращаются в наводнения. Но вот и пришел час расставания. Русская тройка выносливых леммингов замерла у порога дома Эльзы и Мирко, готовая к отъезду.

Вещи и Книга были уложены в сани, а сами мы тепло попрощались с нашими гостеприимными хозяевами, стараясь, конечно, ничем не выдать обуревавших нас опасений и страхов. Мы забрались в сани, и лемминги, взяв с места, понесли сани вперед.

Мы поплотнее закутались в плед из мамонтовой шерсти. Дорогу наши лемминги находили сами. Нам оставалось лишь молча созерцать проносившийся мимо пейзаж.

В сумеречном сиянии снегов он поража­ л дикой, нетронутой красотой. Но червь сомнения продолжал глотать наши сердца: как нам выдержать жестокие морозы, что поджидают нас дальше на восток? Николас до сих пор не проронил ни слова — он дремал, иногда нарушая тишину негромкими всхрапами. Время от времени наша тройка леммингов останавли­ валась перевести дыхание, и мы скармли­ вали им по зернышку тмина, что Мирко дал нам в дорогу. Дул легкий восточный ветер.

К рассвету лемминги совсем выбились из сил. От усталости они едва передви­ гали ноги, но продолжали тянуть упряж­ ку, словно ими понукало нечто большее, чем желание передохнуть. Иногда они все разом замирали, вода носами по ветру, а затем с тывканьем, повизгиванием и вор­ чанием бежали дальше. На высоком пла­ то они вдруг стали как вкопанные. Было почти десять утра. Они остановились так

близко у обрывистого склона, что у нас даже екнуло сердце — как бы нам не сва­ литься в обрыв вместе с санями! Николас резко сел, вытащил нож и мигом обрезал постромки. Лемминги тут же исчезли из виду за краем обрыва, а сани остались сто­ ять на краю. В мутном утреннем свете мы разглядели далеко внизу буро-молочную реку, что змеилась по узкой расщелине. Вглядевшись попристальнее, мы вдруг поняли, что то, что мы вначале приняли за реку, на самом деле было нескончае­ мым потоком десятков тысяч леммингов, тянувшихся к югу. Нам повезло воочию увидеть миграцию леммингов — собы­ тие, что случалось раз в пять — восемь лет. Увиденное нами поража­ло воображение.

В благоприятные годы популяция лем­ мингов растет так быстро, что возникает перенаселение. Самка лемминга может приносить до двенадцати детенышей. Молодняк первого и второго выводка в свою очередь щенится уже на первом году жизни, так что арифметическая прогрес­ сия роста популяции может превратиться в геометрическую.

В обычных условиях с весной лемминги покидают зимовья в горах и спускаются

в низовья рек в поисках свежей весенней травы, а осенью возвращаются обратно в горы. В годы же «перенаселения» леммингов обуревают неустойчивая жажда к перемене мест, подальше от большого скопления животных, где вот-вот грянут голод и болезни. Сперва десятки, а затем сотни, тысячи и, наконец, сотни тысяч леммингов в едином стремлении начинают покидать родные места.

У каждого животного, кажется, одна лишь цель: уйти подальше, за горизонт, и некоторые добираются даже до ледников. Они с легкостью преодолевают реки и озера, и, если их останавливает океан, они не раздумывая прыгают в него, как будто это просто большое озеро, иногда даже с огромной высоты, и целыми стадами тонут в ледяной воде.

Можно и не говорить о том, что всякий хищный зверь или хищная рыба собирает свою десятину с беспомощных животных.

Трогательно наблюдать за этими отчаянными грызунами: они не отступают ни перед лисой, ни перед волком — покачиваясь на задних лапках и задрвав голову, они готовы принять неравный бой.

Далеко внизу под нашими ногами наша тройка леммингов влилась в общий поток животных. Ставшие бесполезными сани мы спрятали в расщелине со стороны оврага. Поклажу мы сгрузили у ног и молча уставились на Николаса. Первый раз мы услышали от него доброе слово: — Ну, что ж, молодцы! Домой еще не просимся?

Через всю долину мы двинулись к опушке леса; по пути, где стены оврага были более пологи, нам пришлось пересечь поток леммингов. Как нам показалось, целыми и невредимыми мы остались только чудом.

— Мало кому из них суждено остаться в живых, — заметил Николас. — Но веками все повторяется вновь и вновь.

Вопреки обыкновению, он вовсе не показался нам таким уже чужим и отстраненным, словно позабыл о своей давно привычной напускной угрюмости. Вскоре в лесу мы учуяли запах песка. Николас пронзительно свистнул, заложив пальцы в рот, и тотчас же перед нами, словно из-под снега, вырос белый песец. В нос намшибанух ядреный звериный запах. Николас что-то прошептал песцу на ухо. Тот хоть и с неохотой, но согласился.

— Он повезет нас дальше на восток, — пояснил Николас, — хотя, конечно, этот плут предпочел бы держаться поближе к леммингам.

Мы по очереди запрыгнули к нему на спину и крепче вцепились в густой подшерсток. Предосторожность оказалась нелишней: наш «конь» взял чуть ли не с места в карьер, так что ветер засвистел в ушах. Мы чувствовали, как играют мышцы под его мягкой кожей.

Несколько часов спустя Николас крикнул «Тпру!». Мы спустились с холки нашего песца, и Николас отправил его обратно, наказав идти по собственным следам.

— Это для того, чтобы запутать звероловов, — пояснил он. — Да и все равно пришлось бы отправлять его восвояси ввиду того, где мы собираемся ночевать.

Полярная лисица (Vulpes lagopus), или — по-русски — «песец», внешне похожа на кошку. Тело ее покрыто густым мехом. Летней порой мех землистого цвета, зимой он белый как снег. Разновидностью полярной лисицы является голубой песец.

Спасаясь от мороза, тетерев прорывает в сугробах извилистые пещеры до метра в длину. В дальнем конце пещеры он и хоронится от холодов. Из-за высокой температуры тела вокруг него образуется теплый воздушный кокон. Если зоб полон вересковых и березовых почек, то тетерев может просидеть в своей норе целый день.

Одолев вересковую пустошь, кое-где поросшую чахлыми березками, мы приблизились к зарослям кустарника, укрытым снегом и напоминающим большой сугроб. Николас раздвинул ветви, и мы увидели вход в нору.

Николас скрылся в норе, и до нас донесли обрывки разговора. Затем он вернулся и кивнул:

— Все в порядке. Сегодня мы можем остаться здесь. Позвольте представить вас нашему хозяину, тетереву!

было тепло и уютно, а мыслями мы незаметно вернулись к леммингам. Утреннее дружелюбие Николаса сменила привычная угрюмость, с каковой он и вмешался в беседу.

— Жизнь животных протекает по десяткам неписаных законов, изменить которые не в наших силах, — пояснил он. — Если животное попало в беду, мы всегда готовы ему помочь, как, вы помните, это произошло с медведем. Но против законов природы не пойдешь. Баланс в природе восстанавливается самым безжалостным образом. Одно животное убивает другое, чтобы насытиться, но один вид животных не истребляет другой — на это способны только люди. Возьмите рысь: она может убить косулю, но только для пропитания, — она не

Мы воткнули лыжи в снег и вошли. Тетерев безбоязненно взглянул на нас и пригласительно поднял одно крыло.

Мы уютно устроились, прижавшись к его теплоте, и он осторожно взял нас под крыло.

Под крылом мы слышали, как бьется его сердце, но так устали, что очень скоро провалились в глубокий сон.

Когда мы проснулись, уже, должно быть, наступил вечер. На пуховом ложе

станет уничтожать косуль ради самой охоты. Более того, жертвами ее охоты могут стать лишь больные, слабые или старые животные. По людским меркам это и есть жестокость, но рысь лишена сострадания — она убивает, чтобы жить. В этом-то все и дело. Но как нужно опуститься, чтобы убивать ради убийства?! Вот и вся разница.

Оказавшись вне тетеревиного «гнездышка», мы разом подняли головы и ахнули в изумлении: над нами простиралось усыпанное тысячами звезд бескрайнее небо. Мы стали на лыжи и отправились

осматривать окрестности. Мы обнаружили, что местами снег сметен в сторону, а вереск под ним объеден. Кроме того, в снегу нам попадались следы глубиной с наш нынешний рост.

— Лоси, — только и буркнул Николас.

Уже за полночь мы вернулись в наши тетеревиные хоромы. Под руководством Николаса нам довелось выдолбить в земле квадратную яму, после чего мы вымостили ее плоскими камнями и разложили костер. Отправляясь на поиски съедобных корней, Николас сказал:

— У вас есть лишняя минутка поработать над своей книгой. Буду через пару часов.

Когда он вернулся с охапкой корнеплодов, мы уже соорудили земляную печь.

Квадратная яма выкладывается плоскими камнями (ни в коем случае не ис-

пользуйте речные — они взрываются!). «Правильные» камни выдерживают жар огня. Раскаленные угли отгребают в сторону. На горячие камни выкладывают кусочки мясистого съедобного лишайника (*Umbilicaria*). Их покрывают густым слоем оленьего мха или ягеля (*Cladonia rangiferina*), в который зарывают луковички дикого лука (*Allium*) и плоды шиповника (*Rosa*). Следующим слоем идет опять же съедобный лишайник, который присыпают золой и землей.

...Через час все было готово. Мы разгребли землю — под ней исходило паром наше «плодово-овощное» лишайное рагу. Без лишней спешки мы приступили к нему, смакуя каждый кусочек.

Привычно угрюмый Николас щедро плеснул нам в желудудевые чаши ягодной настойки, которую, как оказалось, он нес

с собой с того часу, как мы распрягли нашу тройку и оставили сани. Мало-помалу мы начали проникаться к нему симпатией.

— Как тебе удалось добыть из-под снега хоть что-то съедобное? — спросили мы.

— Ягель растет везде. Дикий лук можно найти в местах, где собирается вода. Не нужен даже ивовый прутик — поищи глазами, где вымоины, там его и найдешь. Шиповник можно хвостить и на кустах, и под кустами в снегу; ягоды слегка подмерзли, но в пищу вполне пригодны.

Даже лютой зимой земля-матушка проявляла заботу о чадах своих. Только нужно было знать, что, где и как искать.

Чтобы предупредить такую страшную болезнь, как цинга, долгой полярной зимой гномы пьют хвойный отвар, в котором содержится витамин С. Нехватка витамина С вызывает кровоточивость десен, воспаление надкостницы, длинных костей и мышечные кровоизлияния в виде темно-красных пятен на коже. Если вовремя не восполнить содержание витамина С в организме, наступает мучитель-

ная смерть. От цинги также спасает кровь волка или собаки — их организм вырабатывает витамин С самостоятельно. Но гораздо чаще набирают кровь, спилив панты северного оленя. Олень при этом остается жив. Панты спиливают ранней весной, когда содержание витамина С в пище северных народов самое низкое.

Ближе к утру наш пернатый хозяин вышел из пещерки наружу. От яркого оперения тетерева нельзя было отвести глаз, но его глаза были печальны.

— Он в тревоге, — сказал Николас. — Поблизости околачивается одинокий глухарь, что так и норовит разбить какую-нибудь уже сложившуюся пару глухарей, а кроме того, мешает ритуальным брачным танцам тетеревов. Сдается мне, придется вмешаться.

— А как? — хором спросили мы.

Он нахмурил лоб, в задумчивости присвистнул и ответил:

— Что ж, придется признаться — я избран мировым судьей и выношу решения в спорах и тяжбах. Я просто обязан по-

являться там и тогда, где и когда возникают непреодолимые разногласия. Сегодня на семь я назначил слушание. Но перед этим нужно хорошенько выспаться. К сожалению, мы не можем остаться у нашего нынешнего хозяина — он слишком перевозбужден, чтобы приюить нас еще и на сегодня. Придется искать другой ночлег.

На расстоянии одного костра от зимовья тетерева мы наткнулись на норку серой тетеревихи. Милая птичка согласилась приютить нас на денек, хоть у нее самой было трое цыплят, которых нужно было обогреть. Мы так утомились за день, что мгновенно уснули.

Мы пробудились свежими как огурчики, а так как до вечера было еще далеко, то мы завязали непринужденную беседу, и кое-что из поведенного нам мы будем помнить до конца своих дней.

— Знаете ли вы, — как ни в чем не бывало спросил Николас, — почему звериные тропы* издают свечение? Человеческий глаз его не улавливает, но звери чувствуют не только излучение следа, но и магнитные волны, а также даже самые незначительные изменения угла относительно горизонта. Быть может, некогда и люди обладали этим даром, но затем его утратили. Такая ездовая собака, как лайка, по цвету снега, по изменению в тоне эха, по мельчайшим оттенкам запаха и дрожанию льда под ногами чувствует, что впереди во

лщина, и ни за что туда не пойдет, а люди склонны приписывать эту способность то ли необыкновенному собачьему нюху, то ли животному инстинкту самосохранения. Под силу ли такое нынешнему человеку?

Серой курочке мы пожелали всего хорошего, отдав должное ее материнским заботам. Она была польщена и поблагодарила нас в ответ.

Нас же занимали мысли о предстоящем суде. Мы встали на лыжи вслед за Николасом — он направлялся к лесу, что виднелся на горизонте. Под сенью деревьев от снега была расчищена полянка. Посреди полянки высился округлый валун. Из походной котомки Николас извлек черную мантию, с воротника которой свисали две белые полоски ткани. Глухари сгрудились неподалеку; чуть поодаль виднелись застенчивые белые куропатки и прочие любопытствующие.

Когда Николас, облаченный в длинную мантию, занял свое место на камне, мы заслушали тетерева. Его речь поминутно прерывалась одобрительным хлопаньем крыльев собравшихся, включая и пострадавших глухарей. Затем выступили свидетели по делу, те самые глухари, чей семейный очаг оказался под угрозой. По их словам, ответчик зашел слишком далеко и не поддавался ни на какие увещевания.

* Звериная тропа — та, что используют дикие животные.

Заслушав показания ответчика мы и сами пришли к выводу, что защита выстроена слабо. Честно говоря, у нас даже мелькнули подозрения по поводу здравомыслия подзащитного — глухаря. После допроса мы еще больше уважали Николаса — он полностью владел положением: не спешил, не суетился, выводы его были последовательны и ясны, а юмор вовремя

разряжал обстановку. Втайне от него мы сошлись на том, что нам бы не хотелось столкнуться с таким противником на судебном поприще, если бы мы преступили закон.

Взвесив все факты, Николас вынес вердикт. Под угрозой того, что ему подрежут крылья, он отказал глухарю в праве на заигрывание более чем с одной курочкой

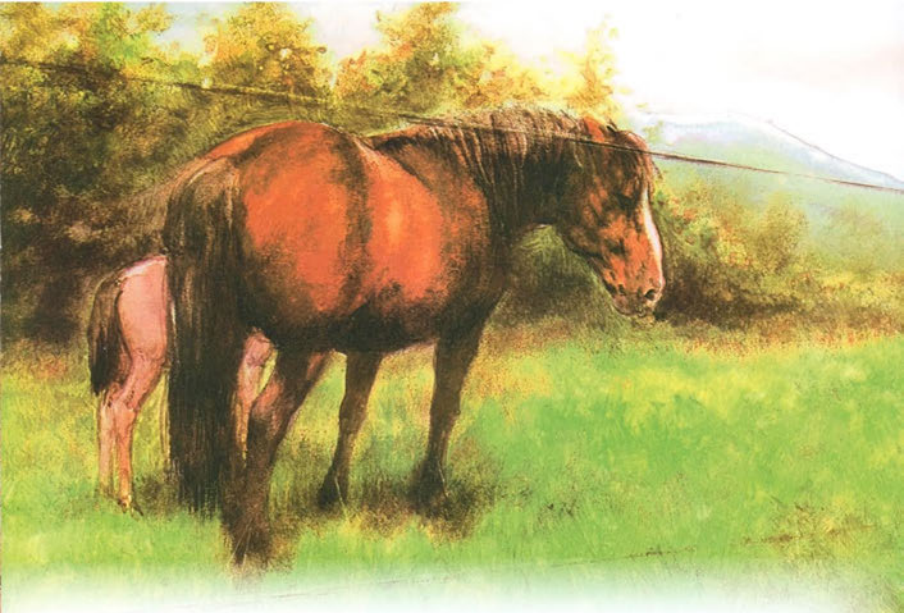

за сезон и наказал воздерживаться впредь от прочих поползновений на общественный порядок. Решение вызвало бурю аплодисментов. Поскольку апелляции не последовало, на этом заседание суда закончилось.

— Подчинится ли он вынесенному вердикту? — поинтересовались мы у Николаса.

— Так будет лучше для него самого, — жестко ответил тот. — Среди животных у меня есть помощники.

Он снял мантию, и мы отправились дальше. Несмотря на холод и безмолвие полярной ночи, на душе у нас было тепло. Снег тихо потрескивал под нашими лыжами; легкие наполнил чистый, свежий воздух. За угрюмой внешностью

Николаса скрывалось доброе и справедливое сердце.

Мы догадались, что не случайно нас отправили в Сибирь с этим гномом, но так или иначе решили расспросить его о том попозже.

Выгадав момент, мы между делом полюбопытствовали:

— И часто вам приходится разрешать подобные споры?

— Непрерывно, — ответил он, — поток жалоб неиссякаем. Животные, растения, камни и даже реки спорят о территориальных правах, нанесенном ущербе, хищениях и мошенничестве. На обширных землях от Лапландии до Енисея нас таких трое; нам бы еще одного — стало бы легче. Лично мне сподручнее вершить правосудие, стоя на шляпке гриба, но сейчас, когда все замечено снегом, приходится вот так, как вы видели. И отец мой, и дед были мировыми судьями. Знания передают-

ся от отца к сыну, да еще пару лет проходишь практику в суде, чтобы вникнуть в тонкости дела. Мой дед, к примеру, ввел постановление, согласно которому лису и барсуку делить нечего, кроме крыши над головой, и потому они должны мирно сосуществовать на одних и тех же землях. Постановление, позволяющее самцу козули и, если уж на то пошло, любого другого парнокопытного изгонять непрошеного гостя за пределы своей территории (а если с разгону, то даже немного дальше), было принято еще до него, с той, однако, оговоркой, что дальнейшее преследование будет считаться превышением пределов необходимой обороны. Этот закон соблюдается неукоснительно вплоть до последней буквы. Как-то мой дед разбил тяжбу меж волком и лисом. Когда у обоих от голода подвело живот, увидели они в поле кобылу с жеребенком. И тут лис подговорил волка сходить и спросить у кобылы, не продает ли она жеребенка, а сам остался ждать за оградой. «Оно бы и ладно, — сказала кобыла, — да вот беда — цену запомнятовала. Не поглядите ли сами

на ценник, господин Волк? На моем правом заднем копыте». С этими словами кобыла приподняла заднюю ногу да так лягнула волка копытом, что тот без памяти пролежал не один час. Придя в себя, волк подал жалобу на лису, обвиняя того в плутовстве, и разбираться в ней выпало именно деду. В возмещении ущерба волку было отказано на том основании, что он мог отказаться от участия в преступном сговоре, хотя и лису было вынесено частное определение: не подшучивать так зло над волком...

Мы скользили по заснеженным просторам, а Николас вел дальше свой рассказ:

— Кроме того, нет ни конца ни края искам о возмещении ущерба: деревья жалу-

ются, что кролики обгладывают их корни, а кустарник — тот и вовсе выкорчевывают из земли; व्यюнок душит ольху да иву; муравьи сметают все на своем пути. Весь поголовно мир насекомых жалуется на рыжих лесных муравьев*, и так далее. Возьмите хоть прошлый год: из-за стада благородных оленей случился оползень, запрудивший реку в самую пору гнездования. Конечно же среди потерпевших в первую очередь оказались те птицы, что гнездятся прямо на земле.

* В муравейнике рыжего лесного муравья до миллиона особей, которые за день способны уничтожить в округе до сотни тысяч других насекомых. — *Примеч. авт.*

По счастью, ранняя весна позволила соорудить новые гнезда. В возмещение ущерба я вменил в оленье обязанности взять под опеку по три гнезда, защищая их от хищников и прочих напастей до тех пор, пока птенцы не подрастут и смогут сопровождать своих матерей. Само собой, наше решение оспаривали лисы, куницы, ежики, вороны и сороки, но их протест был отклонен. Изо дня в день приходится иметь дело с медведями, что воруют чужой мед. Сами пчелы не могут найти на вора управы, так как их укусы медведю не страшны (разве что ужалить в особо уязвимое место: в самый уголок глаза или в губу, но и тогда медведь просто смахнет пчелу, и вся недолга), а пчела, потеряв жало, умирает, вот они и летят

ко мне. А пчелам без меда никак нельзя — они запасают его на зиму. И если домашних пчел подкармливают, то диким приходится рассчитывать только на самих себя.

Вначале медведь только и того что головой трясет, отрицая свою вину, но голоса двадцати тысяч свидетелей умолкнуть не заставишь, да и развороченный улей — неопровержимая улика. По-хорошему, следовало бы заставить медведя вернуть мед или, на худой конец, сахар, но с сахаром в лесу, сами понимаете, проблемы, а меду, иначе как разворотив другой улей, тоже не сыскать. Вынесешь такому медведю строгий выговор, а ему как с гуся вода. Боюсь, друзей среди пчел у меня почти не осталось.

История о
Красной Шапочке и Волке

никак не может быть правдива.
Какой здравомыслящий родитель
назовет свою дочь Красной Шапочкой?
И как ей удалось выбраться
из волчьего желудка целой
и невредимой?
Не говоря уж о прочих неспешах...

Правдоподобная версия между тем
такова: волк, страдающий бешенством,
по ошибке накинуся на теньку
в обычной красной колпачке.

Панч и Джуди

в действительности тоже были
тоями. А дело все в том, что томи,
прирожденные лицедеи, истари давали
представления на ежегодных ярмарках.
Вся вирушка шла
на помощь бедным.

Их остроумие и талант
привлекали толпы зрителей,
тем самым лишая заработка
видельцев медведей, уличных музыкантов, шарлатанов всех
ластей, пожирателей огня и лживых чародеев, —
успех, естественно, вызывал зависть. Поэтому
в шестнадцатом-семнадцатом веках многих выдворили
из этой, как и прочих других, сфер общественной
деятельности.

Но свято место пусто
не бывает — пронири
угуями наживу
и понаделали
хукол в виде гномов,
обманывая честной
народ.

С годами столь отличительная
черта гнома, как борода,

превратилась в не менее
отличительный выдающийся подбородок Панча,
а вертушка колпачка обвисла вперед.

Позднее появилась
и такая дурацкая игрушка,
как гном-невалашка,
а также гном, которого можно
тащить за веревочку.

И конечно же всем известный
блудливейший садовый гном.
Помежи от такого никакой, →
разве что старший сторожевой
пес справит на него нужду.

Не успел Николас закончить свой рассказ, как из густого подлеска до нас дошел запах лося. Прямо перед носом мы увидели протоптанную тропу и едва не скатились кубарем в глубокий след, оставленный копытом в снегу. А уж навозные кучи, что нам приходилось обгибать по пути, высотой были с наш нынешний рост.

След лосиного копыта достигает 11–15 сантиметров в длину и 11–13 сантиметров в ширину. Высота навозной кучи превышает рост взрослого гнома.

Отличительной чертой лося и, пусть и в меньшей степени, исландского пони является нос с горбинкой, которым они отгребают снег в поисках пищи. Ноздри, соответственно, расположены гораздо дальше от кончика носа, чем у других животных, поэтому они не забиваются снегом.

Наконец впереди послышалось фырканье — перед нами стояли двое самцов: один молодой, другой постарше. Старший был без рогов. Они возвышались над нами, склонив свои огромные головы к земле. Николас заговорил с ними. Лоси откликнулись на нашу просьбу гораздо охотнее, чем лис.

— Старый лось недавно скинул рога, — сказал наш проводник, — а это ни много ни мало восемнадцать килограммов лишнего веса. Он-то и повезет нас.

Вскоре мы уже неслись по полям и лесам высоко-высоко над землей. Ветер свистел в ушах. Молодой лось скакал рядом. Наш лось (мы сидели у него на голове, вцепившись в густую шерсть) следил за тем, чтобы нас не зацепили ветки деревьев. Лоси могли бежать рысью несколько часов кряду, не выказывая усталости. Ближе к утру наш лось ссадил нас и сказал, что они вернутся позже и подберут нас. Когда лоси умчались, Николас пояснил:

— У лосей нет постоянного пристанища. Они кочуют с места на место, а в сезон спаривания преодолевают расстояния в несколько сотен миль.

Мы огляделись по сторонам в поисках тетеревиного зимовья. Но первое, что мы заметили, была вытянутая в линию посадка молодых деревьев.

— Их высадили гномы, — ответил на немой вопрос Николас, — чтобы тетерева могли незаметно перелетать от одного зимовья к другому.

Через четверть часа мы вышли на след тетерева. След то кружил, то петлял, то уводил в сторону, а то и вовсе поворачивал обратно, но в конце концов привел нас к зимовью.

Далее повторилась уже известная нам процедура.

Пока Николас занимался поисками съедобных корней снаружи, мы грелись

у земляной печурки и трудились над книгой, что, завернутая в тряпочку, хранилась на дне одного из наших рюкзаков.казалось, от нее исходила некая волшебная сила, которая позволяла нам одновременно разбирать наши записи и замечать неудобные для обычного человека подробности.

После ужина мы вновь забрались под крылышко тетерева и крепко проспали до вечера. Проснулись мы с чувством, что мы такая же часть природы, как и все существующее на земле.

За время путешествия мы заметно сблизились, как это обычно и бывает, когда люди вместе проходят испытания. Под вечер, выбираясь из-под крылышка, Николас даже сподобился на доброе слово.

— Ну что, други, как спалось? — буркнул он.

Незаметно беседа коснулась жизни растений.

— Любое растение, он или она, — встал на защиту растений Николас, — ощущает, что происходит вокруг. Способность к восприятию — древнейшее свойство любой живой клетки, возникшее задолго до появления так называемых пяти чувств. Оно не ограничено ни временем, ни пространством. Это всеобщее свойство жизни, частью которой являемся и мы сами. Дерево так же чувствует, когда вы собираетесь его рубить, как и человек, которого ведут на эшафот. Удивительно, что вы,

люди, накопили немало знаний о работе сердца или мозга, что определяется едва уловимыми электрическими импульсами, и в то же время глухи к куда более громким сигналам, что посылают растения!

Лоси воротились лишь к вечеру на следующий день. К тому часу восточный ветер сменился западным. Николас хитро потирал руки, поглядывая на небо, и бормотал:

— Скоро мы понесемся быстрее.

— Быстрее — уж не на птицах ли?

— Потерпите, скоро все увидите сами! — загадочно усмехнулся тот.

К утру лоси одолели добрых сорок верст. Мы спешили, поблагодарили их и отослали восвояси. Мы стояли у подножия поросшего редкими деревьями склона.

В лунном свете мы заметили пещеру, похоже, рукотворного происхождения. Мы подошли поближе. Николас прокричал что-то неразборчивое, в ответ послышались звуки, отчасти напоминающие зевоту, отчасти — ворчание, когда во сне переворачиваешься с боку на бок. К нашему ужасу, в проеме показался ширококостный тролль. Николас подал нам знак: мол, все в порядке — и спросил:

— Ну, как оно, Корк? Все хорошо?

При виде Николаса тролль даже запыргал от радости то на одной, то на другой широкой и плоскостопной ноге.

— Пожми руки моим друзьям, — кивнул ему Николас.

Корк потер ладони под мышками и протянул нам замасленную, щетинистую руку.

— Все готово? — спросил Николас.

Троль закивал головой, и мы проследовали за ним по проходу, ведущему вглубь, и оказались в просторном гроте, залитом лунным светом. Не веря своим глазам, мы уставились на воздушный шар, что висел под потолком.

— Вот именно. Воздушный шар, — подтвердил Николас. — Из мочевого пузыря мамонта. Вместимость — пятьдесят три кубических фута природного газа.

— Из мочевого пузыря мамонта?!

— А что тут такого? В местах, где царит вечная мерзлота, мамонтов осталось еще немало. В районе брюшной полости делается надрез, мочевой пузырь извлекается, полость зашивается. Затем пузырь промывают, слегка просаливают и сушат. Он так хорошо растягивается, что если его надуть, то он многократно превышает первоначальные размеры.

— А газ?

— Наш добрый друг Корк добывает газ из-под земли. Он очень быстро учится и может сказать уже целых двенадцать слов без единой ошибки. Зарплату, едой и золотом, он получает за то, что держит шар наготове в любую минуту. Отсюда

и до Енисея живут три дружественных нам тролля. Этого зовут Корк Первый. Есть еще Корк Второй, Корк Третий и, наконец, Коронный Корк, а живут они в пятистах верстах друг от друга.

Услышав, что речь идет о нем, Корк Первый расплылся в довольной улыбке. На стене висели кузнечные меха. У стены

стояла плетеная корзина, лежали сети и сдутый запасной шар.

— Корк обучен латать сети и плести корзины, — поведал Николас. — Кроме того, он не гадит у себя в пещере. На то, чтобы отучить его от гадкой привычки, ушел не один год.

— Но газ-то откуда?

— А газ из-под земли. Залегает он глубоко, добывается медленно, кузнечными мехами, благо времени у Корка хоть отбавляй. В недрах земли сохранились запасы, заложенные еще древними гномами.

— Мы вылетаем поздно вечером, Корк, — обратился Николас к троллю, что послушно стоял опустив руки. — Проверь, чтобы все было в порядке, и найди нам одеяло.

Одеяло, что извлек Корк из старинного комода, пахло свежестью, словно его недавно выполоскали в горном ручье.

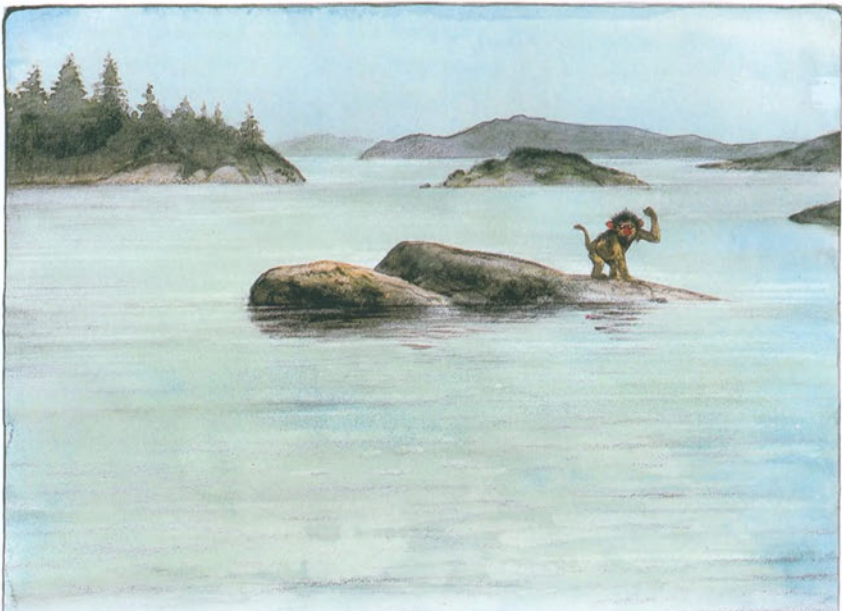
Из другого комода Николас добыл несколько неказистых лепешек и орехи и на немудрящей печурке вскипятил воду для чая. После ужина он тут же растянулся на одеяле и уснул, а мы занялись нашей книгой; от книги исходило тепло, так что нам даже не приходилось дуть на замерзшие пальцы. Но Николас храпел так разительно, что спустя три часа мы не выдержали и присоединились к нему. Корк устроился в углу на подстилке из еловых веток. На потолке колыхалась огромная неровная тень от воздушного шара.казалось, что все это происходит во сне.

Когда мы проснулись, то обнаружили, что Николас уже приготовил на всех овсяную кашу, щедро сдобрив ее сахаром. Перед нами стояли три исходящие паром миски. Воздушного шара в гроте уже не было; откуда-то снаружи доносился звук осыпающегося гравия.

— Это Корк засыпает в корзину балласт, — пояснил Николас. — Завтракаем — и в дорогу.

Когда мы вышли из пещеры, шар показался нам даже больше размером, чем вчера.

— Корк подбавил в него газу, — словно прочитав наши мысли, заметил Николас. — Когда шар надувают полностью, он попросту не пролазит в коридор. Сейчас он в двенадцать с половиной раз легче воздуха.

В одной руке Корк держал канат, а другой — закидывал в корзину камни. Там же, в корзине, лежало и одеяло.

Сеть была тщательно обернута вокруг шара; свободные концы были приторочены к корзине. Николас забросил в корзину мешок с грибами и орехами и сказал:

— Ты просто молодец, Корк, хорошо поработал!

Мы забрались внутрь, пока Корк удерживал шар. Едва он ослабил якорный канат, как мы взмыли на три с лишним метра вверх. По указке Николаса мы попрыгали вверх-вниз и потопали ногами, как это делают опытные воздухоплаватели.

— Готово? — слегка запыхавшись от прыжков, спросил Николас. — Тогда вперед! Корк! Отпускай!

Тролля, что попал в западню к гномам, через несколько дней отпускают на волю (дни считают по узелкам на веревочке — каждый день развязывают один узелок). Иногда троллю приходится провести лишний день-другой, сидя на камнях посреди реки... тролли не умеют плавать и боятся воды. Чаще всего, однако, тролль не выносит из науки никакого урока. Он возвращается в леса, сквернословя и понося всех и вся плуце прежнего. Но иногда, пусть и не часто, тролль раскаивается и хочет начать новую жизнь. Если умственные способности такого тролля позволяют (что тоже бывает не часто), тогда гномы обучают его на зрителя воздушных шаров. Конечно же сам шар, сеть и корзину делают по-прежнему гномы, а троллю остается лишь следить за тем, чтобы шар всегда был наполнен газом и готов к отлету.

На развороте приведены некоторые из безотказных троллиных ловушек.

На рисунке

изображен гном, вырезающий
прищипку (деревянного гнома)
для троллей ловушки; лов
троллей, что занимает
неславажную часть жизни
гномов, производится не по злобе
и не охоты ради, а с целью
противостоять разрушительной
натуре самих троллей
(см. подсаженные деревянные гномы).

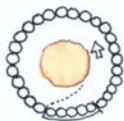
Троль не понимает, что перед ним
всего лишь деревянная фигурка
(не хватает воображения),
зато видит перед собой нечто,
что застит глаза и действует
на него, как красная тряпка
на быка. Любый здравомыслящий
сразу догадался бы, что деревянный
гном, повешенный за кончик
капачка, никак не настоящий.

Угодив в западню,
тролль автоматически
захлопывает за собой

дверь; оказавшись
в замкнутом пространстве,
тролль мечется, бегая по кругу, до тех пор,
пока его не освободят гномы, —

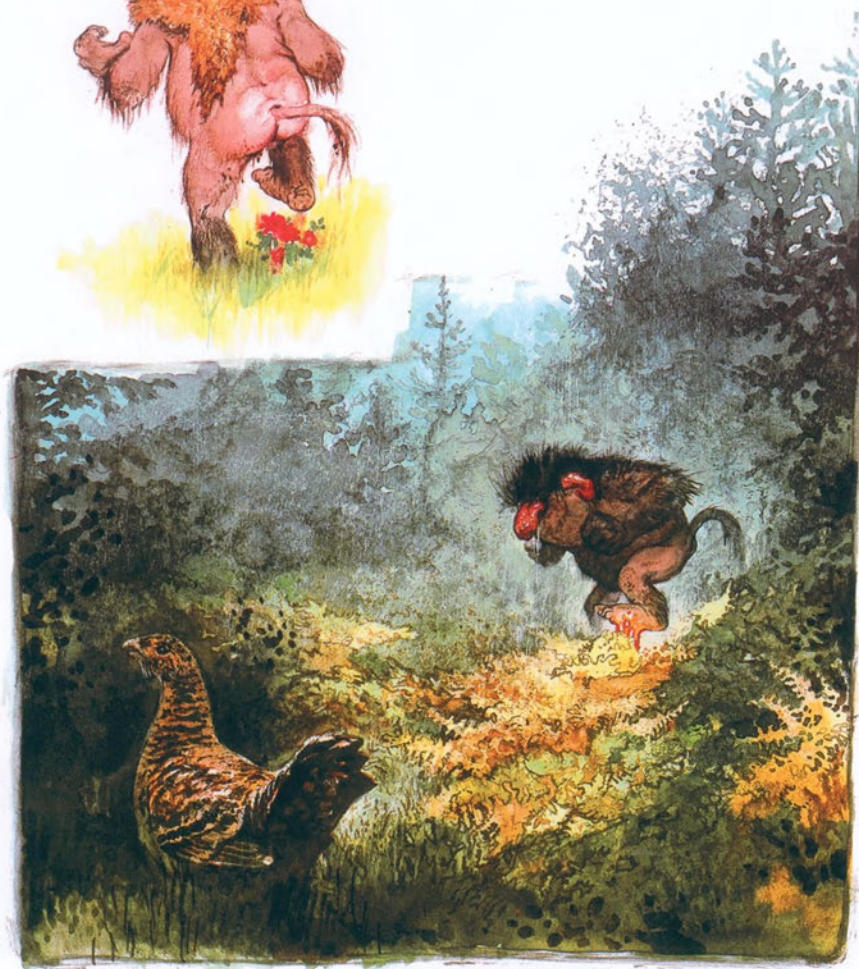
вот до чего может довести отсутствие
конструктивного мышления.

В случае с троллями срабатывает любая,
даже самая простая, ловушка!

Не суть важно, что это будет: цветочек, или грибочек,
или гнездышко, где птичка отложила яички, —
тропа тут же устремляется к ним
с одной-единственной мыслью:

Растоптать!

В основе устройства *тумакового проучителя* лежит все тот же растоптательный механизм. При попытке растоптать деревянного гномика тропля получает увесистый тумаk; злыми порой, если устройство задевается, колпачок превращается в острую сосульку, которой можно чувствительно занозить ногу.

Существует несколько разновидностей
тушакового проушителя.

На рисунке: посадной гномик
и безудно несущийся на него
троль. Схематично показана
проушительная часть
конструкции.

Несмотря ни на что,
гноми испытывают к троллям
сострадание. На рисунке: гном,
выказывающий сострадание
к поверженному троллю.

Так называемая
ручная ловушка
устанавливается в дупле,
что продолбил дятел.
Стоит беззлобному троллю
заприметить красный колпачок,
пусть даже и в дупле, как он
тут же сует туда руку.

Пальцы сжимаются вокруг
ненавистного колпачка
и производят резкое обратное
движение, приводя
в действие
скрытый механизм.

Этот
момент легко
определяется по тому, что
лесная тишина внезапно
оглашается душераздирающим
воплем и невоспроизводимыми
сквернословием.

Все что ни есть яркого
и красочного на белом свете,
должно быть поглочено,
искорежено или растоптано.

Новорожденный тролль, едва открыв глаза, тут же начинает пинать всех и вся. Бывает, что из пяти детенышей-троллей в живых остается лишь один, зато самый драчливый.

Тролль не имеет никакого дела до воплей избитых троллей — вот как лучше замуровать поправшую в лапы птичку, ее занимает куда больше.

На первый взгляд жилище гнома должно быть очень уязвимой мишенью для край озлобленных троллей, но гномы избегают, казалось бы, несмисленной напасти, выставляя дорожные указатели со стрелкой в обратном направлении.

Добрые друзья и злые гости знают,
что идти следует в направлении,
противоположном указанному.

(путешествие продолжается)

Шар взвился вверх на тридцать с лишним метров и, поймав поток воздуха, устремился вдаль. Под нами замелькали деревья, а мы тем временем поднимались все выше и выше. За бортом стояла стужа, но мы ее не замечали, как, впрочем, не замечали и силу ветра, ведь мы и сами летели со скоростью ветра. Для нас воздух был неподвижен. На всякий случай Николас не выпускал из рук шнур, соединенный с клапаном на шаре, — так что, вытравив газ, мы всегда могли опуститься пониже.

— Я полагаю, что скорость ветра сейчас достигает верст эдак двадцати в час, — заметил он. — Если так пойдет и дальше, мы доберемся до Корка Второго через сутки. Хотя всякое может случиться: то ли ветер спадет ненароком, то ли направление сменит!

Но пока все шло как нельзя лучше. Мы летели на высоте около ста метров, а прямо над головой у нас плыли облака. То тут, то там в поле нашего зрения попадало то оленье стадо, то медведь-одиночка. Как-то раз путь нам преградил высокий холм, и, чтобы избежать столкновения, пришлось скинуть несколько пригоршней гальки. В другой раз нас попытались сбить камнями тролли, но — с высоты нашего полета — мы даже не испугались.

Среди бескрайних лесов встречались и болота, и деревеньки с пахотными полями, но сами люди нас не замечали — то ли оттого, что и не ожидали увидеть ничего подобного, то ли оттого, что мы быстро исчезали из виду. Как никак — а плыли мы сейчас на высоте четырехста метров, — на других высотах, по словам Николаса, воздушные потоки могли двигаться совсем в другом направлении.

Под утро повалил снег, шар покрылся снежной шапкой, и нам вновь пришлось скинуть часть балласта.

— Что ж, нам остается одно, — сказал на это Николас, — лететь и днем и ночью без приземления, благо междуречье меж Онегой и Северной Двиной не шибко-то заселено людьми.

Мы накололи орехов и поели вприкуску с сушеными грибами, вымачивая их в плодово-ягодном вине. Для нас по-прежнему оставалось загадкой, где Николас находит, что бы выпить.

Сумерки сменились ночью, но на высоте, опять же, нам представлялось, будто это мы дрейфуем из полумгли во мглу.

Ближе к утру, еще до восхода солнца, мы заметили на востоке красноватое сияние.

— Промышленная зона Сыктывкара, — пояснил наш вожатый. — Выхода нет, при-

дется проходить над ней. Там есть аэропорт, но будем надеяться, что проскочим незамеченными.

По счастью, шар был слишком мал для радаров, и нас действительно не засекли. А если и засекли, то, скорее всего, приняли за детский воздушный шарик. Или диспетчеры дремали на рабочих местах. Так или иначе, мы миновали радары без особых приключений, хотя местами и наглотались удушливого дыма, да и отблесков плавильных печей навидались немало.

Дул все тот же свежий ветер, когда облака начали понемногу расходиться. Николас поглядел на звезды, что-то прикинул в уме и, довольно хмыкнув, дернул за шнур выпускного клапана. Послышалось шипение, и земля стала приближаться, вначале медленно, затем все быстрее. Когда стали различимы верхушки деревьев, Николас приказал сбросить весь балласт, и шар

вновь было взмыл вверх. Но тут Николас вытравил еще газу, и под пологим углом шар опустился в пойме замерзшей речки, защищенной от наземных ветров высоким берегом.

Наконец ощутив твердую почву под ногами, мы походили взад-вперед, чтобы размяться, и попрыгали. Затем надели лыжи и вновь отправились в путь. В лучасе ходьбы мы заметили домишко, построенный на сосновом пне. У пня стояла лестница. На наш зов из домика показался маленький тролльчонок. И показался он нам куда разумнее Корка Первого,

но, честно сказать, выглядел он каким-то жалким и удрученным.

— Кажется, неполадки... — подметил Николас.

— Порядок — нет, — закачал головой тролль. — Навестить старые знакомые.

— Что сломали?

— Всё. Шар — держать газ нет. Сеть порвать. Корзина украсть. Еду съесть. Меня бить и пинать!

Мы забрались по лестнице вверх — оценить причиненный ущерб. Корк Второй поднял в руках спущенный шар, показывая нам множество дырок.

У смотрителя воздушных шаров (смотроллителя) есть флюгер, который показывает, куда дует ветер, а значит, и куда полетит шар. Кроме того, флюгер составляет смотроллителя компанию, давая тому радостное ощущение близости друга, который и днем и ночью всегда рядом; друга, который всегда готов тебя выслушать и не станет тебя перечить; друга, которому всегда можно сделать ручкой, и он сделает ручкой в ответ; друга, который нуждается в твоей защите от других троллей.

Николас обошел пенек по кругу, озабоченно хмыкая и качая головой, и наконец в ярости поддел ногой порванную сеть.

— Они за все заплатят! — воскликнул он. — Кто это был?

— Дрыг, Брык и Бац. Но они уже далеко.

— Далеко им не уйти, — сказал Николас. — Ты сможешь наладить наш шар? Мы оставили его вверх по ручью, на этой стороне.

Корк Второй скрылся с молниеносностью хищного зверя.

— Выходит, продолжать нам путь на нашем старом шаре, — подытожил Николас, — но на то, чтобы вновь наполнить его газом, уйдет несколько дней.

Мы поужинали остатками грибов и орехов и тут же провалились в дрему. Тем временем Корк Второй успел сбегать за шаром и корзиной и вновь умчаться еще до того, как мы очнулись.

— Ушел на добычу газа, — пояснил Николас, — газ добывают из глубокой расщелины, мы пользуемся ею уж не одну сотню лет.

Засим он отправился на поиски подснежного пропитания. В его отсутствие несколько раз объявлялся Корк с мехами, наподненными газом. По возвращении Николас тут же взялся сооружать земляную печь, в которой по уже знакомому рецепту мы и запекли нарытую им добычу. Потом по лесенке мы забрались в домик, где и провели остаток ночи в беседах

о климате Зауралья и прочих столь же насущных вещах. Перед сном мы зарисовали в книге все, что могли, и заснули уже до утра. Снаружи туда-сюда сновал Корк. Ему приходилось быть осторожным — насколько известно из легенд, один-единственный луч дневного света мог обратить тролля в камень, и проверять правдивость легенд на себе ему как-то не хотелось.

А разбудил нас гордый клич Корка — он стоял на последней ступеньке лестницы.

— Шар готов!

Снаружи было темно, хоть глаз выколи. Корк протянул Николасу большой куль. Тот заглянул внутрь и воскликнул:

— Вот это да! Лесные орехи! Откуда?

— Далеко ходить, — ответил Корк. — Издалека приносить! Для Николаса.

— Хороший тролль, — похвалил его Николас. — Большое тебе спасибо.

Все вместе мы стали на лыжи и отправились за ягелем — Николас наконец показал нам, как искать его под снегом. Часа через полтора мы вернулись. Николас еще раз похвалил Корка:

— Я очень тебе признателен. Ты поработал на славу.

Корк отчаянно зарделся и в смущении принялся потирать нос о правое плечо.

Вскоре наша корзина воспарила над деревьями. Ветер подхватил ее и понес под углом на восток, а затем мы попали в попутный поток и поплыли на высоте двести пятьдесят метров над волнами простирающегося за горизонт леса.

До вечера мы проделали путь в сто девяносто верст; ветер усилился, похолодало. Еще девяносто верст мы одолели в полтора раза быстрее. Ледяной воздух резал глаза, на усах и бороде выросли сосульки. Николас тревожно поглядывал на небо.

— Надвигается буря, — сказал он. — Но пока можно, будем держать ветер.

Резкие порывы ветра нещадно раскачивали корзину взад-вперед. От скоро-

сти, с которой мы неслись, захватывало дух. Николас заставил нас скинуть балласт в надежде на то, что на большей высоте порывы ветра будут не так ощутимы. По счастью, он оказался прав.

По мере того как ветер крепчал, все мимолетнее становился под ногами пейзаж. Теперь, чтобы тебя слышали, приходилось орать во всю глотку; как люди, не привыкшие повышать голос, мы чувствовали большую неловкость. Зато от лихой езды захватывало дух. Николас оставался спокоен.

К утру небо посерело, затем пожелтело. Холод пронизывал насквозь. От усталости трудно было пошевелить и пальцем. Шквальный ветер достиг ураганной силы. И тут, сквозь свист в ушах, донесся голос Николаса:

— Ветер сменился. Нас сносит на север. Будем садиться.

Чустно признаться, мы вздохнули с облегчением. Вновь оказаться на твердой земле среди стойких к невзгодам деревьев или в уютной пещерке среди скал представлялось нам посреди бурного неба пределом мечтаний. И вот Николас дернул за шнур, и... ровным счетом ничего не произошло. Клапан замерз. Тут уж мы разом кинулись к бечеве, поднатужились — и что же? — все впустую. А ураган тем временем разыгрался не на шутку: наш шарик швыряло из стороны в сторону и тащило все выше и выше. Николас

выбрался из корзины и вскарабкался по вантам к клапану.

— Примерз наглухо, — прокричал он по возвращении. — Ничего не поделаешь. Остается ждать.

Следующие двенадцать часов мы провели в оцепенении. Наступил рассвет, но за свинцовыми тучами мы этого даже не заметили. А вот изморозь сменилась ледяной крупкой, а леса — бескрайними равнинами. Должно быть, нас и впрямь занесло далеко на север. Руки и ноги немели от холода; единственным спасением оказались орехи и настой, коими нас обеспечил Корк Второй. От постоянной болтанки и всех тревожных полетов мы окончательно выбились из сил. Таким образом мы пролетели ни много ни мало, а верст девятьсот в сторону Северного Ледовитого океана, когда ураган стал утихать. Внезапно злоешие черные тучи разразились вначале грозой, а затем градом, причем каждая градина была размером с кулак. Большинство градин принимал на себя шар, но некоторые залетали и в корзину — удар такой градины для гнома сопоставим с попаданием кирпича в человека. Но и нашему шару приходилось несладко: прямое попадание градины было для него что удар кузнечного молота. Тут Николас оттопырил «уши» своего

колпака-ушанки. Но и без этого мы тоже слышали шипение. Он указал пальцем на шар и крикнул:

— Пробоина!

Туго надутый шар не выдержал бомбардировки градом. Мы стали стремительно терять высоту. Твердая земля, о которой мы мечтали каких-нибудь двенадцать часов назад, угрожающе приближалась под углом. Встречу с мечтой теперь хотелось отложить на потом. Мы врезались в землю, подняв облако снежной пыли, и корзина вновь полетела вверх. После нескольких таких приземлений среди снежной равнины шар наконец замер у самого берега Северного Ледовитого океана. Когда прекратился град, мы и не заметили. Мы выбрались из корзины, изможденные и окоченевшие.

— Здесь оставаться нельзя, — сказал Николас. — Нужно добраться до во-о-н тех снежных вершин по другую сторону равнины — там, по крайней мере, мы сможем построить йгду, а если повезет, то и найти берлогу белого медведя. А сейчас нужно быстро накопать грязи. В прибрежной полосе грунт не слишком глубоко под льдом. — С этими словами он принялся выдалбливать в сплошном ледяном поле квадрат. — Мы приладим его позади корзины. Так мы сможем рулить.

Мы дружно взялись за работу, и вскоре под подметровым слоем наледи показала земля.

На эскимосский манер Николас нанес слой грязи на скользящую поверхность лыж, дал ей застыть и снова намочил. Затем отполировал до блеска лезвием ножа. Под его присмотром мы приладили лыжи к днищу корзины, а сам он прицепил сзади ледяной куб. После чего шар был сложен, мы забрались в корзину и, помогая себе лыжными палками, придали ей начальное ускорение.

Затем корзину подхватил ветер. Провит этим транспортным средством нам помогал ледяной блок, который мы переносили то вправо, то влево. Нам подумалось, что худшее уже позади.

Корзина легко скользила среди ледяных просторов, что было приятно само по себе, хотя нас и обуревали сомнения, что из такого далека мы хоть когда-нибудь сможем вернуться домой, в Голландию. После трех часов ходу мы достигли ледяной гряды по другую сторону устья замерзшей реки. Берлоги белого медведя, на которую уповал Николас, там не оказалось.

— Что ж, придется строить иглу, — сказал он.

Постройка иглу: во льду с помощью снежной пилы вырезают клиновидные блоки. Блоки укладываются по спирали, образуя купол. Строительство ведется изнутри. Последним укладывается верхний блок, в котором пробивают воздуховод. В последнюю очередь прорубается низкий лаз, что ведет наружу, над которым ставится крыша. Правильно возведенное иглу ни за что не упадет; осадка же, например в результате подтаивания, делает его только крепче. Стыки заделываются дополнительно тем же снегом.

Когда иглу было готово, мы втащили шар внутрь и расстелили на полу, а сами завернулись в его края наподобие одеяла. Дров не было, так что ужинать нам пришлось всыромятку — сырым оленьим мхом. Единственная мысль, что занимала наши головы, была мысль о нашем бедственном положении. Мы были укрыты от непогоды, но оставались в укрытии бесконечно мы не могли. Все долго молчали, включая Николаса. Наконец он сказал:

— Первым делом нужно выспаться. Потом я отправлюсь за помощью... один!

— А как же мы? Что мы будем делать без вас?

— Пока вы здесь, вы в безопасности. Жажда можно утолить снегом — наберите снег в рот и подождите, пока он растает. От голода вас спасут остатки орехов и мха. Вернусь я дня через три-четыре. В одиночку всё быстрее. Да, и на всякий случай оставляю вам свой лечебный настой.

— А вы?!

Огромной ручищей он похлопал себя по животу и рассмеялся:

— А что я? На одном снегу и орехах я могу продержаться несколько дней.

Мы грустно смотрели Николасу вслед, когда в поддень он отправился в путь, одновременно понимая, что если кто-то и дойдет, то это он — уже само строение его тела позволяло ему совершать то, что мы бы назвали подвигом выносливости. Несколько часов сидения в йглу — и одиночество стало невыносимым. Нужно было срочно чем-то заняться, и ничего лучше, чем выйти наружу пройтись на лыжах, мы не придумали. Пока в поле нашего зрения оставался ледяной утес, потеряться было невозможно. Ветра не было, а поскольку мы двигались, нам было тепло, хоть и одежды мы были совсем не по погоде. В окружающем пейзаже ничто подолгу не задерживало взгляд. Когда мы проголодались, то подкрепились орешками. Быть может, нам посчастливится и мы увидим воспетое многими северное сияние? По слу-

хам, оно переливается всеми оттенками зеленого и фиолетового, но судить о том нам пока что оставалось по слухам. Зато что нас и впрямь поразило, так это расстояние, на которых доносится даже самый слабый звук.

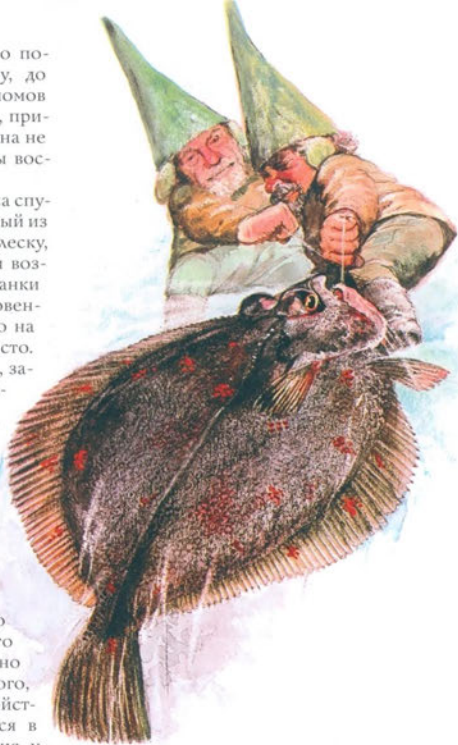
Внезапно среди снегов мы заметили две точки, одну побольше, другую поменьше. Приблизившись, мы увидели, что то были тюлениха с тюлененком; они только-только выползли на лед из проруби. А что, если нам повезет выклянчить у них рыбку? Быть может, гномы и вегетарианцы, но к нам-то это не относится. Да и кто знает, когда вернется Николай? В любом случае, рассудили мы, рыбка пришлась бы как нельзя более кстати к нашему постному столу.

Тюлени нас не испугались — должно быть, мы выглядели достаточно гномообразно, — они попросту устались на нас немигающим взглядом. Малыш вызывал умиление. Когда мы спросили мать, не сможет ли она поймать нам рыбку, она

промолчала в ответ, глядя куда-то поверх наших голов. По-видимому, до сих пор подобных просьб от гномов ей слышать не доводилось. Что ж, придется ловить рыбу самим. Благо, она не возражала против того, чтобы мы воспользовались ее прорубью.

Мы вернулись к проруби два часа спустя; с собой мы несли крюк, загнутый из зубца пряжки поясного ремня, и леску, что нам удалось выпутать из сети воздушного шара. В качестве приманки мы решили использовать обыкновенный лесной орех, но насадить его на крючок оказалось не так-то просто. Орех пришлось вначале пожевать, затем облепить вокруг крючка и подождать, пока он схватится морозом. И только после этого мы осторожно опустили нашу приманку в воду и стали вытравливать леску. К тому часу наших знакомых тюленей уж и след простыл. Не имея поплавка, мы просто следили за натяжением лески, подергивая ее всякий раз, когда натяжение менялось. Но все было напрасно: то ли рыба отправилась на боковую, то ли напротив — вся ушла погулять, но клева не было и в помине. Хуже того, приманка обнаружила такое свойство, как способность растворяться в воде. За несколько часов сидения у проруби мы сменили ее несколько раз, всякий раз ощущая, как все больше «дубеют» пальцы. Зато вернулись тюлени — они внезапно появлялись из-под воды то в нашей проруби, то в соседней, что тоже не могло не сказаться на результатах рыбалки, причем не самым лучшим образом.

Час пролетал за часом, а мы все сидели и сидели у проруби, уже ни на что и не надеясь, когда леску внезапно повело. Мы разом всполошились и ухватились за леску всеми четырьмя руками. Рыба обещала быть крупной. При вываживании такой рыбы важно не спешить; бывалые рыбаки знают, что иногда лучше отпустить леску и постепенно вымотать рыбу, чем пытаться ее подсечь. Так мы и поступили — даже с оглядкой на то, что в любое мгновение рыба могла просто-напросто разогнуть самодельный крючок и уйти как ни в чем

не бывало. Но нам повезло: мы вытащили на лед огромную, на наш взгляд, камбаду — сантиметров восемнадцать от головы до хвоста. Еды — на целую неделю. С гордостью за себя и друг за друга мы похлопали друг друга по спине. Камбаду, чтобы не мучилась, мы прикончили сразу же у воды и, перехватив сподручнее леску, поволокли ее к нашему йглу. Надо льдами сгустилась вечерняя дымка, но наш утес мы все еще не теряли из виду.

В какой-то момент мы разом оглянулись, и у нас похолодело внутри — нам привиделось, будто по нашим следам бредет страшное чудовище. Величиною что твой слон, оно заматало следы огромным пушистым хвостом. В ощеренной пасти мерещились чудовищные клыки. Оно было уже совсем рядом и, казалось, готово было вот-вот напасть. Обезумев от страха,

мы что было сил ринулись к нашему утесу в надежде забиться в какую-нибудь щель. Гигантскими прыжками зверь пронесся следом. Одно непонятно — почему он до сих пор на нас не напал? Мы бросили нашу добычу и, вскарабкавшись выше, укрылись за выступом утеса. Большая глыба льда откололась позади нас и с оглушительным треском обрушилась вниз — и в тот же миг чудище исчезло. Озирая ледяную равнину, неподалеку мы увидели песца, что потихоньку трусил в нашем направлении. Он явно шел на запах рыбы, уткнувшись носом в снежный след. Не медля ни минуты, мы спустились вниз и встали на защиту нашей рыбы. Подбежав, песец поднял голову и повел носом по ветру. Поглядел на рыбину, затем перевел

недоверчивый взгляд на нас, но рыбу не тронул.

Мы и песец простояли друг напротив друга долгую минуту. Наконец он попятился и потрусил прочь. А мы вновь взяли за леску и поволокли наш будущий то ли завтрак, то ли обед к родному иглу. Там мы надежно упрятали его под перевернутой корзиной. Затем забрались внутрь, съели по половинке ореха и провалились в глубокий сон.

Под вечер мы проснулись и ползком выбрались из иглу. Нашу камбалу никто не тронул — целая и невредимая она лежала там же, где мы ее оставили. Похоже, других песцов или белых медведей в округе не было. Каждый из нас оттаял по большому куску замерзшей рыбины и затянул в иглу. Ну, что сказать: свежемороженая камбала — сущий деликатес. Запивая камбалу домашней настойкой, мы проглотили ее столько, что снова провалились в сон.

На следующий день мы, не сговариваясь, отправились на лыжную прогулку размяться, а заодно — избавиться от головной боли.

Следующий день ничем не отличался от предыдущего. Минуло без малого трое суток с тех пор, как ушел Николас, но на мороженой камбале мы вполне могли протянуть еще неделю. На улице было холодно и стоял туман, по временам сыпала крупка, что секла лицо острыми краями.

В один из таких дней мы в очередной раз вышли на лыжную прогулку, когда вдруг узрели нечто такое, отчего замерли как вкопанные: в тумане навстречу нам по льду скользил невиданной величины Санта-Клаус. Как и виденное накануне чудище, казалось, он вырастал прямо перед нами, однако ни скрипа лыж, ни любого иного звука до нас не долетало, и за все то время, пока мы следили за ним, он не продвинулся вперед ни на шаг. Без оглядки мы бросились обратно к иглу, а когда на пороге все же обернулись, его и след пропал. Туман рассеяло порывом ветра, и снежная равнина была видна как на ладо-

ни. Вдали мы заметили маленькую точку, что росла и росла, а спустя четверть часа мы признали в ней Николаса. В руках у него был объемистый тюк. Мы бросились к нему, заключили его в объятия и, перебивая друг друга, рассказали о страшном чудище и огромном Санта-Клаусе. Но он лишь рассмеялся:

— Здесь такие не водятся, а видели вы просто песка и меня, и никого более. Неужто вы не слышали о таком оптическом явлении, как предомление света? При определенной влажности в здешних местах самые малые предметы на горизонте вырастают до невероятных размеров — мираж, только и всего. Да, а ведь у меня хорошая новость: всего в полтора днях ходьбы отсюда есть поселение запоярных гномов. Добраться до них нужно как можно быстрее — вновь приближается буран. Берем с собой только то, что сможем унести. А сейчас вам лучше переодеться — наши северные братья поделились подходящей одеждой.

В тюке, что он принес с собой, оказались унты из тюленей шкуры (между внутренней и внешней подошвой которых прокладывается тонкий слой сухой травы), вязаные носки из заячьей шерсти, фуфайка, подбитая птичьим пухом, и две пары сверкающих белизной теплых штанов из дубленой заячьей шкуры, что нуж-

но было заправлять в унты. Поверх всего этого надевалась парка (свободная куртка с капюшоном, в нашем случае — остроконечным, чтобы помещался колпачок), а руки можно было держать в теплых рукавицах на козьем меху. Мы решили, что одеты по-царски.

— А перед дорогой не мешало бы поспать. И то сказать, устал я, пока дошел.

Мы забрались в иглу, сообразили обед из камбалы с орехами и «хлопнули по маленькой» за воссоединение нашей маленькой экспедиции среди ледяной пустыни. После чего Николас рухнул и заснул крепким сном, и проспал так пять часов кряду. Едва открыв глаза, он поднял нас со словами «Пора!».

Поначалу наш путь пролегал вдоль ледянной гряды, преодолев которую через седловину мы вышли на бескрайнюю снежную равнину. Из-за голого льда и тысяч незаметных расселин передвигаться по ней на лыжах было почти невозможно. Николас, подобно лайкам, собакам с Севера, чуял скрытые под снегом расселины (там, где мы и заподозрить их не могли), а для того, чтобы их обойти, приходилось чуть ли не возвращаться обратно. Намерзшая на лыжах грязь отпала, и лыжи стали разезжаться. Прошло немало времени, прежде чем местность пошла под уклон и мы оказались на более-менее гладком льду, по которому были разбросаны снежные островки.

В основе бытующей у многих народов веры в Санта-Клауса лежит такое оптическое явление, как преломление света: в особых погодных условиях (снеговые облака, ветрено и морозно) люди могли заметить у горизонта самого обычного гнома, который в результате преломления света вырастал до сказочных размеров.

На привале мы спросили у Николаса:

— Откуда северные гномы берут меха? Ведь гномы, насколько нам известно, не убивают животных и не едят ни рыбы, ни мяса?

— В здешних краях — едят, а в быту используют шкуры, — ответил он, — но животных гномы действительно не убивают. Все, что необходимо, они берут у запасливых песцов. Те обычно не возражают, поскольку гномам и нужно-то немного.

Двенадцать часов спустя мы добрались до новой ледяной гряды. Вдали уже виднелись йглу. Из них выпорхнула стайка одетых в меха фигурок, что заскользили нам навстречу. Северные гномы приветствовали нас радостным улюлюканьем, едва не сбили с ног и не задушили в объятиях. Как принято у них при дружеской встрече, мы потерялись с ними носами. После объятий и носопотираний мы было сунулись в йглу, но в руки нам вложили сунули нож, вроде

тех, коими в приличных домах вскрывают конверты, — тщательно стряхнуть с себя снег, чтобы тот не растаял внутри и вновь не замерз снаружи: это чревато последствиями.

На рисунке: йглу северного гнома в сопоставлении с северным homo sapiens.

Чистка одежды обычно занимает не-
мало времени, особенно если по дороге
гость попал в метель, но вместе с тем
гость как бы предупреждает о своем
прибытии, давая хозяевам время под-
готовиться к встрече, что является
неотъемлемой частью хороших манер.

Своей конической формой гномий кол-
пачок обязан отталкивающим свойствам
оной: что бы ни упало на гнома сверху,
будь то снежок или шишка, отскакивает,
не причинив тому вреда.

Сквозь лаз мы протиснулись в йглу. Чьи-то умелые ручки помогли нам стянуть наши парки. Оглядевшись, мы поняли, что находимся в главном йглу, вокруг которого построены остальные. Как выяснилось, остальные йглу соединены с главным ледяными переходами, чтобы обитатели могли общаться друг с другом, не выходя на улицу.

Не успели мы забраться в укрытие, как разбушевался предсказанный Николасом буран. Зато внутри йглу вовсю дымил костер. А вот что нас ошарашило, так это то, что те немногие женщины, что находились в йглу, были одеты лишь в короткие панталончики и войлочные бурки, но, похоже, здесь это считалось в порядке вещей. Мужчины — те и вовсе ходили по йглу без панталон. Кстати, двое из них притащили откуда-то замерзшую кроличью ногу и взялись разделять ее здесь

же на разделочном помосте. Судя по всему, в нашу честь готовилась вечеринка. В одних горшках тушилась крольчатина, в других — томилась тюленина.

Все северяне были ростом еще ниже нашего. У всех были черные, как уголь, глаза и черные, как воронье крыло, лоснящиеся волосы. Лица — широкоскулые и овальные. При этом с женских лиц не сходила улыбка — они и еду готовили с улыбкой, ловко орудуя изящными маленькими пальчиками.

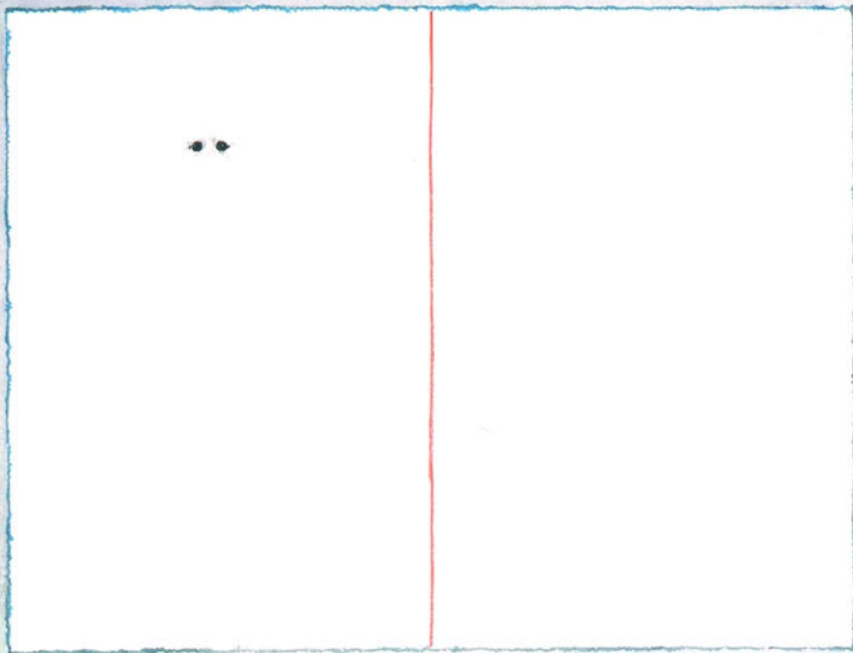
Большое йглу, судя по всему, служило местом собраний, совместного угощения и танцев, в то время как собственный уголок у каждого был в своем, маленьком, йглу.

— Пока готовится ужин, — сказал Николас, — давайте-ка я поведаю вам главные правила выживания в северных краях, а то мало ли что...

1. Вода важнее, чем еда. Всегда.
2. Когда мороз — пусть дышит нос, а не рот. Вот.
3. Сон, конечно, важен, но если очень надо, то можно обойтись без сна — до пяти дней кряду.
4. Когда перед тобою долгий путь, ты правило простое не забудь: в путь-дорогу пора либо с вечера, либо с утра.
5. Твой злейший враг — страх. Кто духом пал — пропал. Холод, голод, жажда, зной и кровопотерю может вынести любой, кто в себе уверен. Пройти дорогой дальнею сквозь долгой ночи тьму по силам сердцу храброму и трезвому уму. Кто сам не свой от страха, кто спрятался за куст, тот силы зря потратил, сидит он дома пусть. На чашах весов, что определяют успех или неудачу, паника всегда падает на чашу с неудачей. В любом, даже самом безвыходном, положении не теряй головы.
6. Перед тем как делать дело, приглядишься ли ты к себе: дело ль делать это дело, коли сам ты так себе? Что движет тобой: отвага или кураж, расчет или страх; от кого ты требуешь больше, от других или себя самого? Все это мелочи на первый взгляд, но мелочи о многом говорят...
7. Где скрипучие морозы и всегда снега, ни твари нет, ни хвори нет страшнее, чем цинга. Хвойный отвар из тайги убережет от цинги. Но сразу отвара не пей до отвала, а пей каждый день, как бы ни было лень.
8. Случится зимой тебе стать на ночлег, запомни: спасает от холода снег. Понаблюдай-ка, как ведет себя лайка: она зарывается в снег с головой по самый свой нос, а нос прикрывает пушистым хвостом — и не страшен лайке мороз.
9. Первый признак обморожения — онемение. Обмороженный участок тела заметно сереет, желтеет или белеет. Не вздумай его растирать — только кожу сдерешь! Отогревать руки лучше под мышками или в теплой воде.
10. Помогут вам не заблудиться в тундре облака и птицы:
облака над водой — темно-серые,
над снегами и льдом — снежно-белые,
в море птица спозаранку — вылетела на рыбалку,
к ночи птица над водой — птица держит путь домой
(имеются в виду чайка, тупик и древесный гончар).

— Все эти правила, только иными словами, изложены и в «Книге тайн», — сказал Николас. И даже ткнул в них пальцем, а потом перевернул страницы, и мы увидели следующее: семейство йети и гномов из разных заморских мест.

Йети, вид спереди

Йети, вид сзади

*На рис.: единственные достоверные
изображения йети, или
снежного человека*

*(от которых он, правда, открывается,
показывая себя великим мастером в искусстве
оставаться невидимым для других).*

*На развороте он изображен с неестественной
правдоподобностью.*

йети

Следующий рисунок
показывает сравнительные
размеры:

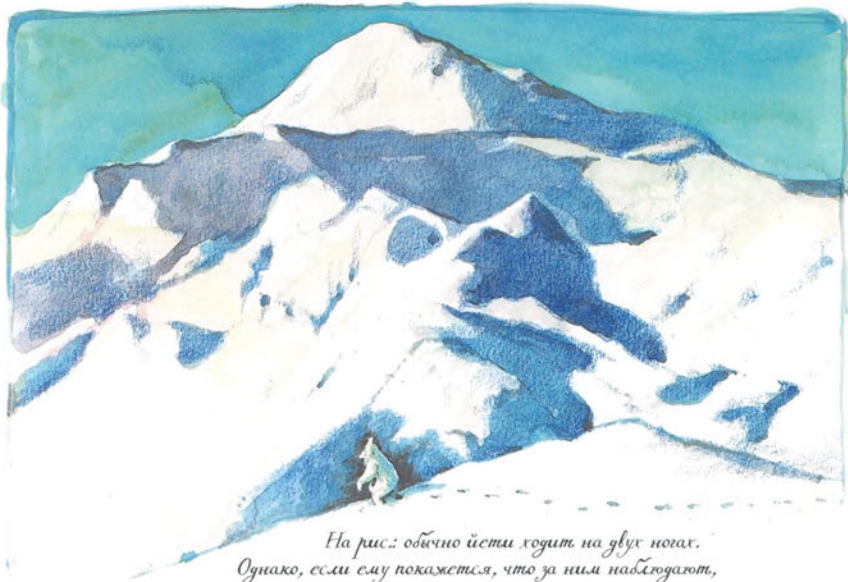
Homo sapiens

гнома

Даже при том, что грудного молока у нее
в избытке, йетиха, или снежная баба,
поровнит поскорее пригнать йетят
(они же - «снежные дети») к излюбленным
йетским сладостям, точнее, леденцам
и мороженостям: эскиммо на палочке,
вернее, снежку на сосульке,
мороженому-пашир (из чистого снега
с вершины Памира), альпийскому рожку
(конусовидной сосульке, сбитой со скалы
высоко в горах) и другим изысканным
лакомствам.

На рис.: обычно йети ходит на двух ногах.
Однако, если ему покажется, что за ним наблюдают,
он тут же опускается на все четыре.

Вот почему путешественники
по Заполярью и Гималаям долгое
время принимали йети за белого медведя.
По гласу замерзших озер он скалзит
со скоростью, практически неумовной
для человеческого глаза.

Гномы из прочих земель

Такой знаток индейской Америки, как Карл Май*, не мог не встречаться с индейскими гномами, однако ни в одном его романе мы не нашли даже вскользь упоминутой ссылки.

Полярный гном, вождь общины, при температуре минус 76 градусов по Фаренгейту.

К несчастью, платяная вошь (*Pediculus vestimenti*) тоже выдерживает низкие температуры, а головная вошь (*Pediculus humanus capitis*) — та и вовсе чувствует себя как дома.

* Карл Фридрих Май (1842—1912) — немецкий писатель, автор знаменитых приключенческих романов о Диком Западе. Любопытно, что в самой Америке писатель побывал лишь однажды, в 1908 г., но не западнее г.Баффало. — Примеч. пер.

Шотландский, или озерный, гном (он же гном-горец, известный своим долгожительством) от сырости и ревматизма спасается старым дедовским способом — виски. Весьма дружен с Несси*.

Балийские, или рисовые, гномы разнообразят птичий хор островов «изумрудного пояса» своими танцами под аккомпанемент гамелана**.

Убеленный сединами китайский гном-кули живет на двух зернышках риса в день.

Прошло уже много месяцев с тех пор, как он в последний раз ел эт-ролл***.

* Возможно, поэтому вопрос о том, кто такая Несси — миф или реальность, — перед ним не стоит. — Примеч. пер.

** Гамелан — традиционный оркестр ударных инструментов в Индонезии, а также особый тип музицирования. Прототипы гамелана известны уже с III—I века до н.э. В классический инструментальный состав гамелана, сложившийся к XIV—XV вв., входят: различные гонги, гонговые установки, металлофоны, ксилофоны, барабаны; а также флейты, струнные щипковые инструменты (ребаб, цитра) и др. — Примеч. пер.

*** Эт-ролл — блюдо азиатской кухни: обжаренные в масле, завернутые в тонкое тесто мелко нарезанные предварительно обжаренные с яйцом овощи (в основном капуста). — Примеч. пер.

Перуанский гном в теплом пончо среди ледяного холода высокогорья.

Своим теплым пончо он обманяет или выжидает.

В солнечной Австралии живут загорелые сумчатые гномы, что пользовались бумерангом задолго до местных аборигенов, используя его для сбивания съедобных ягод с такой редкой в здешней пустыне растительности, как кусты. Австралийская гномиха одновременно производит на свет лишь одного младенца, которого вынашивает в сумочке, откуда и название «сумчатые гномы».

Бушменские гномы наловчились сбивать с деревьев плоды с помощью лука и трезубцев стрел. Поскольку натянуть такой лук стоя у гнома руки короткие, он приспособился натягивать его в лежачем положении.

Бушменские гномы встречаются в Африке повсеместно.

У сирийских гномов тысячелетиями было заведено
держатъ золотистых хомячков в качестве домашних
хлебницы.

В Западной Европе эти животные стали
известны лишь в 1931 году.

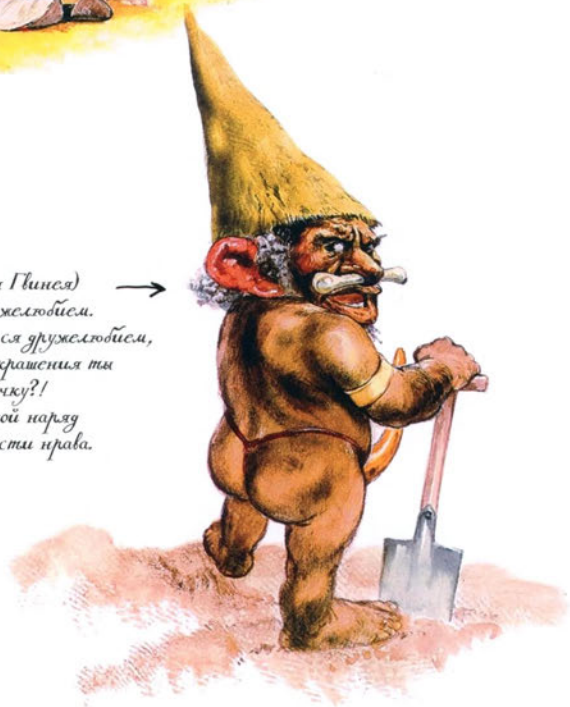
Необычайную красоту
сирийских гномов
от стороннего глаза
скрывает паранджа.

Папуасский гном (Новая Гвинея)

не славится своим дружелюбием.

А как можно славиться дружелюбием,
если в носу в качестве украшения ты
вынужден носить косточку?!

Да и весь остальной наряд
не способствует кротости нрава.

Ортодоксальный
еврейский гном

на прогулке

с арабскими собратьями после прений
по поводу законности «апельсинового
гешефта», даром что сам предмет
спора давно уж оприходован —
ошкурен и съеден.

Греческий (греческий)
гном — очень крепкий
орешек: пропустив
стаканчик узо*
под закуску
Στραπάκι αυγολίτοπο
(шпинат под личным соусом),
он не падает, сморенный сном,
а напротив — пускается в пляс.
Излюбленная его танцеса
является сиртаки.

Тирольский гном легко узнаваем: если он не молчит,
то поет йодль, а на колаччке носит пышный плюмаж,
который на зиму приходится снимать; из-под коротких
кожаных штанишек (Lederhosen) у тирольского гнома
выглядывают натруженные колени.

* Узо — греческий ликер на анисовой основе. —
Примеч. пер.

Только буди от родной Голландии открылись нам незнатные
в повседневной жизни красоты родной стороны.

Проказница
из Валена.

Привлекательная своей
застенчивостью
малодка из Станхорста.
Музыковеды отметили,
что в ее песнях
преобладают семибравис,
но нас это не смущает.

Веселые кумушки
из провинции
Зеландия.

Красотка из Снакенбурга.

Буншотен, из-за близости
моря слегка отдают
рыбой, но тут уж
ничего не попишешь.

* В XIII веке теоретиками музыки были заложены основы мензуральной системы. В целом она сводилась к следующему: крупнейшей нотной единицей музыкального времени стала максима, которая делилась на лонги. Соотношение максимы и лонги называлось модусом. Совершенным модусом тогда признавали трехдольное деление (максима делилась на три лонги). Лонга, в свою очередь, разделилась на три брависа, их соотношение определялось как темпус. Бравис далее делилась на семибравис — их соотношение называлось пролатио. — *Примеч. пер.*

(путешествие продолжается)

Когда наконец все уселись в круг и уж совсем было собрались приступить к ужину, слово взял самый старый гном. Обращаясь к нам, он выразил надежду, что мы, дескать, не очень-то и голодны, поскольку и мясо-де не из тех, что не стыдно поставить перед гостями, и собаки-де, может, от того мяса воротили бы нос. На что Николас, как человек, подкованный в здешних обычаях, тут же согласился, что и мы, однако, вовсе не голодны, да и вообще, заскочили, однако, на минутку посидеть за компанию. На что старый гном в свою очередь отрезал себе кусок мяса, попробовал, задумчиво пожевал и молвил:

— Так, как я и предполагал: мясо, однако, уже с душком, да и недопереварено как-то — никак не решаюсь предложить его вам.

Не успел он сказать свое веское слово, как все дружно набросились на еду. Полночь огласилась чавканьем, и, согласиться, было от чего: тушеные заячьи ножки, филе дикой утки и тюленья вырезка заслуживали наивысшей похвалы, но уж никак

не вьедливой критики, коей подверг угощение старец. Но уж таков был здешний обычай. К концу ужина мы измазались жиром с головы до пят, а уж облопались так, что и слова не могли сказать. Впрочем, нас потчевали не только ужином, но и бывальщинами из жизни среди льдов и снегов, и к концу вечера мы переполнились не только едой, но и уважением к бесстрашным и жизнелюбивым северным гномам, что наипервейшим своим долгом почитали гостеприимство.

Говоря о гостеприимстве, нельзя не упомянуть и такой местный обычай. Мы уже обратили внимание на то, что в йглу было принято ходить нагишом. Так вот, сменное белье, что принес нам Николас, как оказалось, фасоном не отличалось от местного. В этом белье, вернее — дезабилье, и пришлось отправиться спать. Каждому из нас выделили по отдельному йглу. Впрочем, не совсем отдельному: каждого из нас в йглу уже поджидала прекрасная гномочка — такова была еще одна сторона местного гостеприимства, пренебречь каковой означало бы уязвить радушных хозяев в их лучших чувствах. Допустить такого мы не могли.

Когда мы проснулись, снаружи все еще бушевал буран. Нас уверили, что такой буран не уляжется еще дня три-четыре, так что собираться в дорогу нам пока рано. Эти дни пролетели для нас незаметно: мы слушали местные сказки, вели заметки и наблюдали за тем, как заполярные гномы ведут свое хозяйство. Любимой местной забавой был *сморбот*, такой кругляшок с дырочками, вроде пуговицы, сквозь которые продеты два шнура. Если его запустить, он крутится до тех пор, пока натягиваешь и отпускаешь шнур.

Чрезвычайно познавательно было наблюдать за тем, как женщины выделывают шкуры, для каковой цели используют нож-скребок с ручкой посередине. А вот дубление производилось старым дедовским способом — шкуру просто-напросто жевали. Отдельные куски шкуры сшивались — безо всякой выкройки и лекала — костяной иглой. Нитью служили кусочки располосованной моржовой шкуры. Удивительно то, что на готовой одежде после выравнивания меха шов совершенно незаметен, а уж сама парка сидит как влитая. Работа с иглой требует высочайшего мастерства, поскольку *худо* придется тому гному, чья парка вдруг *прохудится* на морозе.

В годину бурана мы были заняты тем, что вчитывались в их «Книгу тайн» и старательно корпели над своей. На третий день буран начал стихать. А четвертый день выдался совсем погожим. Мы наконец-то вышли на свежий морозный воздух. И тут нам повезло: вечернее небо было расцвечено синими, бордовыми и фиолето-

выми разводами, что ближе к горизонту сливались с желтыми, зелеными и нежно-пурпурными мазками. Таким мы увидели северное сияние (*aurora borealis*). А происходит оно потому, что электроны и протоны, испускаемые солнцем, сталкиваются с молекулами кислорода и азота в верхних слоях земной атмосферы, а мы наблюдаем ответ такой «бомбардировки».

Как замороженные, мы смотрели на северное сияние во все глаза, а когда обернулись, то оказалось, что все гномы почему-то смотрят в другую сторону. Мы тоже поглядели туда, но ничего не заметили. А Николас лишь рассмеялся:

— Вот кто подбросит нас до Корка Третьего.

Мы вопрошающе посмотрели на него.

— Да вы не туда смотрите, — сказал он и махнул рукой в правильном направлении. — Ну-ка, повнимательней!

Мы устали в указанном направлении. Когда, как нам показалось, мы уже рассмотрели все глаза, то заметили какую-то смутную тень.

— Вот именно, — кивнул Николас, — это йети.

— Но ведь йети должны жить в Гималаях! — воскликнули мы хором.

— Ну так уж и «должны», — возразил Николас. — В мире гораздо больше йети, чем полагает человек. Но йети обходят человека десятой дорогой, а кроме того, уж если йети не захочет, чтобы его заметили, то и не всякий зверь его учует, а уж человеку его не узреть и подавно.

На этих словах к нам подошел старейшина местных гномов.

— Быть может, вам удастся уговорить йети подкинуть нас до Корка Третьего? — спросил Николас.

Мы встали на лыжи и помчались вдогонку едва видимой тени. Через полчаса мы были на месте.

Собственно, на месте был йети — видимо, он тоже заметил нас и решил подождать. Старый гном поклонился ему и сказал:

— Добрый вечер, Зеро. Давно не виделись. Как поживает Фригида? Как маленький Пломбиренок?

Белая гора помолчала, смерив нас позырительным взглядом.

— Двое из вас уж больно похожи на людей, — наконец донесся с высоты низкий утробный голос. — Вы можете поручиться, что они не выведут других людей на мой след?

— За этих двоих я ручаюсь обеими руками, — сложив ладошки рупором, прокричал северный гном, а Николас шепнул нам на ухо:

— Эти йети просто йетский сад: с раннего йетства у них всего одна страшилка, и эта страшилка — человек.

Через четверть часа мы сошлись на том, что йети берется подкинуть нас на Алтай, всего каких-то семьсот верст с гаком. Выходить он собирался следующим вечером.

— И вот еще что, — добавил он. — Оно, конечно, вы хоть и гномы, но мне все равно бы не хотелось, чтобы вы видели, каким путем я буду идти. У меня дома заваялось старое одеяльце, так что, пожалуй, я понесу вас в нем.

Свое слово он сдержал. На следующий вечер он объявился у стойбища с одеялом весьма странного вида, в серо-бурых тонах. Пока он расстилал его на льду, мы прощались с нашими новыми друзьями, понимая, что это надолго. От прощания всех отвлек Николас — приглядевшись к одеялу, он заметил, что оно ему смутно знакомо.

— Да этому одеялу уже лет сто, не меньше, — попытался развеять его сомнения йети, — я его подобрал по дороге домой на Северном Тибете, когда возвращался из гостей, от моих гималайских племянника и племянницы.

— Вот вам и ключ к давней загадке, — вздохнул Николас. — Это одеяло из снаряжения экспедиции Николая Пржевальского. Выходит, он и в самом деле побывал на Северном Тибете. Но об этом я расскажу вам уже по дороге.

Зеро посадил нас в центр одеяла, а концы одеяла собрал в кулак так, что мы оказались как бы на дне мешка. Нам стало страшно.

— Бояться нам нечего, — подметил наши страхи Николас. — Йети, так сказать, человек надежный.

Темень на дне мешка была такая, что хоть глаз выколи, к тому же в нем стоял устойчивый запах, причем, если верить йети, столетний. В остальном же путешествие протекало нормально и, судя по колытанию мешка, довольно бойко.

— Так вот, возвращаясь к Пржевальскому... — напомнил Николас. — Аккурат в ноябре тысяча восемьсот семьдесят первого года я как раз наблюдал, как он пересекал границу Монголии со стороны Хянтэ, в Бурятии. Ну, что о нем сказать — мужик был крепкий, но своенравный, а передвигалась экспедиция на

верблюдах. На переход через Монголию со всеми остановками и зимовками у них ушло ни много ни мало три года. В конце концов он добрался до Северного Тибета. Верблюды пали один за другим. Однажды ночью, когда Пржевальский размышлял о том, как быть дальше, я, ночевавший у него в палатке, предложил продолжить путь на яках. Як — животное, к горам привычное. Он может подниматься на высоту до шести тысяч метров, при этом нести поклажу до двадцати килограммов веса и двигаться по таким горным тропам над пропастью, ходить по которым, кроме самого яка, отваживаются лишь горные козлы и бараны, а в тех местах, заметьте, оступиться означает неминуемую смерть. Но дельному совету Пржевальский не внял — просто-напросто закончились средства, выделенные на экспедицию. Тем не менее он открыл дикую лошадь, впоследствии названную его именем, а также дикого верблюда. А вот одеяло он, кажется, потерял по дороге. Кстати, путешествовать завернутым в одеяло мне еще не приходилось. Обычно гномы путешествуют иначе.

Дикий як обитает на высоте до шести тысяч метров. Бык может весить до тысячи килограммов, корова — около четырехсот. Волосы густой, темно-бурого окраса. Одомашненный як: бык весит до шестисот восьмидесяти килограммов, корова — около трехсот пятидесяти. Окрас светлый, с темно-бурыми космами. Молоко жирностью превышает коровье. На яках можно ездить верхом. Во время бурана як замирает как вкопанный; со стороны может даже показаться, что он замерз.

Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888) — русский генерал и путешественник. Возглавлял четыре разные экспедиции по Азии и на Тибет. Исследование места нанесено на географическую карту.

Тройка леммингов, лось и песец,
конечно, излюбленные средства
передвижения по тайге, но далеко
не единственные.

Когда позволяет погода,
гноми совершают
пешие переходы
на расстояние
до двадцати километров.

При этом они могут тянуть за собой
болокуши, доверну грузы орехами.

Бывает и так, что ношу приходится нести,
буквально взявши в охапку. Это происходит,
когда нужно перенести, например,
цыпленка. Человеческие дети тоже
любят возиться с цыплятами.
Недаром в детстве ездил я не
у каждого из нас был деревянный
цыпленок.

Довольно привычен и вид гнома со старым
рюкзачком за спиной или с корзинкой,
где лежат фрукты или грибы.
Эта ноша не только не замедляет
движение, но даже ускоряет.

Если нужно быстро

смотаться в магазин, гном запрягивает
на пешеходный велосипед (который
без педалей и который,
между прочим, не менее одиннадцати
тысяч лет); для тех же, кто
получает удовольствие от самого
похода в магазин, годится
и обычная тележка;

для перевозки
негабаритных или
тяжелых грузов гномы
используют трехколесный
велосипед с кузовом
(трициклет);

а вот совенюша,
выпавшего из гнезда,
сподручнее переносить
на ручных носилках.

Больше всего

гнои не любит мочить ноги.

← Даже преодолевая водные препятствия он старается, не замочив ног. С места гном способен прыгнуть аж на семьдесят пять сантиметров — результат, которому могла бы позавидовать и лягушка, а с разбега — аж на два с половиной метра.

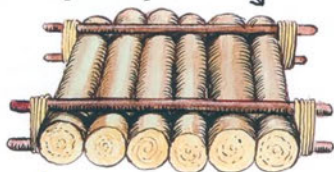
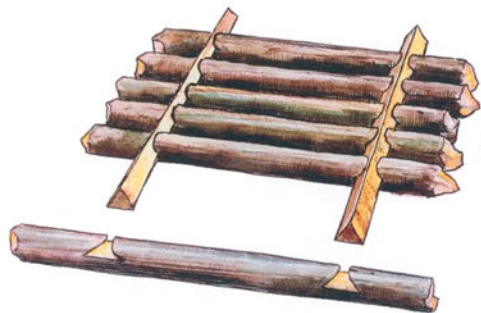
Если речной берег заблочен или порос густыми кустарником и потому не даст толком разогнаться, гном без раздумий будет прыгать с шестом, лишь бы приземлиться на другой стороне сухим, как тот лист.

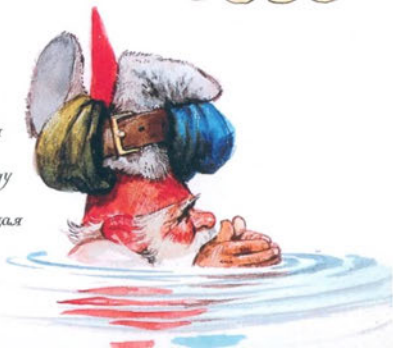
Испытанным и надежным
парашютиком у гномов славят выдра
(см. «Гномы»).

Плот собирается без единого гвоздя
(см. рис. 1 и рис. 2).

Преследовать реку впасть
гномы не любят. Но буде такая
необходимость, в ход пускают
ремень, коим стягивают одежду
и покажут вокруг колпачка,
таким образом предотвращая
их намокание.

Гном не проваливается ни
в глубоком снегу, ни на льду
(разве что на тающей «снежной
каше»), и поэтому узнать себя
за ним в зимнюю пору
попросту невозможно.

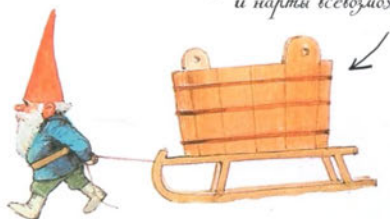
Вдобавок лыжный слалом
и прыжки с трамплина
для гнома не вид спорта,
а обычный способ передвижения.

На крайний случай, если уж гном сильно опаздывает,
он выстывает фазана.

Для перевозки грузов зимой используются грузовые сани
и нарты всевозможных видов.

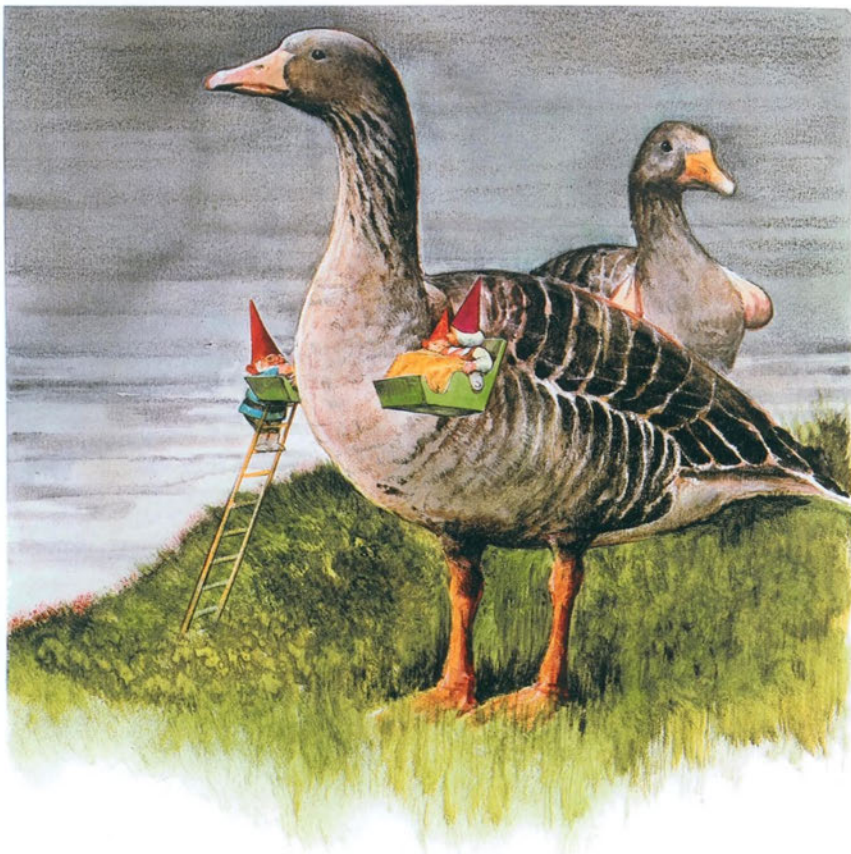
Всобщей любовью
пользуются танцы на льду.
Эта мода не столь
скоротечна, сколь
непреходяща.

Не отягощенный крюками,
карабинами, «кошками», «жестовыми»
и другими альпинистскими
снаряжениями, гном легко
одолевает горные кручи. Причем
спуск у него происходит даже
быстрее, чем подъем: не утруждая
себя вкалыванием колышков
в неподатливую поверхность скал,
он использует любую неровность,
упираясь в нее своим шестом,
и спускается почти
по прямой.

Воздушный перелет
совершается на большие
расстояния, а также для
оценки всхожести на полях,
разлива рек, осмотра молодых
посадок и заливных лугов.
На воздушную прогулку, как правило,
отправляется вся семья.

Надежным средством воздушных перевозок
считается аист, но только в летний
или весенний период.

Людское поверье,
что потороженных в свои кляве
приносит аист, есть не что
иное, как следствие
обмана зрения.

При выборе средств передвижения
гноми вынуждены проявлять
известную избирательность...

На то есть свои, вполне
объяснимые причины:
черепаха, даже если спешит,
спешит так медленно, что стала
притчей во языцех,

на елке больно
не наслушаться,
а у белки полно блох.

Светло на улице или темно,
гному все едино — он видит одинаково
и днем, и ночью.

Даже в темных лазах под землей он не заблудится и найдет дорогу.

Если гном хочет пересечь поле незамеченным,
он пробирается под снегом туннелем с помощью
своего остроконечного колпака (только
натренированный глаз способен определить
путь движения гнома под снегом).

При необходимости гном
способен проделать тот же трюк
в рыхлой земле.

Притом что гномий лаз пролегает неглубоко,
его часто принимают за кротовый след; нельзя
быть уверенным до конца до тех пор, пока
кто-то не попадет в кротовый капкан
(см. рис.).

(путешествие продолжается)

В мешке нас так укачало, что мы перестали замечать бег времени и не смогли бы сказать не только который час, но даже и какое число. Поэтому сколько длилось наше путешествие от Корка до Корка, мы и представить себе не могли. Быть может, йети и нарочно нас запутывал; так или иначе, но внезапно мы услышали: «Вот мы и на месте!», вслед за чем одеяло было спущено долу. Пошатываясь, мы ступили на твердую землю, и первое, что мы увидели, был высокий курган за грубыми тесаными воротами.

На стене мелом было выведено: «Шар III». В слове «шар» была допущена ошибка. Это и была Алтайская воздухоплавательная станция.

А вот йети было явно не по себе. Как-то совсем по-йетски он беспокойно озирался по сторонам и бормотал:

— Меня увидеть! Я уходить. Человеки близко.

— Давай-ка я поставлю тебе большое йглу, хоть отоспишься на дорожку, — предложил ему Николас.

Но йети без лишних слов уже скрылся. Николас пожал плечами и постучал в ворота. На пороге показалась жена тролля.

— Здравствуй, Бони! — приветствовал ее Николас. — Корк Третий дома?

— Корк плох, — немногосложно отозвалась она.

— Это фамильное гнездышко Корка Третьего, — обращаясь к нам, пояснил Николас. — Он с боем отстоял его у родственников, когда решил перевоспитаться.

Что ж, внутри была настоящая берлога тролля. Прямо по полу бежал ручей. У стен стояли клетки для похищенных

детей. А вот под потолком колыхались два воздушных шара. В углу, на подстилке из еловых ветвей, маялся животом заходящийся в стогах хозяин. Мы склонились над ним.

— Все ясно, — после беглого осмотра подытожил Николас. — Запор. Лучшее средство от запора — клизма.

Николас собственноручно приготовил клизму, попутно объясняя, что и как применяется в таких случаях в народной медицине. Ставить клизму мы доверили Бони — пускай тренируется. Поначалу ничего не произошло. Но уже четверть часа спустя Корк Третий беспокойно заворочался на своем ложе, вскочил и пулей вылетел в открытую дверь. Откуда-то из лесу послышались звуки, напоминающие пулеметную очередь.

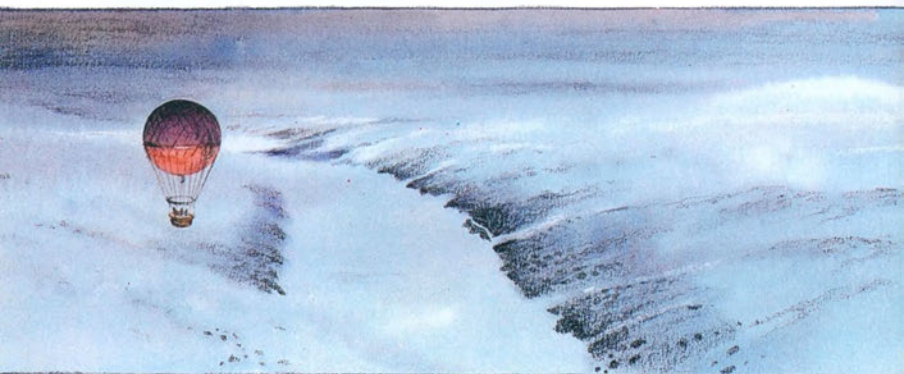
— Ему нужно побыть одному, — деликатно заметил Николас, прикрывая дверь.

Тем временем часы пробили восемь, и мы вспомнили, что голодны. Николас забрался в шкаф и принялся метать на стол всевозможную снедь, отчего нам показалось, будто мы вернулись в лоно цивилизации, а не прозябаем где-то в дебрях сибирской тайги. Впрочем, не очень-то мы уже и прозябали, поскольку были достаточно далеко от Заполярья и могли вновь путешествовать на воздушном шаре. Правда, Николас до сих пор не объяснил зачем, да и что нас ждет на реке Енисей.

Полчаса спустя из лесу вышел Корк Третий, все еще бледный и покрытый испариной, но уже было заметно, КАК ему полегчало. С чувством радостного облегчения он выволок шар наружу, и какой-то час спустя мы уже «поймали» ветер и неслись на встречу с Коронным Корком, что проживал где-то неподалеку от Пит-Городка* среди Енисейского кряжа у реки Енисей.

*Пит-Городок — поселок в Северо-Енисейском районе Красноярского края России. Основан в 1936 г. рядом с золотоносной жилой. На 2007 г. в поселке было около 100 жителей. — *Примеч. пер.*

Путешествие к дому Коронного Корка заняло три дня. Прошло оно без особых событий. Лишь однажды, пролетая над голым холмом, мы заметили необычайно маленького досья; тот разгребал снег в поисках съедобного мха. Они с Николасом приветствовали друг друга, словно старые приятели.

— Его зовут Одноглазик, — сказал Николас. — Так и осталась недоростком. Я подобрал его у реки, когда ему было всего четыре месяца от роду. Он едва дышал и был весь облеплен мошкаркой — здесь такое случается. Мошкарка была везде: в глазах, в носу, во рту, в ушах, — он был искусан так, что живого места не осталось, все было в крови. Он забрался в воду, пытаясь спастись от безжалостных укусов, но мошкарка налетала вновь и вновь. Я, как мог, разогнал мошкарку и отмыл его от крови, но вот левый глаз спасти так и не удалось. Я разыскал его мать — она думала, что потеряла его навек. Молока у нее хватило, чтобы его выкормить, но вот на то, чтобы он набирал вес, молока оказалось недостаточно. Вот таким он и остался.

«Воздухоплавательная станция IV» оказалась больше, чем предыдущие три. На станции мы познакомились с рослыми (по гномьим меркам), широкоплечими гномами, что скучали в ожидании попутного ветра. Здесь мы вновь надели лыжи — нас ожидал очередной лыжный переход. Коронный Корк оказался бесхвостым троллем весьма преклонного возраста. Для лучшей солидности он носил круглые очки,

что придавало ему сходство с сохой, а вот стекла в них, судя по всему, были самые обычные. В этих очках, по свидетельству Николаса, он мог прочесть несколько знакомых слов; эти же очки вдохновили его на создание расписания полетов, от которого все равно было мало толку, поскольку все полеты так или иначе определялись силой и направлением ветра. Коронный Корк, видно, считал себя незаменимым, поскольку неизменно влезал в любую мелочь, а с нашими лыжами он был готов носиться хоть целый день, пока Николас не попросил его передохнуть.

Дом самого Николаса находился в сорока верстах от станции. Путь к нему лежал через заснеженную тайгу, которая представлялась нам каким-то сказочным местом. То тут, то там мы пересекали звериный след и даже своими глазами увидели живого соболя и росмаху.

А еще по дороге нам попалась деревушка, которую мы решили обойти стороной. И здесь мы наткнулись на попавшую в силки косулю. Судя по рогам, это был самец. Он был еще жив, но мучился от страшной боли. Николас попытался было успокоить его, чтобы забраться ему на спину и поглядеть, что можно сделать, но тот дергался изо всех сил, все туже затягивая петлю.

При виде несчастного животного слезы сами наворачивались на глаза. На губах у него выступила кровавая пена, он метался из стороны в сторону в тщетных попытках освободиться и, казалось, был

Росомаха (Gulo gulo), иначе называемая горной куницей, достигает в длину до девяносто сантиметров, живет в северной части Азии и Америки и славится своей прожорливостью. Шуба из росомахи весьма ценится у сибиряков потому, что не собирает влагу изнутри.

на грани сумасшедствия. Но силы вскоре покинули его, и он на какое-то время затих. Мы тут же забрались ему на спину: двое оттягивали стальную проволоку, третий — пилил. Ну, что сказать, нелегкое это дело — пилить плетеный провод на морозе, стоя на спине у косули, что так и норовит сбросить тебя вниз. Поэтому, когда до конца оставалось два проводочка, Николай сам отправил нас на землю — косуля могла вырваться в любой момент.

Так и произошло: косуля отчаянно дернулась, последний проводок «стрельнул», освобождая пленное животное, а сам Николай отлетел в сторону, с глухим стуком ударившись о дерево. Мы бросились к нему — он не шевелился. Мы опустились рядом с ним на колени, и тут он, не моргнув глазом, сказал:

— Все ясно. Это сломанная нога. Помогите стащить валенок.

Голень и впрямь была сломана. То был один из тех редких случаев, когда гном пострадал от животного, но животное, право же, было не виновато. Мы оглянулись по сторонам — вокруг стояли кедры, ели, пихты, березы и рябины, а вот для шины хорошо подошла бы бузина. Но делать было нечего — пришлось остругать пару рябиновых ветвей, а для стяжки надрать березовую кору. Для быстрого заживления в народной медицине часто используют арнику, но где же ее сыскать под снегом? Один из нас осторожно выпрямил сломанную ногу, так что подошвы обеих ног оказались рядом, другой наложил шину. Должно быть, это была болезненная операция, но Николай

стойко перенес ее, не проронив ни звука. Но верно и то, что издавать какие-то звуки ему было попросту не с руки — он как раз прикладывался к бутылке со своим излюбленным напитком. Чтобы он не отморозил ногу, мы натянули обратно носок и валенок — и то и другое пришлось разрезать.

До дома Николаса было еще добрых пятнадцать верст. Мы решили соорудить носилки. Поскольку вес был небольшой, мы ограничились ивовыми прутиками. А ляжки от рюкзаков оказались нам достаточно прочными и для носилок. Отлично, что пока мы их мастерили, мы даже заслужили от Николаса несколько одобрительных хмыков.

А вот дальше произошла заминка — нам никак не удавалось идти плавно в ногу, и каждый из нас по несколько раз падал, выслушивая, что Николайс думает по поводу нашей лыжной сноровки. Но, в конце концов, мы как-то приноровились, и дальше Николайс только показывал дорогу. Спустя часа два или около того мы стояли у подножия высоченного кедра. Здесь-то и жил Николайс. Мы собрались заносить его внутрь, но он сказал:

— Погодите! Там вращающаяся дверь, мы так не пройдем. Позовите мою жену.

Мы вошли в пещерку, прошли под длинному коридору и постучали. На стук вышла крепко сбитая сибирячка и, ни слова ни говоря, устремилась наружу. Увидев ее,

Сибирская косуля отличается от европейской большими размерами и рыжим окрасом; кроме того, на рогах у нее может быть до шести отростков.

Николас поднялся с носилок. Она подхватила его:

— Что с моим маленьким медвежонком?

Звали ее, как мы потом узнали, София Владимировна. Отклонив всякую помощь, Николас заковылял домой. Здесь мы уложили его в постель, сняли временную шину, намазали ногу целебной мазью из арники, а затем наложили настоящую шину из бузины.

Потом все сели за стол, и Николас сказал:

— Пришла пора ответить на вопрос, что мучил вас все это время: зачем вы здесь? Мои соотечественники очень обиделись на вас за то, что вы написали о них в первой книге, в той части, где про Сибирь, и

хотели бы встретиться с вами в суде. Поэтому вас и пригласили в Лапландию. Тамошние гномы были против вашей поездки в Сибирь, а Мирко упирался дольше всех, но и он уступил, когда в дело вмешался верховный судья. Поскольку я сам мировой судья, мне было предписано встретить вас в Лапландии и доставить сюда, изучая вас по дороге. Изначально я был не очень-то уверен в вас, что и было причиной моей грубости, за что я и приношу свои извинения. Запретом верховного также и объясняется, почему вам не показали «Книгу тайн» целиком. Вы не роптали, хотя вас и снедало любопытство, и это тоже не прошло незамеченным. В тайном послании, полученном мною на «Воздухоплавательной станции IV» у Коронного Корка, мне был предоставлен окончательный выбор: вызывать вас в суд или нет? Я поглядел, как дружно и находчиво вы помогали мне, когда я сломал ногу, и рекомендовал дело к закрытию. Это значит, что вы можете возвращаться домой, но при трех условиях.

Эти условия я сообщу вам, когда вы проснетесь. А теперь вам нужно поспать все те же привычные восемь часов.

Несколько сбитые с толку, уставшие донельзя, мы рухнули на кровать. София, которая, должно быть, решила, что очень обязана нам за спасение своего мужа, тихонько подоткнула нам одеяла, но мы так устали, что даже не смогли поблагодарить ее.

Проснулись мы все с тем же чувством усталости, но все равно прошли к столу.

За завтраком Николас вернулся к вчерашнему разговору:

— А вот и три условия! Первое: в вашей новой книге вы должны взять обратно необдуманные слова в адрес сибиряков, брошенные вами в первой книге. Второе: вы должны будете пройти еще одно испытание. И третье: когда пробьет час вам вернуться домой, к людам вы вернетесь не только с новой книгой, но и с новым заданием. Но об этом задании вам расскажет тот, кто лучше других понимает, о чем речь. А больше я вам ничего и не скажу.

Мы были удручены и взволнованы одновременно. Что нас ждет впереди? А Николас лишь молча пожал нам руки. Промолчал он и тогда, когда мы спросили, уж не прощальное ли это рукопожатие.

Нас повела София. Она привела нас к пещере высоко в горах и исчезла. Мы прошли в конец длинного коридора и увидели перед собой дверь, на которой был изображен глаз. Мы постучали, и глаз сам-собою открылся.

Дверь отворилась. Пред нами предстал большой гном с широкой улыбкой на лице. От его улыбки веяло покоем.

— А вот и они, наши гости из Голландии! Николас передал весточку. Добро пожа-

ловать, как говорится, в объятия Морфея. Морфей, или, иначе, Сеятель*, он же Песочный Человек — это я.

Сеятель в сибирской глуши?! Сказать, что мы были удивлены, — не сказать ничего.

Лицо Сеятеля, в густой сеточке тонких морщинок, чем-то напоминало осеннее золотистое яблоко. Он указал на мягкие стульчики, что стояли в гостинной, и, не удержавшись, мы тут же спросили, как ему удастся доставлять сны по такому невероятному количеству адресов. Он оставил вопрос без ответа, но мы решили, что здесь имеет место какая-то связь с подвижками в стратосфере, что открывают ход в четвертое измерение.

— Время у края черной дыры во Вселенной замедляется, вот я и даю людям возможность побывать в безвременье, — только и сказал он.

Чуть позже он позволил нам заглянуть в свои закрома, где бесчисленными рядами стояли мешки с волшебным песком. На некоторых красовалась надпись: «Для зимней спячки».

— Разве вам не приходится разносить все это богатство самому? — спросили мы.

— Куда мне! — ответил он. — Все чаще людям приходится обходиться без меня. В мои годы не больно-то поездишь по свету. Ведь я стар, как и сам этот мир.

Засим он поведал нам пару столь поучительных, сколь и утомительных рассказов из жизни замечательных людей, мающих бессонницей, но дослушать их до конца мы не смогли, поскольку стали клевать носом и чуть не попадали со своих стульев. Поэтому мы оказались в объятиях Морфея на несколько часов раньше привычного.

* Сеятель, или Песочный Человек (англ. *Sandman*, нем. *Sandmännchen*), — фольклорный персонаж, традиционный для Западной Европы. Согласно поверью, сыплет заигравшимся допоздна детям в глаза волшебный песок, заставляя их засыпать. Основанный на фольклорном образе Песочного Человека литературный образ встречается в различных произведениях, в частности у В. Т. А. Гофмана и Х. К. Андерсена. — *Примеч. пер.*

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

Очнулись мы в тропической долине меж двумя горными кряжами, поросшими зеленью. Солнце уже садилось, но удушливая жара все еще не спадала. Где и в каком времени мы оказались?

Вокруг не было ни души, и спросить было не у кого. С тяжелым сердцем мы принялись обдумывать наше теперешнее положение. Не исключено, что от нас ожидали каких-то действий, но каких именно? А что, если нас выкинули в пустынном месте лишь для того, чтобы проверить, как мы усвоили уроки выживания? Внизу под ногами шумела река. Так или иначе, но нужно было двигаться, и мы вспомнили, как Николас учил нас, если заблудимся, всегда спускаться вниз по течению. Вода стояла довольно низко,

и потому идти по песчаному берегу было легко. Вокруг роились надоедливые москиты и прочая зловредная мошкара. Высоко над горами кружили две вороны. Мы нарвали травы и подоткнули ее под наши колпачки на манер накомарника, а руки упрятали от укусов под бороды. Внезапно нам в глаза бросился тайный знак на прибрежных камнях: «ОПАСНОСТЬ! СВЕРНИТЕ ВЛЕВО!» Следовательно, до нас здесь побывали гномы. Но вот незадача: стоит нам свернуть влево — мы затеряемся в горах. Да и надпись, судя по виду, была оставлена здесь давным-давно. Мы решили, что вероятность встретить в горах дружелюбного гнома настолько мала, что можно и не пытаться, и побрели дальше своим путем.

С незапамятных времен
гноми пользуются
тайными знаками,
что оставляют друг
для друга в лесах и
на полях.

← Например:
«Внимание! Опасность!»,

«Искать справа налево
и обратно»

или
«Осторожно!
Троль» западня» —

«Ийти вправо
на триста ярдов»,

← признаем, что шишка, подвешенная
на дубовой ветке, выглядит
так же нелепо,
как и сам троль, и так же смешно,

как фазан с хвостом тетерева

(не то чтобы это сравнение
имело какое-то отношение к гномам,
оно просто пришло
в голову само)...

...или вальдшнеп
с утиными хвостом,

или косуля с рогами,
что у того горного козла,

или лиса с клыками,
как у дикого вепря,

или кролик с длинным хвостом,

или сорока с гребешком
и бородкой,
как у петуха,

или вепрь с рожками косули,

или ни в чем не повинная утка
с фазаньим хвостом...

и все такое прочее.

Но не успели мы пройти и ста метров, как самым нелепым образом угодили в охотничью яму: сверху ее прикрывал белый речной песок, а отвесные стены были выдолблены в скальной породе.

На рассвете мы очнулись, в синяках и очень подавленные, в клетке, сквозь решетку которой наблюдалась безбородая мужская особь с наружностью, соответствующей позднему каменному веку. На животе у него красовалась набедренная повязка, а на шее — ожерелье из пожелтевших зубов (как мы определили, верхних клыков).

Он поднял клетку, потряс ее, как погремушку, и хрипло рассмеялся. Кажется, мы находились в гостининой пещеры. С нашего места у стены мы наблюдали молчаливых женщин, что хлопотали по хозяйству, а некий человек невысокого роста, видимо бывший в услужении, принес нам мясной отвар, в котором плавали какие-то овощи. Едой нам пришлось поделиться с мышкой. В скале напротив была выдолблена ниша, где на полке приютилась еще пара гномов. Они выглядели оборванными и жалкими.

— Ау, — окликнул нас мужчина на языке гномов. — Вы откуда?

— Из Сибири. Мы только-только от Сестея.

Он с сомнением поглядел на нас.

— Вы сможете вызволить нас из клетки? — спросили мы.

— Наше место — на этой полке, — безучастно отозвалась женщина. — Мы — последние из гномов в этом краю, и то только потому в живых, что показываем погоду. Остальных Желтый Клык... кого съел, кто сам сбежал.

Говорят, когда Желтый Клык родился, ведьма предсказала, что быть ему вождем племени, но за это не будет у него детей, и только гномы смогут ему помочь.

Ее рассказ продолжил мужчина:

— Так и получилось. У Желтого Клыка много жен, но все они бесплодны. Вначале согнал он всех гномов в округе и пообещал отпустить, если те помогут его несчастью, но те лишь пожали плечами, и тогда он стал их мучать и пытаться, и это не помогло, и вот в его дремучей голове зародился план, по хитрости и коварству достойный своего века: он

решил откармливать и съедать гномов в надежде, что их сила перейдет к нему. То же ожидает и вас — вначале вас откормят, а потом съедят.

На этой печальной ноте одна из пещерных женщин накинула тряпку поверх нашей клетки, чтобы прекратить разговоры. Но к утру у нас тоже созрел план. Когда подошел час кормежки и тряпку сняли, мы хором закричали, что можем помочь Желтому Клыку. Битый час у нас ушел на уговоры, но в конце концов он сдался и отправил всех женщин детородного возраста помочиться в каменный горшок. Взяв с нас слово, что мы не попытаемся сбежать, нас освободили на время лечения, и мы подготовили все остальное.

Перво-наперво мы вырезали из твердой породы тропического дерева первобытный шприц, затем на медленном огне подогрели мочу и прописали Желтому Клыку уринотерапию в виде уколов три раза в неделю в мягкое место (что можно было назвать «мягким» чисто условно). Игла, пожалуй, была толстовата, но этим толстокурным к боли было не привыкать. К слову сказать, Желтый Клык стойко переносил лечение, ни разу не усомнившись в том, что оно подействует! Когда его младшая жена понесла, он был вне себя от радости. А уж как были рады мы,

и говорить не приходится! Первым делом мы потребовали, чтобы он освободил гномов «погодного домика» — бедолагам пришлось заново учиться ходить. Затем мы настояли на том, чтобы остальные гномы могли убраться восвояси, и вскоре из окрестных земель потянулись домой несчастные изгнанники. Но сами мы никак не могли расстаться с Желтым Клыкком, вернее, он ни в какую не желал нас отпустить. Мы уж и местного знахаря научили делать уколы, но Желтый Клык решил, что принимать роды должны именно мы. Мы находились при нем неотлучно — он брал нас с собой и в набег на соседнее племя, и на охоту, так что навидались мы всякого: и слонов, и львов, и антилоп, и верблюдов, и даже саблезубых тигров.

Жара, москиты, нескончаемые стычки с соседними племенами, массовый забой

бизонов, вид мамонтов, загубленных в охотничьих ямах, — такая жизнь нам вскорости опостылела. Немало бессонных ночей мы провели в раздумьях, как бы уйти по-английски, не нарушив данного нами слова.

И вдруг в один прекрасный день мы проснулись как ни в чем не бывало в мягкой постели дома у Сеятеля. Оказалось, из-за багдахина за нами следил его насмешливый взгляд.

— Для уроженцев современного Запада задача была не из самых тяжелых, не так ли? Однако напрасно вы презрели предостерегающий знак. Хорошо, что сдержали слово. Я вернул вас назад потому, что минуло уже более трех месяцев, хотя здесь эти три месяца уложились в три дня.

Той ночью он раскрыл нам сущность сна, который становится возможным благодаря взаимодействию между *formatio reticularis* и серым веществом, что является научно неопровержимым фактом. Затем он живописал нам историю Спящей красавицы в заколдованном замке, окруженном непроходимыми колючими джунглями, так, что сам Гюстав Доре позавидовал бы картинам, что нарисовало наше воображение. Затем он поведал нам правдивую историю Белоснежки и семи гномов, а также историю Рапунцель и многие-многие другие, что разворачивались перед нами, словно наяву.

— Видите ли, — пояснил он, — в тумане прошлого, каким сейчас его видят люди, когда родилось большинство сказок, гномы были вовсе не редкостью и не воспринимались как нечто необычное. А ведь

именно гномы позаботились о том, чтобы сказка не умерла, а дожила до наших дней. Волшебные сказки — это воплощенные в поэзию древнейшие чаяния и опыт самих людей. Кривда должна быть исправлена; узники темниц — освобождены; закодированные — раскодированы; уродство — переродиться в красоту; разбушевавшийся дракон — утихомирить; глупость и грубость — наказаны. Маленькие да башковитые всегда побеждали больших да безмозглых. Всю жизнь этим и занимались гномы.

Не приходится удивляться, что именно гномы были главными героями множества таких правдивых историй, но так как истории передавались изустно, ибо ни читать, ни писать никто из людей в ту пору толком не умел, то главного героя постепенно «подправляли», чтобы он был ближе к людям, пока он не изменился до неузнаваемости. Не стоит забывать и о том, что большинство сказок уходит корнями в каменный век, во времена еще доиндоевропейской культуры. И уж никак не следует полагать, что они придумывались для детей! Сказки придумывались взрослыми и для взрослых, только вот по умственному развитию они были никак не выше нынешних детей. Так же, как и дети, тогдашние взрослые слушали сказки открыв рот и наострив уши, боясь упустить хоть слово.

Естественно, наше подсознательное, или, если хотите, бессознательное, находит отражение и в сказках: возьмите образ хоть озера, хоть непроходимой лесной чащи. Это символы неизвестного и опасного мира, где соединяются прошлое, настоящее и будущее, и потому здесь возможно все. Именно оттого, что описание этих «закодированных» мест не выходит за рамки правдоподобного описания обычного озера или многожды виденного леса, то и все дальнейшее повествование

не кажется невероятным. А все, во что ты веришь, существует. Те сущности, что обитают в твоём сердце, становятся частичкой и внешнего мира; ты найдешь их там, куда сам поместишь. Иными словами, человек видит то, что хочет видеть. Если бы вы гостили здесь подольше, я бы сводил вас на, скажем так, экскурсию по нашему сказочному миру. Там много для вас удивительного. Но раз уж вам недосуг, то я, пожалуй, перешлю-ка вам то, что смогу, по нашей почте прямо в Голландию.

Под утро, когда глаза сами собой стали слипаться, на сон грядущий Сеятель рассказал нам еще одну историю: о бедном дровосеке, его бедной жене и бедных семи сыновьях.

— Так ведь это же сказка про Мальчика-с-Пальчик! — в одночасье проснувшись, воскликнули мы.

— Конечно, — не стал спорить он, — но в вашей сказке Мальчик-с-пальчик совсем уж необычный человеческий ребенок, но вот на самом-то деле он был просто не совсем обычным гномом. Даже для гнома он был МАЛ, но у нас его многие знали, а звали его Чик, по прозвищу Спальчик, потому что уж больно он любил поспать. На эту, с позволения сказать, сказочную несуразицу я обратил внимание Шарля Перро еще в... э-э-э меня не подводит память... ну да, в тысяча шестьсот девяносто седьмом году. Не слишком ли МАЛ Чик Спальчик, чтобы взять его да и превратить в человеческое чадо: как-никак пятнадцать с половиной сантиметров даже для необычного ребенка уж больно маловато, — но Перро лишь отмахнулся. В конце концов, как он признал, он и сам смущен тем, что пишет сказки и даже вынужден подписывать их именем собственного сына. Сам же он считал себя ученым книжником и потому вовсе не рассчитывал, что кто-то станет их читать, кроме него самого.

* «Погодный домик» — популярная в Западной Европе игрушка-гигрометр, обычно в форме швейцарского домика шале. В домике две дверцы: в левой дверце появляется женская фигурка, в правой — мужская. Женская фигурка «выходит» из домика, когда тепло и сухо; мужская — на дождь. Фигурки установлены на противовесе, прикрепленном к шнуру, скрученному либо из волоса, либо из кишки. В зависимости от уровня влажности шнур растягивается или сжимается, поворачивая противовес. — *Примеч. пер.*

ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ

А проснулись мы в местах, опустошенном оборотнем. Там, где раньше стояли деревни, нынче пахло одной лишь золой; где мычали коровы, там встречала сторожкая тишь, люди прятались в страхе. А было дело в пятнадцатом веке. Страх, помноженный на суеверия, парализовал, говоря современным языком, все местное население, тем более что оборотень сверхъестественным образом нападал в глухой ночи в разных местах одновременно.

Мы были десантированы на местности, имевшей настолько дурную славу, что вот уже много лет здесь не ступала нога человека. По данным разведки, именно отсюда оборотень совершал свои опустошительные набеги. Не полагаясь на слухи, мы внимательно оглядели следы — на волка пенять было нечего, все следы принадлежали человеку.

Уже на вторую ночь нам повезло — из своего укрытия на дереве мы заметили живое существо, что пересекало поляну. И даже не одно, а целых три. Но ничего необычного в них не было. То были трое мужчин, накинущих на плечи волчьи шкуры. Не подозревая, что за ними наблюдают, разбойники шли не таясь и негромко переговаривались друг с другом. Далее дело было за малым: уже на следующую ночь мы вырыли охотничью яму, прикрыв ее самодельной колючей проволокой и дерном; когда разбойники показались вновь, нам не составило труда заманить их в ловушку. С нашим весом мы легко перебежали на другую сторону, где и подождали, пока они с громкими проклятиями не рухнут в яму. Шкуры остались висеть на проволоке.

Чтобы не дать разбойникам умереть с голоду, мы вызвали жителей ближайшей

деревни. Пара деревенских силачей спустили с них по три шкуры, а вот волчьи шкуры сожгли.

Очнулись мы, как и ранее, в доме Сеятеля. Тот присел на краешек кровати и сказал:

— Со вторым заданием вы справились даже лучше, чем с первым! Почти как настоящие гномы.

В руках у него была «Книга тайн». Раскрыта она была на странице, что мы либо пролистали, либо недосмотрели.

— Ну-ка... — Он повернул отмеченные страницы, чтобы мы могли видеть. — Прочитайте! — Морщинистым пальцем он отметил нужные строки.

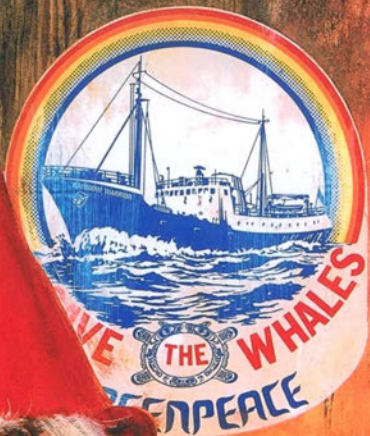
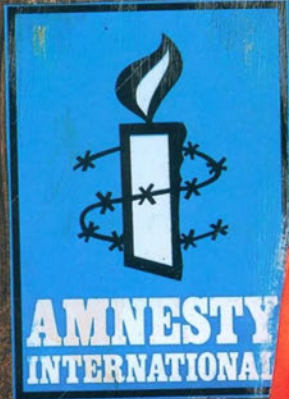
Сгорая от любопытства, мы прочли следующее: «В теплый период, предшествующий последнему ледниковому периоду, за сто тридцать тысяч лет до настоящей эры, гномым удалось укротить кровожад-

ного вождя по кличке Желтый Клык и тем спасти от вымирания гномов современной Азии».

Наша история была записана в мельчайших деталях. Вошли в историю и наши имена. На другой странице был описан случай с оборотнем в Средние века. Мы не знали что и сказать, а Сеятель лишь улыбнулся:

— Как видите, уже одно это с лихвой оправдало ваше столь внезапное путешествие в Сибирь. А привели вас ко мне потому, что я один погружаю в сон столь глубокий, что он способен пронизать толщу веков. А в том, что ваши имена попали в книгу, заслуга уже ваша.

ТРЕТЬЕ ЗАДАНИЕ

После завтрака Сеятель, погруженный в свои мысли, набил трубку. Затем плеснул в стаканы вина.

— Уж скоро час вам воротиться домой, — сказал он, одарив нас широкой улыбкой. — Вы с честью прошли два испытания, но они не идут ни в какое сравнение с тем, что вам предстоит. — Улыбка сошла с его лица. — Представьте, что в некой бутылке был заточен злой джинн. Он был немошен и слаб. Целую вечность он просидел за сургучной печатью, не в силах никому причинить зла, но люди, не ведая о том, выпустили его на волю, и теперь он превратился в страшного семиглавого дракона. Если не победить его сейчас, завтра будет поздно — это будет означать конец света.

Мы все еще не понимали, куда он клонит.

— Пришло время бить тревогу во все колокола, — продолжал Сеятель. — С каждым днем мы все ближе к краю пропасти. А дракон, о котором я говорю, это не кто иной, как Дракон Саморазрушения.

Первая его голова зовется «О БУДУЩЕМ ПУСТЬ ДУМАЮТ ТЕ, КОМУ В НЕМ ЖИТЬ»; а вторая — «НА МОЙ ВЕК ХВАТИТ»; третья — «БЛАЖЕН, КТО НЕ ВЕДАЕТ, ЧТО ТВОРИТ»; четвертая — «ПОСЛЕ НАС — ХОТЬ ПОТОП»; пятая — «КОГДА ГРОМ ГРЯНЕТ, ТОГДА И ВИДНО БУДЕТ»; шестая — «НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, ЧТОБЫ БЫЛО ТАК ПЛОХО, ЧТОБЫ НЕ МОГЛО БЫТЬ ЕЩЕ ХУЖЕ»; а седьмая — просто «ПЛЕВАТЬ».

Не в силах совладать с волнением, он принялся расхаживать взад-вперед, как маятник. Мы молчали. Он был прав. И нам вдруг представилось, что конец света приближается семимильными шагами не по дням, а по часам.

— В современном мире людей, — продолжил он, — к любому подарку неизбежно прилагается штепсель. Простейший людской инструмент пожирает энергию; вода в реках отравлена; на дне океанов в контейнерах, что вот-вот проржавеют, покоятся радиоактивные отходы; фреон аэрозолей разрушает стратосферу; водители авто могут оштрафовать, если они выбросят на дорогу мусор, но как же быть с выбросом выхлопной трубы его авто, который куда опаснее для всех нас?! Фабрики и заводы превращают чистые ручьи в черные сточные канавы, но фабрикантам и заводчикам все сходит с рук! Так кто же сошел с ума, позвольте спросить?..

В его голосе послышалось отчаяние. Мы едва узнавали в нем тихого, доброго Сеятеля.

— Что я вижу вокруг — реки, в которых дохнет рыба; истощенную почву, которая не хочет родить; воздух, в котором задыхаешься; леса, превращающиеся в пустыни потому, что каждый день на трех из пяти континентов Земли люди вырубают по сотне квадратных метров зеленых деревьев. Как люди не понимают, что деревья — это кислород, которым они сами дышат, а леса — обитель животных; многих оставшихся нынче можно увидеть лишь в зоопарке, где они доживают свой век, словно бледные тени былого...

Он помолчал, а затем, глядя нам в глаза, сказал:

— Это и есть ваша главная битва, то, ради чего стоит жить. Дракон должен

быть повержен, а иначе у детей ваших детей будущего уже не будет.

Возвращаясь к вашим делам, хочу добавить: Николас уже вам рассказал, что вам грозило судебное преследование и в наказание вас могли оставить в гномах, но я склоняюсь сам и склонил к тому других, чтобы дать вам третье задание. Я выслушал Николаса, и теперь уверен, что поступаю правильно.

Задачей Мирко было зазвать вас в Лапландию; Николас должен был сопроводить вас на Енисей; а я, как самый старый гном в мире, вижу свой долг в том, чтобы напутствовать вас: развращенное челове-

чество должно умерить и свои аппетиты, и потребности. Научитесь чему-то у гномов. Это и есть обращение гномов к людям! А теперь ступайте, — закончил он. — Вас ждет еще одна ночь в моем доме, и да увидится вам сон, что побудит вас к действию. А наутро вы проснетесь уже в своем мире. Мире, где во что бы то ни стало вы должны одолеть семиглавого дракона — именно он все ближе подталкивает человечество к пропасти. И да не собьют вас с пути ни трудности, ни преграды. В путь!

Со свечой в руке он вышел из комнаты и попрощался:

— Slitzweitz (Мир вам)!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда мы вскочили, дрожа всем телом от холода и в то время обливаясь потом, уже наступило утро. Оказалось, мы проспали двадцать четыре часа, а снились нам кошмары с чудовищами и катастрофами. Мы лежали голыми на полу в деревянном срубе, среди вороха собственной старой одежды, укрытые шерстяными пальто, в которых когда-то отправились в путь. В раскаленной печи полыхал огонь, а за окнами простиралась тайга. Уже надевая одежду, мы обнаружили, что пол далеко внизу, а на голове как-то сиротливо пусто. Мы снова превратились в нормальных взрослых людей. На столе обнаружилась записка: «До часу дня следуйте за восходящим солнцем, пока на другом берегу Енисея не увидите деревушку. Лед на реке вас выдержит. Чтобы не угодить в

полюнюю, вспомните, чему вы научились у гномов! Вам нужен пятый дом слева. Счастливого пути! Николас».

Наши пожитки были сложены в углу. Все было на месте. Кроме того, мы нашли две пачки русских рублей и Книгу, а также наши теплые полярные парки, только увеличенные до нормального человеческого размера. Здесь же лежали аккуратно сложенные маленькие колпачки.

На сердце было тяжело, мысли путались. Самый близкий из известных нам контактов человека с гномами подошел к неизбежному концу, и мы ничего не могли поделать. Нужно было идти, и мы вышли, притворив за собой дверь.

Первые лучи солнца едва пробивались сквозь густую крону деревьев. По солнцу мы и определили направление, как советовал Николас.

Безотчетно мы ступали очень осторожно — сказывалась привычка, а кроме того, надо признать, в нашу бытность гномами нам не приходилось усердствовать, чтобы держать равновесие, да и падать тогда было не страшно. Еще мы поминутно ловили себя на том, что нас так и тянет пригнуться, чтобы не зацепиться колпачком о ветку или сучок.

Не успели мы отойти от сторожки на каких-нибудь сто метров, как послышались чьи-то голоса. Мы замерли, будто гномы, стараясь не выдать себя, и лесники (или кто они там были) шумно прошли мимо, не заметив нас, и скрылись за деревьями. Мы продолжили путь. Судя по расстоянию между стволами, лес не рос сам по себе, а был скорее лесопосадкой. Единственным нашим проводником, как и раньше, было солнце, только с утра это был пылющий красный шар, а сейчас — бледный луч фонарика, пробивавшийся сквозь туман. Тем не менее путеводный свет солнца над самыми верхушками деревьев продолжал вести нас вперед.

Николас продумал всё, даже не забыл завести наши часы.

В лесу мы наткнулись на следы диких лошадей. Они вели в том же направлении, куда собирались и мы, и мы даже хотели догнать лошадей и попросить подвезти, но след резко ушел влево, и мы решили не рисковать. Потом мы пошли по тропе, протоптанной одиноким лосем. Незаметно нам даже удалось приблизиться к нему, но едва он учуял наш запах, как рванул с места и пропал. Тут-то мы с горестью и осознали, что близость к природе

и животным, дарованная нам в бытность нашу гномами, недостижима для нас сейчас, когда мы снова стали людьми.

Поодаль же заметили лесную поляну. На дальней опушке кормились четыре косули. Будь мы гномами, мы подошли бы поближе — полюбоваться их грациозной статью и серо-бурым окрасом, — но теперь, едва заметив нас, они тут же высокими прыжками скрылись из виду, вздымая копытами комья снега. Что ж, мы вновь принадлежали к двуногим, и у косуль были все основания опасаться нас.

А вот мы, в отличие от косуль, быстро двигаться не могли — мешали вещи, да и снегу навалило, чай, по колено, а мы уж совсем отвыкли от того, что человек проваливается в снег, а гном — нет. Но Николас взял в расчет и это обстоятельство: около часу дня мы и впрямь вышли из леса. Мы стояли на вершине длинного кряжа, а под нами лежала скованная льдом широкая река. На том берегу виднелась дере-

венька. Спустившись к реке, мы обнаружили даже следы шин и начали переход. Вот он каков, Енисей, одна из самых величественных рек Сибири, что несет свои воды в Северный Ледовитый океан.

В былые времена даже зимой его берега темнели от глухариных токовищ, но сейчас глухари были наперечет — их истребили браконьеры. Да и в самих водах реки, что когда-то кишели осетровыми, хариусом, лососем, форелью и щукой, осталась браконьерский след рыболовных снастей, спутанной леси, с рядами огромных голых и острых, как бритва, крючьев. Мы вскарабкались на другой берег и прямо перед собой увидели деревушку из одноэтажных домиков: какие-то побольше, какие-то поменьше. На улице мы миновали сани, запряженные лошадью, и партию случайных прохожих, что смерили нас настороженно-вопросающими взглядами, но так ничего и не сказали. Мы отсчитали пятый домик и в нерешительности остановились перед ним. Неподалеку

стоял мужчина в форменной фуражке; он вперился в нас пристальным взглядом, что не сулили ничего хорошего. За деревянным штакетником перед домиком виднелся ухоженный палисадник. Еще когда мы подходили к дому, входная дверь приоткрылась, и теперь в проеме показалась пожилая женщина и жестом показала: нам, мол, сюда.

Мы поднялись на крылечко, она рывком втащила нас внутрь и захлопнула дверь. Пока мы переминались с ноги на ногу в прихожей, она что-то высматривала на улице сквозь прикрытое занавеской окно. Наконец она вернулась и на ломаном немецком сказала, что все в порядке. Затем по скрипучей лестнице проводила нас в мансарду, где нас ждали две свежезастланные кровати, тазик с водой и брусок мыла. Мы умылись и спустились вниз. Наша хозяйка к тому времени уже успокоилась. Звали ее Наталья Филипповна, а к нашему приходу она сготовила пахучий борщ. Мы были голодны как волки, и накиннулись на него, заедая черным хлебом и запивая водкой. Из разговора с хозяйкой мы поняли, что гномы позаботились и о том, чтобы мы оказались поблизости от железной дороге. Неподалеку пролегла ветка Транссибирской магистрали, заложенной

еще русским царем Николаем Вторым. Эта магистраль протяженностью более шести тысяч миль сейчас соединяет Москву и Владивосток. Через четыре дня на Ачинск (Красноярский край), куда доходил Транссиб, должен был идти состав. Нам оставалось только ждать.

Наши проездные документы, включая билеты, разрешения на поездку, заверенные печатью, и паспорта, так же как и написанные от руки еще какие-то бумаги, были в полном порядке. Должно быть, у гномов были друзья в любой стране. Рублей с лихвой хватало на дорогу. Но в оставшиеся дни Наталья попросила нас не выходить на улицу, чтобы не привлекать внимания и не вызывать вопросов.

Так что все эти дни мы провели в ее доме. Наталья проследила за тем, чтобы мы ни в чем не нуждались. Ее покойный муж работал переводчиком при лагере

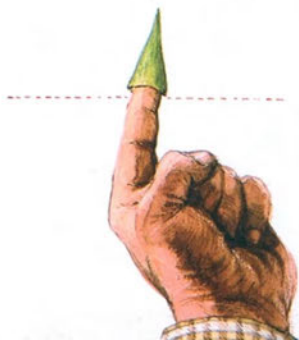

немецких военнопленных во время последней войны, так что она знала несколько слов по-немецки. Пятро ее детей давно уже обзавелись семьями и жили далеко отсюда. За четыре дня мы закончили книгу и решили по возвращении предложить ее для публикации Йену Вегемансу.

Впереди нас ждала долгая дорога, а последние слова Сеятеля все еще звучали у нас в ушах. Когда мы наконец доберемся домой, придется нам засучить рукава. Уж очень серьезное это задание номер три. Но даже если бы мы его не получили, жить так, как мы жили до встречи с гномами, было уже нельзя.

Пусть по росту мы вновь были людьми и не склоняли головы, когда входили в дом,

но в душе мы остались гномами. А то, что мы когда-то были гномами, того у нас не отберешь, даже когда мы вернемся домой, встретимся с нашими близкими и погрузимся в привычный людской мир.

В доме у Натальи, работая над книгой у себя наверху, мы частенько ловили друг друга на том, что невидящим взором вглядываемся в бескрайнюю тайгу и ледяные просторы Енисея, или задумчиво крутим на указательном пальце маленький остроконечный колпачок, или запускаем его побегать юлой на обеденном столе. При этом мы молчали — слова нам были не нужны.

Тихим пасмурным днем, когда ртутный столбик на термометре замер где-то около нуля, мы наконец погрузились на поезд. Для нас он ознаменовал прощание. Гно-

мы больше не давали о себе знать, хотя мы могли поклясться, что все это время они продолжали наблюдать за каждым нашим шагом. За окнами вагона проносились бурые стволы в зеленой опушке на бескрайних просторах южносибирской тайги, а когда мы поднимали взгляд повыше, то вглядывались в лесную даль, в которой — мы это точно знали — от людских глаз скрываются птицы, зверушки и... гномы.

На заснеженном полустанке среди туманной дымки мы на снегу разглядели красное пятнышко, и, хотя мы были самыми обычными людьми, мы догадались, что это послание, древнее, как и вздох Цицерона:

QUE USQUE TANDEM?
Долго ль еще?

УДК 821.112.5
ББК 84(4Нид)6-44
Х35

Перевод с голландского И. Илмина
Художник Р. Поортфалт

Хейген, В.
Х35 Тайны гномов / В. Хейген; [пер. с голл.
И. Илмина; худ. Р. Поортфалт]. — М.:
РИПОЛ классик, 2012. — 200 с.: ил.

ISBN 978-5-386-05171-6

УДК 821.112.5
ББК 84(4Нид)6-44

©1981, Van Holkema & Warendorf, Uitgeverij
Unieboek/Het Spectrum bv, the Netherlands

© Издание на русском языке,
перевод на русский язык,
оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2012

Литературно-художественное издание

Хейген Вил
Тайны гномов

Генеральный директор издательства
С. Макаренков

Редактор О. Степкина
Ведущий редактор Ю. Кузьминих
Выпускающий редактор А. Данкова
Художественное оформление:
Е. Синьковская, Т. Гришина
Компьютерная верстка: Е. Дерингер
Корректор А. Мухина

Подписано в печать 25.08.2012 г.
Формат 70×100/8.
Гарнитура «Bannikova».
Усл. печ. л. 32,25.
Тираж 7000 экз.
Заказ № 102142

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано:
SIA «Preses pams Baltic»,
«Янсидан», Силдкрөгс, Ропажский район
Латвия, LV-2133
www.pnbaltic.eu

Larisa_F

